

Московский государственный университет
путей сообщения
Императора Николая II

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Выпуск № 5(58)

Сентябрь-Октябрь

Москва
2016

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор)
Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.), Евлаев А.Н. (ответ-
ственный секретарь, к.пол.н., доцент), Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор),
Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Минералов В.Ю. (к.соц.н.)
Рожкова Л.В. (д.с.н., доцент)

**ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство.
Социология. Культура:** научный и социокультурный журнал //
М.: МГУ ПС (МИИТ), 2016. – Вып. № 5 (58). – 145 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Дмитриев А.В. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор ИС РАН

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матяя Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Лебедев С.Н. Доктор экономических наук, профессор, Президент Академии Литературы

Маркович Данило Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Миронов А.В.

Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Нарбут Н.П

Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Смолин О.Н.

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ

Сосунова И.А.

Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Чупров В.И.

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Шабров О.Ф

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

содержание

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

ВОРОБЬЕВ Г.А.	Социальная энтропия в предметном пространстве социально-философского изучения/ Social entropy in the subject area of socio-philosophical study.....	7
КРЕТОВ Б.И.	Региональные аспекты государственной политики: Арктическое транспортное измерение/ Regional aspects of state policy: Arctic transport measurement.....	17
СЕРГЕЕВ В.В.	Реализация политики импортозамещения в транспортной отрасли современной российской экономики/ Implementation of imports phase-out policy in a transport branch of modern Russian economy.....	25
СОКОЛОВ А.В./ ФРОЛОВ А.В.	Отношение власти к НКО: характер взаимоотношений в Ярославской области/ The ratio of power to the NGOs: the nature of relations in the Yaroslavl region	35

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

КОЛОДИНА А.А./ КРУХАМАЛЕВА О.В.	Становление социокультурного подхода в отечественном социально-гуманитарном знании/ Formation of sociocultural approach to domestic socio-humanitarian knowledge.....	44
КУМАКОВА Д.Б.	Трансформация концепции феномена традиции в современном искусстве/ The Traditionals phenomenon transformation concept in contemporary art.....	55
СУВОРКИНА Е.Н.	Модель «субкультура детства» и концепция культурного фронта в пост-субкультурных исследованиях/ Model "subculture of childhood" and the concept of cultural frontier in the post subcultural studies.....	62

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

НАЗАРОВА Р.К.	Патриотическое воспитание молодежи в вузе как одна из форм государственной молодежной политики/ Patriotic education of young people at University as one of forms of the state youth policy.....	74
---------------	--	----

ДЕНИСОВА Г. С./ ГЛУШКОВА С. А.	Особенности национально-государственной идентичности молодежи южных регионов России: сравнительный анализ/National-Governmental identity youth features of southern regions of Russia: comparative analysis.....81
<i>АСПЕКТЫ</i>	
КОЧЕТКОВ Е.Е/ КОРШУНОВ Г.В.	Состояние научной разработанности понятия асимметричного федерализма в отечественной и зарубежной литературе/ State of asymmetrical federalism scientific concepts' elaborate In domestic and foreign literature.....93
КРАСИНА Я.С.	Формирование прекариата в современной социологической структуре как процесс социально-культурных изменений в российском обществе/ Review of the literature on topic: «Creating of prekariat in modern social structure as the process of sociocultural changes in Russian society».....103
<i>ТОЧКА ЗРЕНИЯ</i>	
ГУЗЕНИНА С.В.	Советская богема как форма духовной провокации/ Soviet bohemians as a form of spiritual provocation.....111
КРАВЧЕНКО С.А./ КАТЕРНЫЙ И.В.	Социология будущего и будущее социологии: по материалам 3-го Форума Международной социологической ассоциации/ Sociology of the future and the future of sociology: on materials of the 3rd Forum of the International Sociological Association.....122
<i>РЕЦЕНЗИИ</i>	
МАРКОВ А.П.	О книге Александра Запесоцкого «Культура: взгляд из России»/ About the book Alexander Zapesotsky "Culture: A View from Russia".....136
<i>КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ.....141</i>	
<i>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....143</i>	

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

*ВОРОБЬЕВ Геннадий Александрович,
к.пед.н., заведующий кафедрой
«Информационно-коммуникационных техноло-
гий, математики и информационной безопасно-
сти» Пятигорского государственного универси-
тета*

vorobyev@pglu.ru

Социальная энтропия в предметном пространстве социально-философского изучения/ Social entropy in the subject area of socio-philosophical study

Аннотация

В статье рассматриваются постановка и актуальность исследования проблемы социальной энтропии в предметном пространстве социально-философского изучения. Показано, что в социально-философской рефлексии суть социальной энтропии заключается в дезорганизации, возрастании социального хаоса, что приводит к диссипации и потере социальной энергии. Нарастание социальной энтропии указывает на рост непредсказуемости поведения социальной системы, уменьшение связанности человека и его места в общности, а также человека и его социокультурного окружения.

Ключевые слова

Социальная энтропия; социально-философская рефлексия; воспроизводство социальной реальности; социальная дезорганизация; социальный хаос.

Abstract

The article discusses the formulation and relevance of research of social entropy in the subject area of social and philosophical study. It is shown that socio-philosophical reflection is the essence

of social entropy is disorganization, increasing social chaos, leading to dissipation and loss of social energy. The increase in social entropy indicates an increase in the unpredictability of the social system, reducing the connectedness of man and his place in the community, but also of man and his socio-cultural environment.

Keywords

Social entropy; social and philosophical reflection; the reproduction of social reality; social disorganization; social chaos.

В условиях социальных, экономических и политических перемен воспроизводство социальной реальности в российском обществе оказывается все более явно встроено в разнообразные векторы и уровни социального существования, испытывающие воздействие «сложной современности», где с различной степенью интенсивности проявляются социальная неопределенность, социальная дезорганизация, отклонение от нормы, казуальность, то есть нарастают энтропийные проявления и процессы.

Энтропия – (от греч. *entropia* – поворот, превращение) – часть внутренней энергии замкнутой системы или энергетической совокупности Вселенной, которая не может перейти или быть преобразована в механическую работу. Согласно закону возрастания энтропии, все самопроизвольные процессы во Вселенной однонаправлены и сопровождаются разрушением упорядоченных структур, рассеиванием энергии в пространстве. В основе любого происходящего изменения скрыты возможности распада и хаоса, которые не имеют ни причин, ни целей, обеспечивая лишь непрерывное движение.

По аналогии возникло определение энтропии как меры или степени «беспорядка», «дезорганизации» физической системы, и неэнтропии – как меры ее организации. В процессе анализа энтропийных процессов, имевших место внутри конкретно-локализованной сложившейся системы, конструируется представление о том, что дезорганизацию в этом смысле можно рассматривать как нарастающие энтропии.

Философы и социологи не могли не обратить внимания на объясняющую силу и эвристический потенциал понятия энтропии, что выражается в возможности рассматривать процессы, происходящие в мире, как энтропийные в термодинамическом смысле, в том числе, процессы, связанные с организацией социальной жизни.

В 1960–1970 гг. в основных своих чертах формулируется теория социальной энтропии. Энтропийный подход в анализе социальных процессов и различных сфер общественной жизни с течением времени и по мере развития такого междисциплинарного научного направления, как социальная синергетика, стал широко применяться в европейской и американской социально-гуманитарной мысли, прежде всего, в социологии. Для социологов энтропия является мерой организованности или дезорганизованности социальной системы. Чем более организована система, тем меньше энтропии, и наоборот. В некотором роде вся история человечества – это борьба против энтропии, процесс упорядочивания, интеграции племен в рода, рода в союзы, союзы в государства, государства в мировое сообщество.

Как пишет М.А. Одинцова, современное российское общество находится в ситуации, которую большинство специалистов характеризуют как разложение системы ценностей, «опрокидывание традиционных норм», «социальная шизофренизация», энтропия. Понятие «энтропия» было введено в середине XIX века в физике. Сегодня оно становится все более популярным в экономике, социологии, философии, психологии. В широком смысле энтропия толкуется как неопределенность события, явления, процесса и т.п. и чаще всего звучит как негативная характеристика¹.

Соответственно, социальная энтропия трактуется как мера отклонения социальной реальности и социальной системы (общества как формы социальной реальности) от условно эталонного состояния, что проявляется в снижении уровня организации и социального порядка, в деформации системно-иерархической структурированности и многосложности социокультурного потенциала, распаде нормативно-ценностных структур и сопровождается ослаблением их социализирующих и регулятивных функций. Применимо к социальной энергетике общества и социальной активности масс социальная энтропия – это рассеяние, обесценение творческой энергии общества.

Социальная энтропия проявляется через нарушение, «размывание» функциональной целостности и равновесия системы, что ведет к понижению возможности эффективной регуляции социальной жизни. Применимо к социально-философскому дискурсу концепт социальной энтропии выступает как аналитический инструмент, дающий возможность работать с социальной реальностью, поскольку

¹ Одинцова М.А. Жизнестойкость и смысложизненные ориентации студенческой молодежи в условиях энтропии современного российского общества//Мониторинг общественного мнения, 2012, № 2 (108), С. 90.

способен упорядочить многообразие смыслов, значений, социального опыта, уложенного в определенные символические структуры, социальных практик, связанных с процессами социального хаоса и социального порядка, социальной дезорганизации и социальной упорядоченности.

Недаром социолог В.Д. Байрамов обращает внимание на то, что, если следовать классической социальной парадигме, то, очевидно, цель общества состоит в наведении социального порядка. Но, во-первых, за рамками исследования остаются собственно те изменения, которые произошли на социальном микроуровне, а также проблемы, связанные с институциональными эффектами и нестабильностью социальной структуры российского общества. Во-вторых, игнорируется целый слой россиян, которые замкнулись только на себе, на самополагании и решают проблемы без взаимодействия с государственными или социальными институтами. В-третьих, в российском обществе не сбалансированы интересы граждан и государства, государства и общества, а так называемая сфера социальной свободы не совпадает с классическим определением действий индивидов и групп в рамках политико-правовой целесообразности¹.

Сегодня актуализируется социальный заказ на социально-философское изучение разнообразных сюжетов и аспектов, связанный с социальной энтропией, ощущается необходимость продвижения от социально-гуманитарного знания к социально-философской рефлексии, что создает возможность выхода за рамки социологического и культурологического знания для более пристального изучения социальности как самоорганизующегося социального бытия.

Однако в исследовании социальной энтропии в пространстве воспроизводства социальной реальности прослеживается немало лагун, что требует смены установок и когнитивных схем, заставляет обратить внимание на изучение исторического контекста репрезентации социальной энтропии в пространстве эволюционных и революционных изменений; траекторий репрезентации социальной энтропии в смысловых координатах становления сложного общества в России; траекторий и форм экспансии социальной энтропии в условиях нелинейной социокультурной динамики; векторов и форм репрезентации социальной энтропии в контексте социальной неопределенности.

Исторически сложилось так, что становление концептуально-теоретических исследований, имеющих отношение к различным аспектам проявления социальной энтропии, было связано с после-

¹ Байрамов В.Д. Социальный хаос в российском обществе. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2008, С. 5.

довательным осмыслением в социальной философии, психологии, культурологии и социологии таких блоков проблем, как норма, аномалия и социальная дезорганизация; социальный порядок; социальная неопределенность.

Изучение социальной нормы, аномалии и социальной дезорганизации как фундаментальных аспектов социальной реальности связано с трудами таких исследователей, как П. Бергер, Р. Будон, М. Вебер, Э. Гидденс, Р. Дарендорф, Э. Дюркгейм, Т. Лукман, Р. Мертон, Т. Парсонс, П. Сорокин, которые заложили фундамент современной социально-философской и социологической девиантологии. Солидный материал изучения различных аспектов нормы и аномалии в социальном, правовом, культурном, нравственном измерениях общества, их причин и типичных характеристик, в том числе и в их преломлении в российском социальном контексте, накоплен в отечественной социальной философии. Понятия нормы и аномалии отражали структурно-функциональные параметры социальных систем: норма выступала функциональным оптимумом «жизненного баланса» системы, а аномалия – дисфункциональным отклонением.

М.Г. Дрешин исходит из того, что необходимость всестороннего осмысления социальной реальности с точки зрения таких ее фундаментальных аспектов, как норма и аномалия, обусловлена, в первую очередь, кардинальными социокультурными трансформациями¹.

Исследования дезорганизации отражены в трудах К. Бейли, Е.А. Седова, Э. Шредингера, М. Форсе. Синергетический подход в изучении социальной дезорганизации представлен в работах И. Пригожина, И. Стенгерс, Г. Хакена, В.В. Васильковой, С.П. Курдюмова и др. Эти авторы определяют социальную дезорганизацию как нарушение порядка, институционально закрепленного в социальной системе, как отступление от институционализованных и легитимных норм.

Угрозы и риски социальной дезорганизации рассматриваются в концепции «общества риска» У. Бека, «индивидуализированного общества» З. Баумана, теории «рискологии» О.Н. Яницкого. Проблемы социальной дезорганизации на микроуровне социальной реальности рассматриваются в работах Д.А.Лушников².

Тематика, связанная с социальным хаосом, отражена в трудах Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, Р. Дарендорфа, Д. Ленски,

¹ См.: Дрешин М.Г. Норма и аномалия в социальном развитии. Автореф. дисс. ...канд. филосф. наук. – Ростов-на-Дону, 2010.

² Лушников Д.А. Социальная дезорганизация на микроуровне социальной реальности. – Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2005; Лушников Д. А. Процессуальные механизмы социальной дезорганизации в современном обществе. Автореф. дисс. ...докт. социолог. наук. - Ставрополь, 2006.

Л. Козера. Эти авторы видят в социальном хаосе препятствие для перехода социума от традиционного к современному состоянию. В работах представителей социологии знания К. Манхейма, Т. Лукмана, П. Бергера выявляется роль социального хаоса в проекции социальной диспропорциональности и кризиса рационализма, отмечается, что вовлечение в социальную жизнь низших слоев с иррациональными претензиями на господство усиливает социальную нестабильность и приводит к социальному хаосу как альтернативе рациональной организации общества¹.

С течением времени сложилась междисциплинарная область исследований, в центре внимания которой оказались проблемы исследования систем с нелинейной динамикой, неустойчивым поведением, эффектами самоорганизации, наличием хаоса и т.п. Единая наука о поведении сложных систем, самоорганизации в Германии была названа синергетикой (Г. Хакен), во франкоязычных странах – теорией диссипативных структур (И. Пригожин), в США – теорией динамического хаоса (М. Фейгенбаум). Отечественная социально-гуманитарная мысль в исследовании социального хаоса опирается на концепции социальных трансформаций и социокультурных изменений. Этой тематике посвящены работы В.В. Афанасьевой, В.Д. Байрамова, Л.Е. Бляхера, В.В.Васильковой, Г.А. Сатарова и других.

Изучение социального порядка связано с трудами Р. Будона, П. Бурдьё, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, М. Хоркхаймера. Проблема выстраивания социального порядка в контексте социокультурных трансформаций нашла осмысление в работах представителей постмодернистского и постструктуралистского направления: Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ж.Лакана, М. Фуко. В трудах таких отечественных философов, как Ю.А.Агафонов, И.К.Джерелиевская с позиций социальной философии исследуется проблема становления нового социального порядка в России, анализируются ее институциональные и нормативно-правовые аспекты, выявляется аксиологический аспект личностной детерминанты социального порядка².

Г.А. Сатаров исходит из того, что любой социальный порядок содержит встроенные в него подструктуры, берущие на себя функции расшатывания и преодоления действующего социального порядка. При правильно организованном функционировании таких подструк-

¹ Волков Ю.Г., Гулиев М.А., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. Ростов н/Д.:Феникс, 2007.

² Агафонов Ю.А. Социальный порядок в России (институциональный и нормативно-правовой аспекты). – Ростов-на-Дону, 2000; Джерелиевская И.К. Личностная детерминанта социального порядка: аксиологический аспект. Автореф. дисс. ...докт. филос. наук. – М., 2009.

тур происходит эволюционное развитие общества, при их блокировании дело кончается революционным взрывом. В той мере, в которой социальный порядок содержит в себе структуры, предназначенные для поддержания и воспроизводства случайности, способен защищать их, он и содержит в себе возможность социальных изменений¹.

О.Н. Яницкий выдвигает концепцию «критического социального порядка», когда отсутствует не только право на жизнь и безопасность, но и гарантии основных гражданских прав и свобод. Основные «организаторы» социального порядка в критических зонах – страх и голод. Чересполосица «приватных» социальных порядков, создавая ситуацию высокой неопределенности, в конечном счете, ведет к разрушению всякого социального порядка².

Изучение социальной неопределенности в основном осуществляется в рамках синергетики и теории диссипативных систем, когда неопределенность мыслится как одна из основных характеристик точек бифуркаций в процессах самоорганизации, к которым относятся и многие процессы, происходящие в мире человека.

Культуролог и социальный философ И.Г. Яковенко обращает внимание на то, что упорядоченное состояние любой системы не есть наиболее вероятное. Упорядочивая одно пространство, субъект деятельности неизбежно хаотизирует другое. Для описания этого процесса допустим образ: перекачивание упорядоченного состояния из одного пространства в другое. Отходы и порождающие риски последствия (социальные, культурные, экологические) сопутствуют любой целерациональной деятельности. В числе факторов, порождающих риски, – то обстоятельство, что человек в принципе не может знать всю совокупность близких и отдаленных последствий своей деятельности. Он работает в ситуации неполного знания и неполноты информации (плюс неустранимые частичные искажения) в масштабе реального времени, когда принимаются и исполняются решения³.

На фоне вышеуказанной тематики разворачивается и изучение феномена социальной энтропии. Научное исследование социальной энтропии осуществлялось представителями многих отраслей науки: К. Шеннон, Г. Рейхенбах, А.Н. Колмогоров, А.Л. Жуланов –

¹ Сатаров Г.А. Как возможны социальные изменения. Обсуждение одной гипотезы // Общественные науки и современность. 2006. № 3, С. 23-39.

² Яницкий О.Н. «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска»//Социологическая теория: история, современность, перспективы. – СПб.: «Владимир Даль», 2008, С. 374-375.

³ См.: Яковенко И. Г. Риски социальной трансформации российского общества. Культурологический аспект. - М.: Прогресс-Традиция, 2006.

в теории информации, Н. Винер – в кибернетике, Г. Хакен, И. Пригожин, И. Стенгерс – в синергетике.

К. Бэйли в книге «Теория социальной энтропии» пишет о том, что ни одно общество не может находиться ни в состоянии абсолютного порядка, ни в состоянии полного хаоса. Любое общество располагается в границах определенного значения *социальной энтропии*, которое можно считать нормой в том случае, если оно не приводит ни к стагнации, ни к разрушению социальной структуры¹.

Для Л.Д. Бевзенко энтропия – это основная интегральная социодинамическая характеристика социальной системы. То, что понятие, описывающее меру стабильности общества и меру его близости к кризисным состояниям, определяется через заданную на уровне переживания меру связанности человека и общества, представляется наиболее адекватным для описания процессов социальной самоорганизации. В отличие от традиционного для социальных наук понимания соответствующей системы как состоящей из статусов и ролей, отвечающих рассматриваемому социальному срезу, обнаружение самоорганизационных социальных явлений требует того, чтобы в качестве элемента социальной системы мы рассматривали человека во всей его целостности. Н.П. Фетискин определяет социальную энтропию как системную неопределенность российского общества на социально-экономическом, духовно-нравственном, социально-психологическом уровнях, обуславливающую диссонансное состояние личности (прежде всего, в структуре ее направленности: формах, качестве, видах, мотивационно-ценностной системе, качестве самореализации) и тем самым, оказывающую дестабилизирующее влияние на процесс устойчивого развития государства².

В итоге социальная энтропия проявляется через нарушение, «размывание» функциональной целостности и сбалансированности системы, что ведет к понижению возможности эффективного регулирования социальной жизни. Суть социальной энтропии заключается в дезорганизации, возрастании социального хаоса, что приводит к диссипации и потере социальной энергии. Нарастание социальной энтропии указывает на рост непредсказуемости поведения социальной системы, уменьшение связанности человека и его места в общности, а также человека и его социокультурного окружения.

¹ Bailey K.D. Social Entropy Theory. New York, 1990.

² Фетискин Н.П. Феномен социальной энтропии и гендерной самореализации россиян в изменяющемся обществе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: tverlingua.ru/archiv/.

Изучение социальной энтропии в предметном пространстве социально-философской рефлексии связано со структурными и институциональными сдвигами в пространстве воспроизводства социальной реальности и социокультурной трансформации, выступая мерой организованности или дезорганизованности социальности, что проявляется в снижении уровня социального порядка, деформации системно-иерархической структурированности и многосложности социокультурного потенциала, распаде нормативно-ценностных структур и сопровождается ослаблением их социализирующих и регулятивных функций.

Производство и воспроизводство социальной энтропии связано также с воздействием прошлого, нарастающим социально-ностальгическим синдромом и институциональными дефектами общественного существования и социально-политических практик, отсутствием социального доверия, слабой проявленностью механизмов согласования интересов социальных групп, социальной неуверенностью и неясностью социальных перспектив индивидов.

Библиография

1. Агафонов Ю.А. Социальный порядок в России (институциональный и нормативно-правовой аспекты). – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2000. – 362 с.
2. Байрамов В.Д. Социальный хаос в российском обществе. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2008. – 264 с.
3. Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. - К.: Институт социологии НАН Украины, 2002. – 437 с.
4. Волков Ю.Г., Гулиев М.А., Нечипуренков В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. – 668 с.
5. Джерелиевская И.К. Личностная детерминанта социального порядка: аксиологический аспект. Автореф. дисс. ...докт. филос. наук. – М., 2009.
6. Дрешин М.Г. Норма и аномалия в социальном развитии. Автореф. дисс. ...канд. философ. наук. – Ростов-на-Дону, 2010.
7. Лушников Д.А. Социальная дезорганизация на микроуровне социальной реальности. – Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2005. – 265 с.
8. Лушников Д. А. Процессуальные механизмы социальной дезорганизации в современном обществе. Автореф. дисс. ...докт. социолог. наук. – Ставрополь, 2006.

9. Одинцова М.А. Жизнестойкость и смысложизненные ориентации студенческой молодежи в условиях энтропии современного российского общества//Мониторинг общественного мнения, 2012, № 2 (108), С. 90-96.

10. Сатаров Г.А. Как возможны социальные изменения. Обсуждение одной гипотезы // Общественные науки и современность. 2006. № 3, С. 23-39.

11. Фетискин Н.П. Феномен социальной энтропии и гендерной самореализации россиян в изменяющемся обществе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: tverlingua.ru/archiv/.

12. Яковенко И. Г. Риски социальной трансформации российского общества. Культурологический аспект. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 176 с.

13. Яницкий О.Н. «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска»// Социологическая теория: история, современность, перспективы. – СПб.: «Владимир Даль», 2008, С. 374-375.

14. Bailey K.D. Social Entropy Theory. New York, 1990.

*КРЕТОВ Борис Иванович,
д. фил. н., заведующий кафедрой «Политология,
история и социальные технологии» Московского
государственного университета путей сообще-
ния (МИИТ) Императора Николая II
info@журналпоиск.рф*

**Региональные аспекты государственной политики:
Арктическое транспортное измерение/ Regional aspects
of state policy: Arctic transport measurement**

Аннотация

В данной статье рассматриваются аспекты государственной транспортной политики регионов арктической зоны. Показана роль развития транспортной инфраструктуры в освоении Арктики, социально-экономическом развитии регионов.

Ключевые слова

Транспорт; инфраструктура; регион; государственная политика; национальная безопасность.

Abstract

This article discusses aspects of the state transport policy regions of the Arctic zone. The role of transport infrastructure in the Arctic development, socio-economic development of regions.

Keywords

Transport; infrastructure; region; public policy; National security.

Арктика — один из важнейших для России форпостов безопасности, от военно-политической до энергетической, и один из ключевых форпостов экономического роста, ведь именно на севере сосредоточена основная масса пока не освоенных и даже еще не разведанных минерально-сырьевых ресурсов.

Чтобы получить доступ к тем огромным запасам углеводородов, которые находятся в Арктике, необходимо развивать инфраструктуру.

«В Ненецком округе площадь участков, являющихся перспективными с точки зрения добычи углеводородов, составляет свыше 120 тысяч квадратных километров. Извлекаемые запасы нефти — более 1 млрд тонн, запасы свободного газа — более 520 млрд кубометров. Плюс огромнейшие запасы на шельфе. Платформа «Приразломная», с которой «Газпром нефть» отгрузила уже более 1 млн баррелей нефти, находится всего в 55 км от наших берегов. Все эти цифры, безусловно, открывают перед округом большие возможности»¹.

Развитие хозяйственной деятельности в Арктике имеет стратегическое значение для России и для регионов арктической зоны и предполагает реализацию крупных инфраструктурных проектов.

Значение транспортной инфраструктуры для развития страны, любого субъекта нашего Отечества трудно переоценить. Каких только сравнений ей не дают! Но наиболее емко звучит то, что транспортная инфраструктура – кровеносная система экономики страны. И если она закупоривается, то, используя медицинское сравнение, мы имеем либо инфаркт, либо инсульт. И то и другое – плачевно.

И чтобы этого избежать, нужно своевременно решать вопросы развития транспортной инфраструктуры.

К примеру, «Правительство Архангельской области заинтересовано в более эффективном использовании ресурсов морского порта Архангельск, в увеличении морских и наземных перевозок, в поиске новых возможностей в сервисно-логистической цепочке освоения Арктики и в более широком использовании судостроительных предприятий региона в освоении Северного морского пути и нефтегазовых месторождений. Это позволит создавать новые рабочие места, обеспечит приток инвестиций и в конечном счете будет способствовать повышению уровня жизни северян»².

Высокий транзитный потенциал морского порта Архангельск не реализуется сегодня в полной мере в силу характеристик действующей инфраструктуры. Существующий порт расположен в русле реки Северная Двина, при этом протяженный (35 километров) и сложный подходной канал порта имеет недостаточную глубину (8-10 метров) для захода крупных судов.

Комплексное решение этой проблемы – в создании нового морского арктического глубоководного порта в Архангельске с возмож-

¹ Кошин И.В. Наш приоритет – арктический вектор развития. // Транспорт и логистика в Арктике. Альманах 2015. Выпуск 1. / Под. ред. С.В. Новикова. – М., 2015. С. 34.

² Орлов И.А. Проект создания нового глубоководного морского порта в Архангельске. // Транспорт и логистика в Арктике. Альманах 2015. Выпуск 1. / Под. ред. С.В. Новикова. – М., 2015. С. 25.

ностью круглогодичного захода крупнотоннажных судов дедеветом до 75—100 тысяч тонн. Порт планируется построить в 55 километрах севернее города Архангельска в губе Белого моря в районе острова Мудьюгский. Подходной канал планируется построить глубиной 16 метров.

Строительство нового глубоководного порта включено в ряд документов, утвержденных Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации. В частности, «Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» предусматриваются модернизация арктических портов и создание новых портово-производственных комплексов в Арктической зоне России. В «Схеме территориального планирования Российской Федерации в области федерального транспорта (железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта) и автомобильных дорог федерального значения», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 19.03.2013 № 384-р, в морском порту Архангельск предусматриваются реконструкция и строительство объектов инфраструктуры порта, создание проходной глубины на канале 12 м в целях пропуска судов с осадкой до 10,5 м, обеспечение безопасности мореплавания, повышение пропускной способности причалов, реконструкция терминалов и акватории для обслуживания рыболовецкого флота порта. Кроме того, строительство глубоководного порта в Архангельске входит в «Стратегию социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа до 2020 года», создание порта также закреплено в целом ряде документов Правительства Архангельской области, в том числе в схеме территориального планирования региона.

Перспективный грузооборот порта при выходе на полную мощность может составить до 45 миллионов тонн в год (15-25 миллионов тонн для первой очереди строительства)¹.

Строительство глубоководного морского порта в Архангельске будет способствовать продвижению интересов Российской Федерации в Арктической зоне, повышению стратегической безопасности страны. Глубоководный порт станет одним из опорных пунктов инфраструктуры Северного морского пути и откроет новый альтернативный маршрут движения экспортных и импортных грузопотоков.

Реализация проекта обеспечит новый независимый выход крупнотоннажных судов в Мировой океан. Выход к океану из существующих портов на традиционных маршрутах на Балтийском и Черном морях возможен только через контролируемые иностранными го-

¹ Орлов И.А. Указ. соч. С. 25.

сударствами проливы с высокой интенсивностью судоходства, что существенно ограничивает их пропускную способность, в то время как альтернативный северный маршрут имеет низкую загрузку и не проходит через узкие проливы с ограниченной интенсивностью движения и сложной навигацией. Новый маршрут позволит сократить расстояние перевозки грузов морским транспортом между Европой и Азией на 40% по сравнению с традиционным маршрутом через Суэцкий канал и даст существенную экономию на стоимости фрахта судна.

Привлекательность строительства глубоководного морского порта Архангельск значительно повышается при его синхронизации с проектом строительства железнодорожной магистрали «Белкомур» («Белое море – Коми – Урал»). Проект предполагает строительство железнодорожной магистрали Архангельск – Сыктывкар – Соликамск (Пермь) протяженностью 1161 километр, включая 712 километров новых участков и 449 километров участков, подлежащих модернизации. Инициаторами проекта выступают Архангельская область, Республика Коми, Мурманская область и Пермский край. Строительство «Белкомура» активно поддерживают Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, Кировская и Свердловская области, Республика Карелия. Железнодорожная магистраль улучшит транспортную доступность четырех субъектов РФ – Архангельской и Мурманской областей, Республики Коми и Пермского края, а также транзитный потенциал регионов Севера и Северо-Запада РФ.

Проекты глубоководного порта в Архангельске и «Белкомур» являются межрегиональными и имеют национальную значимость, а их успешная реализация будет способствовать укреплению промышленных транспортных связей между целым рядом регионов Российской Арктики и Урала.

Особое внимание на совещаниях различного уровня по развитию Арктики как макрорегиона уделяется возрождению Северного морского пути (СМП). Это кратчайшая морская артерия, связывающая Европу с Восточной Азией. Для сравнения: расстояние от Мурманска до японского порта Иокогамы через моря Северного Ледовитого океана составляет 5770 морских миль. Если танкеры будут следовать через Суэцкий канал, им придется пройти уже 12 800 миль.

Важное значение развитие транспортной инфраструктуры имеет для Ненецкого автономного округа. Сейчас на Ямале строится порт Сабетта, и он станет важнейшей частью Северного морского пути. Но западнее Сабетты работает, по сути, только один глубоководный порт, способный принимать крупнотоннажные суда – Мурманск. В то

же время на территории автономного округа есть бухта Индига. До нее доходит теплое течение Гольфстрим, и поэтому она не замерзает. Ее глубины позволяют принимать крупнотоннажные суда. Чем не место для новой опорной точки СМП? Государство тем самым повышает привлекательность СМП, а автономный округ интегрируется в систему морских международных перевозок. Еще 150 лет назад после Крымской войны власти Российской империи рассматривали вариант транзита товаров через Индигу и строительство в этом месте порта. Вновь к этому вопросу обращались и в середине XX века, однако проект так и не был реализован. Сейчас Индига может стать незаменимым транзитным пунктом на западном участке Северного морского пути. Неподалеку от Индиги находятся два месторождения – Коровинское и Кумжинское, в недрах которых порядка 160 млрд кубометров газа. Освоение этих территорий осуществляется в рамках проекта «Печора СПГ», подразумевающего строительство неподалеку от Индиги на побережье Баренцева моря завода по сжижению природного газа. Общий объем инвестиций оценивается в четыре миллиарда долларов. Проект также подразумевает строительство трубопроводов общей протяженностью 395 километров.

Порт Индига может стать альтернативной возможностью для соединения Северного морского пути с транспортным коридором восток-запад, а также интеграции Ненецкого автономного округа с транспортной сетью России, в частности, с Балтийской транспортной системой и направлением железной дороги Воркута – Котлас – Коноша.

Активная хозяйственная деятельность в арктических территориях России вызывает устойчивый интерес международной общественности. И это объяснимо. Промышленные и инфраструктурные проекты, запущенные в Заполярье, отличаются масштабностью и имеют самые широкие перспективы.

В 2015 году вектор внимания власти и бизнеса абсолютно оправданно оказался направлен на решение транспортных проблем в Арктике и, в первую очередь, на развитие Северного морского пути (СМП). Наша страна намерена не только активно использовать морской маршрут вдоль побережья Ледовитого океана для развития своих северных территорий, но и хочет превратить его в один из самых популярных мировых логистических маршрутов. «Комплексный план развития Северного морского пути, утвержденный в июне этого года (2015 – Б.К.) правительством России, предполагает увеличение ежегодного грузопотока по этому маршруту в 20 раз – с 4 млн тонн (2014 год) до 80 млн тонн (2030 год). Но, как показала дискуссия по вопросам развития Арктики, которая была организована на

международном Петербургском экономическом форуме, эффект от формирования полноценного транспортного хаба в центре Арктики – Ямало-Ненецком автономном округе, может превысить и эти смелые прогнозы. Ямал уже сейчас является основным драйвером увеличения объема перевозок по Северному морскому пути. А в будущем роль округа будет только возрастать. По сути, на территории региона сейчас создается транспортно-индустриальная основа, за счет которой и будет в дальнейшем развиваться российский Северный морской путь»¹.

Комплексный план развития Северного морского пути в нашей стране был принят в июне 2015 года. И это ясно дает понять, что реализация в Арктике масштабных индустриальных проектов без полноценного развития здесь транспортной инфраструктуры будет крайне затруднительна.

Сегодня есть понимание того, что истинным драйвером развития Северного морского пути в ближайшие годы станут не международные перевозки, а индустриальные проекты, реализуемые в российской Арктике и, прежде всего, на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Сейчас в регионе формируются шесть новых системообразующих центров по добыче газа и нефти.

Создание и функционирование этих центров немислимо без создания новой транспортной инфраструктуры. Поэтому три года назад на северо-востоке полуострова Ямал началось создание нового российского морского арктического порта Сабетта. В первую очередь, этот порт предназначен для строительства и отгрузки продукции самого крупного отечественного завода по сжижению природного газа «Ямал СПГ», сырьевой базой для которого является Южно-Тамбейское месторождение.

«В ближайшие пять лет продукция только двух ямальских новых индустриальных центров – Тамбейского и Новопортовского, увеличит нынешнюю загрузку Северного морского пути в 6 раз – минимум до 25 млн тонн в год (8,5 млн тонн нефти с Нового Порта и 16,5 млн тонн СПГ с «Ямала СПГ»). Причем что касательно СПГ, то весь объем этого газа уже законтрактован на 20-25 лет вперед, что на этот же период времени гарантирует и его перевозку по Северному морскому пути. Более того, перевалочные мощности Сабетты рассчитаны на 32 млн тонн жидких углеводородов в год — с расчетом на второй СПГ-завод в ЯНАО. Поэтому именно ямальские индустриальные

¹ Кобылкин Д.Н. Ямал и Северный морской путь: уникальный шанс для всех регионов России. // Транспорт и логистика в Арктике. Альманах 2015. Выпуск 1./Под. ред. С.В. Новикова. – М., 2015. С. 43.

проекты сегодня являются основными драйверами возрождения Северного морского пути»¹.

Северный морской путь — это исторический российский транспортный маршрут, который русские моряки освоили еще почти тысячу лет назад – в XII веке. Это в сочетании с уникальными инженерными решениями, примененными при строительстве порта Сабетта (например, один квадратный метр портовых сооружений, плавающих фактически на смеси льда и песка, выдерживает нагрузку в 100 тонн), уникальное расположение самого порта делают Сабетту основным опорным портом в центральной части Северного морского пути. И именно сегодня пришло время сделать следующий шаг – соединить Сабетту с единой сетью железных дорог страны. Сабетта может использоваться как многофункциональный терминал, открывающий всем территориям России и, в первую очередь, регионам Уральского федерального округа ворота Северного морского пути в Азию, Европу и Америку. При этом экспорт и импорт происходят по самому кратчайшему, экономически эффективному и безопасному пути. Это новые возможности для достижения стратегических государственных задач в Арктике.

Для того чтобы обеспечить прямой выход на мировые рынки десяткам миллионов тонн грузов с Урала, Поволжья и Сибири, в ближайшие годы достаточно построить 700 км железной дороги, соединяющей восточную и западную части ЯНАО – Северный широтный ход (СШХ). «За счет мультипликативного эффекта реализация этого проекта только в Уральский федеральный округ привлечет порядка 1 трлн рублей дополнительных инвестиций и позволит создать в нашей стране 300 тыс. новых рабочих мест»².

Северный широтный ход позволит соединить Северную и Свердловскую железные дороги, получить доступ к перспективным месторождениям, вывести единую транспортную систему РФ в Мировой океан через соединение с портом Сабетта и Северным морским путем. Объем перевозок по СШХ составит до 24 млн тонн ежегодно. Важно, что СШХ уже сейчас начинает рассматриваться не только как федеральный, но и как международный проект. На последнем заседании межправительственной комиссии «Китай — Россия» китайские партнеры высказали заинтересованность в том, чтобы Сабетта стала неотъемлемой частью нового сухопутного международно-транспортного коридора «Китай – Казахстан – Урал – Российская Арктика».

¹ Кобылкин Д.Н. Указ. соч.С. 48.

² Кобылкин Д.Н. Указ. соч. С. 42.

В одном коридоре с Северным широтным ходом власти и бизнес Ямало-Ненецкого автономного округа «начали строительство автодороги Надым–Салехард и один из двух стратегических мостов этой железнодорожной трассы – через реку Надым. Готов и согласован со всеми участниками паспорт СШХ, строительство этой дороги подержано всеми главами уральских регионов. Выработан четкий механизм государственно-частного партнерства по ее созданию.

Дело, по сути, только за выделением денег из федерального бюджета на строительство моста через Обь, которое запланировано в рамках ФЦП «Развитие транспортной системы России до 2020 года»¹.

Когда этот вопрос будет решен, через ямальскую Сабетту ежегодно сможет проходить до 70 млн тонн разных грузов. Это и будет реальным созданием в центральной части Арктики той самой инфраструктуры, которая необходима для возрождения Северного морского пути и превращения его в полноценный международный транспортный маршрут, который будет работать на развитие не только Российской Арктики, но и всей национальной экономики нашей страны. Порт Сабетта и Северный широтный ход — это уникальный шанс для всех регионов сделать мощный рывок в социально-экономическом развитии на благо всех жителей федерального округа и страны. И Россия вновь подтвердит, что она лидер в освоении Арктики.

Библиография

1. Кошин И.В. Наш приоритет – арктический вектор развития. // Транспорт и логистика в Арктике. Альманах 2015. Выпуск 1. / Под. ред. С.В. Новикова. – М., 2015.
2. Орлов И.А. Проект создания нового глубоководного морского порта в Архангельске. // Транспорт и логистика в Арктике. Альманах 2015. Выпуск 1. / Под. ред. С.В. Новикова. – М., 2015.
3. Кобылкин Д.Н. Ямал и Северный морской путь: уникальный шанс для всех регионов России.// Транспорт и логистика в Арктике. Альманах 2015. Выпуск 1./Под. ред. С.В. Новикова. – М., 2015.

¹ Кобылкин Д.Н. Указ. соч. С. 42.

*СЕРГЕЕВ Владимир Викторович,
соискатель кафедры «Политология, история
и социальные технологии» Московского
государственного университета путей
сообщения (МИИТ) Императора Николая II
info@журналпоиск.рф*

**Реализация политики импортозамещения в транспортной
отрасли современной российской экономики/
Implementation of imports phase-out policy
in a transport branch of modern Russian economy**

Аннотация

В статье исследуется механизм осуществления политики импортозамещения в транспортной отрасли современной российской экономики. На примере деятельности ОАО «РЖД» по разработке и реализации программ импортозамещения анализируется опыт участия госкомпаний в осуществлении политики импортозамещения.

Ключевые слова

Экономическое развитие России; политика импортозамещения; программы импортозамещения компаний с государственным участием; локализация передовых зарубежных технологий.

Abstract

The article analyses the implementation device of imports phase-out policy in a transport branch of modern Russian economy. Experience of state companies' participation in implementation of imports phase-out policy is analyzed through the example of OJSC "RZhD" regarding working-out and implementation of imports phase-out programs.

Keywords

Economic development of Russia; imports phase-out policy; programs of imports phase-out of state companies; location of leading foreign technologies.

В условиях осложнения социально-экономической ситуации в России, вызванного падением цен на нефть и введением в 2014 году против нашей страны западных санкций, особое значение приобретают государственные меры, направленные на выработку и реализацию политики импортозамещения, стратегическим и организационным центром которой в 2015 году стала специальная правительственная комиссия. В обязанности комиссии входит рассмотрение вопросов осуществления долгосрочных программ развития и инвестиционных программ субъектов естественных монополий и организаций с государственным участием в части реализации государственной политики в сфере импортозамещения¹. Таким образом, по замыслам нашего руководства основными проводниками политики импортозамещения становятся госкомпании в ведущих отраслях российской экономики. В транспортной отрасли к ним в первую очередь относится ОАО «РЖД» – компания со 100% государственным участием.

В соответствии с правительственными распоряжениями специалисты РЖД в 2015 году приступили к разработке программы импортозамещения закупаемой продукции с условием соблюдения экономической эффективности. Была образована рабочая группа, в состав которой вошли представители аппарата управления, филиалов, структурных подразделений компании, дочерних и зависимых обществ. К ее работе при необходимости привлекались эксперты и специалисты по направлениям работы рабочей группы². Итогом деятельности рабочей группы стало распоряжение ОАО «РЖД» от 30.03.2015 №192 об утверждении программы импортозамещения закупаемой ОАО «РЖД» продукции на период 2015–2020 гг., главной целью которой является плановый переход от использования иностранной продукции на российскую, а также снижение доли импортных комплектующих в готовых изделиях³.

Среди достигнутых РЖД результатов в процессе реализации программы сегодня в первую очередь можно отметить повышение уровня локализации производства железнодорожной техники и комплектующих к ней на территории Российской Федерации благодаря деятельности ряда совместных предприятий, включая СП

¹ См.: О правительственной комиссии по импортозамещению. Постановление Правительства РФ от 4.08.2015 г. № 785 // <http://government.ru/department/314/about/>.

² См.: РЖД в марте завершит разработку программы импортозамещения. Новости отрасли, 23.03.2015 // http://www.tdrzd.ru/press_centre/branch_news?rid=24712&oo=10&fnid=68&newWin=0&apage=21&nm=91613&fxsl=view.xsl.

³ См.: Во Владимире обсудили перспективы создания Центра импортозамещения. Пресс-релиз, 29.05.2015 // www.opzt.ru/node/59.

ЗАО «Группа Синара» и «Сименс АГ», СП ОАО «РЖД» и Bombardier Transportation – ООО «Бомбардье Трансппортейшн (Сигнал)». Локализация на предприятиях компании приобретаемых ею передовых зарубежных технологий и производств является принципиальной позицией ОАО «РЖД». Раскрывая порядок организации этого процесса в ходе реализации программы импортозамещения, один из руководителей РЖД В. Гапанович отмечает: « В целях обеспечения снижения уровня импортозависимости предусматривается, что договоры на поставку сложных технических систем (с иностранными предприятиями – авт.) будут регламентировать минимальное значение уровня локализации изделий или максимальный уровень содержания импортных комплектующих. Так, в настоящее время разработана Типовая методика определения уровня локализации закупаемых изделий, в которой сформулированы общие подходы к определению уровня локализации (содержания импорта) любого изделия. На основании значений, полученных в соответствии с разработанной методикой, будет определяться уровень импортозависимости изделий и, соответственно, прогресс в вопросе снижения импортозависимости »¹.

Одним из важных достижений локализации высокотехнологичной зарубежной продукции является производство электропоезда «Ласточка» на ООО «Уральские локомотивы». На данный момент локализация производства электропоездов оценивается на уровне 49%. Контракт предусматривает последовательное увеличение уровня локализации с доведением его к концу 2017 г. до 80%. Активная работа по локализации производства также проводится по электровазам серий ЭП20, 2ЭС5 и 2ЭС1².

Также в 2015 г. ОАО «РЖД» заключило с «Сименс АГ» договор о техническом обслуживании и ремонте 294 электропоездов «Ласточка» сроком на 40 лет, предметом которого является оказание услуг, необходимых для обеспечения эксплуатации и функциональности указанных электропоездов. Согласно этому договору, все услуги будут оказываться на территории Российской Федерации (например, в депо Подмосковное, Адлер и т.д.). При условии фактического годового пробега 175 тыс. км для каждого из 294 электропоездов ставка за техобслуживание составит 0,8 евро за один поездо-километр (без учета НДС). Оплата услуг по договору будет выполняться в рублях по среднемесячному курсу ЦБ РФ за месяц оказания услуг³.

¹ См.: Гапанович В. Сохранить набранные темпы инновационного развития // <http://www.rzd-partner.ru/publications/rzd-partner/302/>.

² См.: Развитие инновационных технологий в ОАО «РЖД» // г. Евразия Вести, 2015 г., № 8.

³ См.: ОАО «РЖД» и компания «Сименс АГ» подписали договор на тех-

В рамках реализации программы обновления парка тягового подвижного состава РЖД с 2008 года совместно с компанией «Сименс» осуществлен проект разработки и производства локомотива нового поколения – грузового электровоза постоянного тока 2ЭС10 «Гранит» с асинхронными тяговыми двигателями. По своим характеристикам (в первую очередь по силе тяги) «Гранит» не имеет аналогов в России и других странах «пространства 1520». 60% инженерных решений, внедренных в нем, ранее не применялись в российском машиностроении.

Для производства электровозов «Гранит» создано совместное производство ООО «Уральские локомотивы» на базе завода ОАО «Уральский завод железнодорожного машиностроения» (г. Верхняя Пышма Свердловской области). В соответствии с достигнутыми договоренностями между ЗАО «Группа Синара» и компанией «Сименс» предусматривается практически полная локализация производства на предприятиях Российской Федерации¹.

Задачи локализации передовых западных технологий в области программного обеспечения (ПО) решает Центр компетенции по технологиям и инструментам разработки ПО на базе технологий и инструментов Microsoft – совместное предприятие, созданное в Москве 14 сентября 2010 г. компанией Microsoft и ОАО «НИИАС», которое является дочерним обществом ОАО «РЖД». К достижениям этой компании в области локализации относится внедрение базовых процессов, таких как контроль версий и контроль изменений на базе Team Foundation Server, что позволило повысить производительность труда на 30-70% за счет сокращения непродуктивных операций. А внедрение платформы обеспечения качества ПО на основе Visual Studio 2010 Lab Management (решение для построения лабораторий с помощью технологий виртуализации Microsoft) позволило полностью автоматизировать и тем самым значительно удешевить процессы тестирования и обеспечения качества ПО².

Рассматривая результаты деятельности РЖД, его дочерних и зависимых компаний в области локализации, нельзя не отметить такой ее аспект, как повышение конкурентоспособности на мировом рынке отечественной железнодорожной техники. Локализация лучшей продукции зарубежных стран на предприятиях РЖД и их партнеров в области транспортного машиностроения открывает перспективы их выхода на зарубежные рынки.

ническое обслуживание электропоездов «Ласточка». Пресс-релиз, 18.06.2015 г. // <http://press.rzd.ru/>.

¹ См.: Сотрудничество с «Сименс АГ» // <http://inter.rzd.ru/>.

² См.: Центр компетенции по технологиям и средствам разработки программного обеспечения // <http://www.vniias.ru/international-partnership>.

Целенаправленно пополняет круг заказчиков на железнодорожном транспорте в странах СНГ и Балтии ОАО «ЭЛТЕЗА», чему способствует общая ширина железнодорожной колеи – 1520 миллиметров. В последние годы компания осуществила в эти страны поставки напольного и релейного оборудования, модульных комплексов, а также сборки стативов МПЦ. Помимо так называемого «пространства 1520» ОАО «ЭЛТЕЗА» сегодня реализует узкоколейный проект в Замбии (колея 1067 мм) и выходит на рынок Вьетнама. Эти проекты интересны еще и тем, что решают задачи адаптации нашего оборудования и продукции к специфическим климатическим условиям¹.

Вместе с тем, процесс локализации производства железнодорожной техники и комплектующих к ней на территории Российской Федерации еще не приобрел устойчивый и масштабный характер, что определяет нехватка в отрасли устойчивого спроса на продукцию транспортного машиностроения и, как следствие, ограниченный интерес иностранных компаний к размещению производства в России и передаче технологий. Такую оценку процесса локализации дают исследователи политики импортозамещения на российском железнодорожном транспорте С.А. Зубков и А.И. Панов, с которой вполне можно согласиться². Как они считают, для повышения заинтересованности иностранных компаний осуществлять локализацию своей продукции транспортного машиностроения в железнодорожной отрасли России наше государство должно стимулировать спрос на их продукцию. Локализация производства сопряжена со значительными инвестициями со стороны иностранного производителя. Ключевым для принятия их решения в пользу локализации может стать крупный заказ, который позволит обеспечить эффективность использования передаваемых технологий и создать конкурентоспособный конечный продукт.

Продолжая анализ проблем локализации на железнодорожном транспорте нашей страны, следует отметить, что они объясняются отчасти характером сложившейся современной ситуации в отношениях России со странами Запада. Напряженная международная обстановка поставила под вопрос многие проекты сотрудничества. Негативные тенденции глобальной политики существенно осложнили работу международных компаний, связавших свою деятельность с Россией. Связи, которые создавались годами, оказались под угро-

¹ См.: «Элтеза»: лидерство в отрасли сегодня и завтра // г. Евразия. Вести, 2015, № 8.

² См.: Зубков С.А., Панов А.И. Импортозамещение как приоритет развития современной российской экономики // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2016. №1(5), с. 28-29.

зой разрыва под мощным прессингом политических сил, стремящихся развязать новую холодную войну.

Имеются и другие причины, которые вызваны сложившимся порядком организации процесса локализации как в целом в российской экономике, так и на железнодорожном транспорте. Не секрет, что некоторые компании, позиционирующие себя как отечественные производители, широко используют осложнение отношений в мире в качестве лозунга для того чтобы претендовать на дополнительную долю рынка, ранее им недоступную. На экономических форумах обсуждаются даже такие их действия, как письма в адрес руководства нашей страны с требованием запретить иностранные технологии как «угрозу национальной безопасности».

До сих пор государством не решен вопрос по методике расчета формулы локализации в отраслях экономики. В результате каждый из участников этого процесса рассчитывает глубину локализации по своей методике, что не позволяет полноценно оценивать предлагаемые производителями конструкторские решения.

Осложняют ситуацию отношения в процессе локализации между иностранными компаниями и российскими компаниями-комплектаторами, которые необоснованно завышают в 2-3 раза цены на компоненты по сравнению с иностранными производителями. Из-за комплектаторов цена локализованного продукта для заказчика получается порой выше, чем покупка за рубежом¹.

Решение отраслевых проблем локализации образцов передовой иностранной техники на предприятиях РЖД и его партнеров в транспортном машиностроении автору видится следующим образом. Во-первых, для повышения заинтересованности иностранных компаний осуществлять локализацию своей продукции транспортного машиностроения в железнодорожной отрасли государство должно стимулировать спрос на эту продукцию. Во-вторых, вопросы взаимоотношений иностранных производителей конечного локализуемого продукта и российских поставщиков комплектующих данного продукта требуют их урегулирования на уровне бизнес-сообществ.

Дальнейший анализ позволяет выявить организационный механизм, который РЖД использует при реализации своей программы импортозамещения, включающий в себя формы двухстороннего и многостороннего сотрудничества компании с хозяйствующими субъектами, органами государственной и муниципальной власти.

Многостороннее сотрудничество по вопросам импортозамещения РЖД осуществляет сейчас в рамках некоммерческого партнерства «Объединение производителей железнодорожной техники» (НП

¹ См.: Проблемы локализации // Техника железных дорог, 2014, № 4.

«ОПЖТ»). Объединение учреждено в июне 2007 года по инициативе РЖД с целью системной координации деятельности предприятий отрасли, которая призвана на основе интеграции финансовых и интеллектуальных ресурсов способствовать инновационному технологическому подъему на железнодорожном транспорте и в отечественном транспортном машиностроении. В состав Партнерства входят более 170 компаний из 34 субъектов Российской Федерации. Объем производства предприятий Партнерства превышает 390 млрд рублей, что составляет почти 90 процентов всей железнодорожной продукции страны¹.

Для содействия реализации политики импортозамещения в отрасли железнодорожного транспорта НП «ОПЖТ» сегодня проводит при активном участии РЖД разнообразные мероприятия, включая выездные конференции и семинары. Эти форумы организуются в субъектах федерации, которые являются центрами транспортного машиностроения и руководители которых заинтересованы в поставке продукции своих предприятий подразделениям РЖД. В свою очередь, в компании участие в этих мероприятиях рассматривается с точки зрения, во-первых, стимулирования участия в закупках новых поставщиков, включая малые и средние предприятия, а во-вторых, возможности оценить уровень и потенциал эффективности предлагаемой высокотехнологичной продукции.

Вопросы импортозамещения в железнодорожной отрасли нашей страны стали предметом обсуждения участников IX региональной конференции НП «ОПЖТ», состоявшейся в г. Чебоксары Чувашской Республики 11–12 февраля 2015 года, на которую в республику прибыли руководители более 150 промышленных предприятий Российской Федерации. В работе конференции также приняли участие Глава Чувашской Республики М.В. Игнатьев и Президент ОАО «РЖД» В.И. Якунин.

Составной частью мероприятия являлась выставка продукции железнодорожной тематики у здания железнодорожного вокзала г. Чебоксары, на которой участники конференции имели возможности ознакомиться с деятельностью инновационных промышленных предприятий региона и обсудить перспективы развития взаимовыгодного сотрудничества. Представители предприятий Чувашской Республики ОАО «ЭЛАРА», Концерн «Тракторные заводы», ЗАО «Чебоксарское предприятие «Сеспель», ОАО «Комбинат автомобильных фургонов» и многие другие продемонстрировали на выставке

¹ См.: Об объединении производителей железнодорожной техники // <http://www.opzt.ru/about>.

свои разработки, новейшие технологии и представили предложения для ОАО «РЖД», которые вызвали интерес у руководства компании.

Проведение региональной конференции позволило наметить приоритеты участия промышленных предприятий Чувашии в реализации инвестиционных проектов, реализуемых структурными подразделениями ОАО «РЖД». Сегодня в республике уже 26 промышленных предприятий производят и поставляют востребованную продукцию железнодорожной тематики в адрес структурных подразделений ОАО «РЖД». За период 2010–2014 гг. ими выпущено и поставлено продукции для нужд ОАО «РЖД» на сумму свыше 86,5 млрд рублей¹.

РЖД использует НП «ОПЖТ» не только как коммуникационную площадку, но и как инструмент лоббирования интересов компании в вопросах импортозамещения. Так, НП «ОПЖТ» от имени предприятий Партнерства, в том числе и РЖД, обратилось в 2015 году в Правительство РФ с просьбой принять необходимые и достаточные меры для поддержки отрасли в складывающихся кризисных условиях. Такие меры Правительством РФ при его активном участии были проработаны и одобрены в качестве превентивных антикризисных мероприятий. В их числе:

- предоставление субсидий из федерального бюджета на возмещение потерь в доходах российских лизинговых организаций при условии приобретения инновационных вагонов с повышенной осевой нагрузкой;

- возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях на приобретение инновационных вагонов с повышенной осевой нагрузкой;

- субсидирование предприятий транспортного машиностроения на технологическое перевооружение;

- компенсация части затрат на проведение НИОКР по приоритетным направлениям гражданской промышленности, и другие.

Среди организаций, с которыми сотрудничает РЖД в процессе реализации своей программы импортозамещения, одно из ведущих мест занимает «Рельсовая комиссия». Важнейшим результатом этого сотрудничества является то, что с января 2014 года компания перестала импортировать рельсы, поскольку российские производители, проведя модернизацию производств, начали выпускать рельсы с нужными характеристиками. До этого рельсы иностранного производства РЖД закупала для веток скоростного сообще-

¹ См.: IX региональная конференция НП «ОПЖТ». – <http://www.economy.cap.ru/>.

ния Москва — Санкт-Петербург и Санкт-Петербург — Хельсинки у японской Nippon Steel.

В организационном механизме реализации программы импортозамещения РЖД, наряду с другими элементами, также можно выделить сотрудничество компании с Торгово-промышленной палатой РФ (ТПП РФ). Так, 14 апреля 2015 года Ярославская областная торгово-промышленная палата и Ярославская дирекция материально-технического обеспечения – СП «Росжелдорснаб» филиала ОАО «РЖД» заключили Соглашение о сотрудничестве с целью расширения взаимодействия предприятий и организаций Ярославского региона (членов ЯрТПП) с подразделениями ОАО «РЖД» для оказания услуг и поставки продукции промышленными предприятиями-членами ЯрТПП для ОАО «РЖД».

Соглашение устанавливает общие принципы взаимодействия, на основе которых стороны разрабатывают и реализуют механизмы и программы совместных действий, исходя из единого понимания важной роли управления грузопотоками, загрузки складских мощностей и оптимизации затрат. Основные направления сотрудничества:

- закупка продукции для нужд подразделений ОАО «РЖД» в лице ЯрсДМТО в Ярославском регионе;
- повышение прозрачности и объективности закупочных процедур;
- выявление неэффективных структур и действий при закупках для их последующего совершенствования и оптимизации;
- работа предприятий Ярославской области с логистической компанией Jefko; и др.¹

Проведенный анализ процесса осуществления политики импортозамещения в транспортной отрасли нашей страны позволяет выявить в ее механизме активную роль ОАО «РЖД» как проводника интересов государства. Под руководством специальной правительственной комиссии в компании реализуется Программа импортозамещения закупаемой продукции на период 2015–2020 гг., среди результатов которой сегодня можно отметить повышение уровня локализации производства железнодорожной техники и комплектующих к ней на территории Российской Федерации.

В своей деятельности по реализации программы импортозамещения РЖД использует организационный механизм, который включает формы двухстороннего и многостороннего сотрудничества

¹ См.: Соглашение о сотрудничестве с СП «Росжелдорснаб» // ж. Деловые вести Ярославля, 2015 г., № 4.

компании с хозяйствующими субъектами, органами государственной и муниципальной власти.

Наряду с достижениями при реализации программы импортозамещения РЖД, в этом процессе имеются также значительные трудности. Так, процесс локализации еще не приобрел устойчивый и масштабный характер, что определяет нехватка в отрасли устойчивого спроса на продукцию транспортного машиностроения и, как следствие, ограниченный интерес иностранных компаний к размещению производства в России и передаче технологий. Для повышения заинтересованности иностранных компаний осуществлять локализацию своей продукции транспортного машиностроения в железнодорожной отрасли России наше государство должно стимулировать спрос на их продукцию.

Библиография

1. Зубков С.А., Панов А.И. Импортозамещение как приоритет развития современной российской экономики // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2016. №1(5), с. 28-29.
2. IX региональная конференция НП «ОПЖТ» . – <http://www.economy.sar.ru/>.
3. Соглашение о сотрудничестве с СП «Росжелдорснаб» // ж. Деловые вести Ярославля, 2015 г., № 4.
4. Проблемы локализации //Техника железных дорог, 2014, № 4.
5. «Элтеза» : лидерство в отрасли сегодня и завтра // г. Евразия. Вести, 2015, № 8.
6. Об объединении производителей железнодорожной техники // <http://www.opzt.ru/about>.
7. Центр компетенции по технологиям и средствам разработки программного обеспечения // <http://www.vniias.ru/international-partnership>.
8. Центр компетенции по технологиям и средствам разработки программного обеспечения // <http://www.vniias.ru/international-partnership>.

*СОКОЛОВ Александр Владимирович,
к.полит.н., доцент кафедры «Социально-
политических теорий» ЯРГУ им. П.Г. Демидова
alex8119@mail.ru*

*ФРОЛОВ Александр Альбертович,
к.полит.н., ассистент кафедры «Социально-
политических теорий» ЯРГУ им. П.Г. Демидова
a.a.froloff@gmail.com*

**Отношение власти к НКО: характер взаимоотношений
в Ярославской области/ The ratio of power to the NGOs:
the nature of relations in the Yaroslavl region**

Аннотация

В статье рассматривается гражданское общество в современной России. Взаимодействие НКО и разных институтов власти, по мнению отечественных исследователей, ведется не однообразно. Актуальным является изучение региональных особенностей сотрудничества НКО с органами власти. В статье представлены данные проведенного социологического исследования, в котором оценивалось восприятие сотрудниками органов власти Ярославской области некоммерческих организаций и их деятельности.

Ключевые слова

Гражданское общество; НКО; органы власти; гражданская активность.

Abstracts

The article deals with the civil society in modern Russia. Interactions NGOs and authorities are not monotonous according to domestic researchers. That's why it is interesting to study regional aspects of NGO cooperation with the authorities. The article presents the data of the sociological research, which assessed the perception of the employees of the authorities of the Yaroslavl region of non-profit organizations and their activities.

Keywords

Civil society; NGO; authorities; civic engagement.

В российском обществе активно развивают деятельность разнообразные институты гражданского общества, которые напрямую взаимодействуют с разными структурами власти. Процесс взаимодействия гражданского общества и власти имеет очень сложную структуру и опосредуется в публичной сфере. Концепция публичной сферы была разработана еще в XIX веке Ханой Арендт и Юргеном Хабермасом. Классическое определение публичной сферы дал Ю. Хабермас. По его определению, публичная сфера – арена, где индивиды посредством коммуникации формируют общие цели и задачи и таким образом, сквозь призму своих взглядов, влияют на государственную политику, воплощая свои интересы в жизнь¹. Взаимодействие органов власти и общества – важное условие функционирования любого государства. В современной России формируется механизм такого взаимодействия. Организационной основой механизма взаимодействия власти и граждан стали общественные палаты федерального, регионального и муниципального уровней, а также некоммерческие и общественные организации². Можно сказать, что в современной действительности основными институтами коммуникации с властью становятся некоммерческие и общественные организации.

Взаимодействие НКО и разных институтов власти, по мнению отечественных исследователей, ведется не однообразно. Так, А.Ю. Сунгуров отмечает, что в России в последние годы отчетливо оформились две основные тенденции во взаимодействии российского государства и гражданского общества. Часть организаций гражданского общества, рассматривая многие действия российского руководства как угрозу демократии как таковой, стали все больше дистанцироваться от властных структур. Другое направление представляют некоммерческие организации, не желающие уходить в поле политической борьбы и готовые взаимодействовать с властными структурами пусть и в рамках предлагаемых государством процедур³. Достаточно серьезное разделение можно проследить после принятия закона

¹ McAfee Noelle, Habermas, Kristeva, and citizenship. – Ithaca London Cornell University Press, 2000. p. 82.

² Головин Ю.А., Дан-Чин-Ю Е.Ю., Киселев И.Ю. Технологии повышения гражданской активности в рамках взаимодействия региональных органов власти и общественных организаций // PolitBook. №4. 2015. С. 77.

³ Сунгуров А.Ю. Гражданское общество и его развитие в России: учеб. пособие. СПб: ЮТАС. 2007. С. 81-82.

«об иностранных агентах»¹, который фактически ограничил получение иностранного финансирования некоммерческими организациями. Принятие поправок сопровождалось не только массовыми проверками НКО весной 2013 года, но и негативными комментариями со стороны политических лидеров, соответствующими публикациями в СМИ, фактически дискредитирующими все НКО². На июнь 2016 года на сайте Министерства юстиций РФ³ в реестре НКО, выполняющих функции иностранного агента значилось 100 организаций.

В сложившейся ситуации принципиальное значение имеет восприятие сотрудниками органов власти некоммерческих (общественных) организаций и их деятельности. С целью его изучения в январе 2016 года на региональном уровне в Ярославской области было проведено исследование методом опроса экспертов. Исследование было ориентировано на оценку отношений, имевших место в 2015 году. К участию в опросе были привлечены 67 экспертов – представители 8-и региональных органов государственной власти и структурных подразделений Правительства Ярославской области, а также сотрудники администраций 20-ти муниципальных образований Ярославской области.

Некоммерческие организации, как формы объединения граждан, широко представлены в Ярославской области. Значительная часть из них уже сегодня имеет богатую историю и большой опыт работы в регионе, в т.ч. и с представителями органов власти. У чиновников сложилось свое отношение к подобным организациям. Согласно данным, полученным в ходе их опроса, 75,7% работников властных структур регионального и местного уровня доверяют некоммерческим организациям и общественным объединениям. Однако не все эксперты смогли обосновать свое положительное восприятие НКО. Среди тех, кто все же смог сформулировать причины личного доверия им, чаще говорили об опыте совместной работы с подобными организациями, социальной направленности их деятельности и о полезности НКО.

¹ Федеральный закон от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70204242/#help#ixzz3jXn6MG2o> (дата обращения: 10.05.2016).

² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год. М. Общественная палата Российской Федерации. 2013. С. 32.

³ Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента. Сайт Министерства юстиций РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://unpro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx> (дата обращения: 16.06.2016).

Каждый четвертый представитель региональных и местных органов власти испытывает чувство недоверия к некоммерческим организациям. Так, скорее не доверяют НКО 22,7% экспертов, однозначно не доверяют 1,5%. Наличие относительно большой группы чиновников, не доверяющих общественным объединениям, обусловлено несколькими основными группами факторов. Во-первых, имел место негативный опыт взаимодействия с данными организациями. Во-вторых, некоторые представители власти подозревают у них наличие скрытых целей и мотивов. Возможно, данное предположение является следствием недостаточности информации о деятельности НКО, на этот факт обратило внимание несколько экспертов.

Очень показательна корреляция между уровнем доверия НКО и опытом взаимодействия сотрудников региональных органов власти и местного самоуправления с ними. Согласно полученным в ходе исследования данным, 94,6% чиновников, постоянно и часто взаимодействовавших в 2015 году с некоммерческими организациями и их представителями, в различной степени испытывают доверие к данным организациям («доверяют» и «скорее доверяют»). Недоверие к общественным объединениям фиксируется только среди чиновников либо работавших с ними фрагментарно (44,4% не доверяют), либо не имеющих опыта взаимодействия с данными организациями (100% не доверяют).

Безусловно, мнения представителей власти о некоммерческих организациях непостоянно. Оно имеет свойство меняться под воздействием различных причин и факторов. Это подтверждает сравнительный анализ данных двух аналогичных социологических исследований, проведенных авторами в декабре 2012 года – январе 2013 года (оценка отношений, имевших место в 2012 году) и январе 2016 года. За три года уровень доверия чиновников НКО снизился на 11,5% (с 87,2% до 75,7%). При этом количество недоверяющих и скорее недоверяющих подобным объединениям граждан увеличилось практически в два раза (с 12,8% до 24,2%).

Согласно данным опроса, в 2016 году абсолютное большинство региональных и местных органов власти взаимодействовали с некоммерческими организациями (95,5%). Их коммуникация осуществлялась в 2015 году достаточно регулярно: лишь 3% опрошенных служащих ответили, что им вообще не приходилось взаимодействовать с НКО, еще 1,5% практически не взаимодействовали.

За три года доля сотрудников региональных органов власти и местного самоуправления Ярославской области, вовлеченных в диалог с общественными объединениями, возросла на 11,5%.

Мотивация, с которой представители власти идут на контакт с НКО, связана либо с необходимостью помощи в решении ряда социальных проблем, либо с исполнением ими своих профессиональных функций (совместные мероприятия, взаимодействие в рамках механизма получения государственной поддержки, обмен информацией, необходимость общественной экспертизы нормативно-правовых актов и т.п.).

Относительное большинство представителей органов власти заявляют, что инициатива на взаимодействие в 2015 году исходила в 50,7% случаев в равной степени с обеих сторон, в 13,4% случаев – от НКО, примерно такая же доля экспертов указали на власть и должностных лиц (11,9%). Еще у 22,4% взаимодействие выстраивалось ситуативно. 6% затруднилось ответить на данный вопрос. Отметим, что в 2015 году от НКО инициатива на сотрудничество с органами власти исходила в два раза чаще, чем в 2012 году. Это может свидетельствовать о реальной поддержке идей и проектов общественных организаций в коридорах власти.

Согласно данным исследования, содержательная сторона взаимодействия органов власти и НКО в 2015 году, как правило, определялась конкретной ситуацией (48,5%). Конечно, имели место и факты призыва о помощи, и предложения помощи. По мнению опрошенных экспертов, некоммерческие и общественные объединения практически в три раза чаще обращались за помощью в структурные подразделения органов исполнительной власти Ярославской области и органы местного самоуправления, нежели чиновники к ним (28,8% против 10,6%). При этом предложения о помощи исходили примерно в равной степени от обеих сторон (13,6% от НКО и 9,1% от власти).

Число предложений помощи власти со стороны общественных объединений с 2012 года увеличилось в два раза с 7% до 14%. Примерно такая же картина наблюдается и с количеством инициатив власти по поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций: рост на 4,4% – с 4,7% (по итогам 2012 года) до 9,1% (2015 года).

Финансовая поддержка (66,7%), консультативно-методическое и информационное сопровождение (49,2%) в 2015 году были наиболее распространенными видами помощи властных структур НКО. Органы власти также оказывали организационную помощь НКО (39,7%), имущественную поддержку (20,6%).

Поддержка и содействие региональным властям со стороны НКО в 2015 году заключалась, прежде всего, в организации и проведении различных общественно-культурных мероприятий и социально-

значимых проектов (44,8%), информационной поддержке (15,5%), помощи в социальной поддержке населения (12,1%), экспертной работе (10,3%).

Оценки качества взаимодействия НКО и органов власти со стороны участников опроса весьма неоднозначны, но в большинстве случаев положительны. Наиболее эффективными формами взаимодействия в 2015 году, по мнению чиновников, были дискуссии и совместные проекты (мероприятия) в рамках деятельности Общественных палат, обращения в органы власти, гранты и субсидии для НКО, публичные слушания и общественные советы при органах власти. Интересно, что они входили в число наиболее эффективных и по итогам работы в 2012 году (Таблица 1).

Таблица 1.

Оценка форм взаимодействия НКО и органов власти

	Среднее значение по итогам исследования 2012-2013 гг.	Среднее значение по итогам исследования 2016 г.
Общественная палата	3,61	3,98
Обращение в органы власти	3,81	3,78
Гранты и субсидии для НКО	3,58	3,76
Публичные слушания	2,82	3,32
Общественные советы при органах власти	3,08	3,28
Социальный заказ	2,98	2,90
Общественная экспертиза законодательства	2,41	2,77
Экологическая экспертиза	2,67	2,47
Правотворческая инициатива	2,69	2,46

Таким образом, за три года результативность практически всех форм сотрудничества НКО и органов власти не изменилась, исключение – публичные слушания. Их эффективность по сравнению с 2013 годом в 2015 году существенно возросла. Очевидно, представители власти на момент опроса еще не забыли о публичных слушаниях по вопросам градостроительства, имевших место на территории Ярославской области в 2015 году и получивших широкий общественный резонанс.

Данные исследования свидетельствуют о наличии негативных моментов для власти во взаимоотношениях с НКО, но об их преобладании или критичности говорить не приходится - абсолютное большинство опрошенных экспертов либо указали на их отсутствие, либо просто не стали отвечать на соответствующий вопрос (80,6%

экспертов). Из тех, кто все же увидел для себя и своего учреждения негативный эффект от сотрудничества с НКО, указывали на низкий уровень организационной и финансовой дисциплины общественных объединений (3,0%), расхождение между потребностями некоммерческих организаций и возможностями органов власти (3,0%), низкий уровень их активности (3,0%) и т.п.

В целом, несмотря на вышеуказанные издержки сотрудничества, подавляющее большинство представителей региональных и местных органов власти считают необходимым взаимодействие своего органа/учреждения с НКО, настроено на партнерство с ними.

Представители региональных и местных органов власти неоднозначно оценивают роль и возможности некоммерческих организаций в сфере предоставления социальных услуг населению. Так, по результатам исследования 2016 года 64,2% экспертов скептически или вовсе с отрицанием отнеслись к суждению о том, что некоммерческие организации могут оказывать социальные услуги населению существенно лучше, чем государственные, муниципальные или бизнес структуры. Это на 11% больше, чем в 2012 году. Причем критическое отношение к данному высказыванию характерно как для чиновников, доверяющих некоммерческим организациям, так и для тех, кто не доверяет им. Еще 11,9% затруднились ответить на соответствующий вопрос.

Согласно данным, только 22,4% экспертов полагают, что некоммерческие организации способны оказывать социальные услуги населению существенно лучше, чем государственные, муниципальные или бизнес структуры. Отметим, что с 2012 года их доля сократилась на 5,6%.

В реестр социальных услуг, которые все же можно делегировать некоммерческим организациям, эксперты отнесли: услуги по улучшению навыков поведения в быту и общественных местах для инвалидов (54,5% поддержали возможность их делегирования некоммерческому сектору), бытовые услуги (50,0%). По данным группам социальных услуг мнение представителей власти оказалась наиболее консолидированным.

Опрос экспертов позволил выявить любопытный факт: многие эксперты, одобряющие передачу ряда социальных услуг НКО, не смогли назвать конкретные общественные объединения, кому по силам принять участие в системе предоставления государственных /муниципальных услуг. Так, 26,8% не сумели ответить на соответствующий вопрос, еще 22,4% говорили об отсутствии таковых в Ярославской области. Остальные (50,8%) называли одну, реже две-три общественные организации.

В перечень отраслей социальной сферы, которые заведомо нецелесообразно передавать в компетенцию некоммерческих организаций, чиновниками были включены медицинские услуги, обладающие наибольшей социальной значимостью для населения. О недопустимости процесса разгосударствления даже части государственных / муниципальных услуг в ходе опроса говорили 15,2% чиновников.

Делая вывод, можно сказать, что НКО Ярославской области достаточно тесно взаимодействуют с органами власти, большинство чиновников доверяет их деятельности, многие непосредственно взаимодействуют с ними. Однако существует и недоверие к НКО, которое обуславливается негативным опытом взаимодействия и подозрением о наличии скрытых целей и мотивов у их представителей. При этом важно то, что чиновники, постоянно работающие с представителями НКО, а значительной степени испытывают доверие к данным организациям. У представителей власти Ярославской области мнение о некоммерческих организациях и об их вкладе в развитие разных направлений гражданского общества носит непостоянный характер и меняется под воздействием различных причин и факторов.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № 1127 «Правовые и социально-политические аспекты гражданской активности в современной России».

Библиография

1. McAfee Noelle, Habermas, Kristeva, and citizenship. Ithaca London Cornell University Press. 2000. 219 p.
2. Головин Ю.А., Дан-Чин-Ю Е.Ю., Киселев И.Ю. Технологии повышения гражданской активности в рамках взаимодействия региональных органов власти и общественных организаций // PolitBook. №4. 2015. С. 77.
3. Сунгуров А.Ю. Гражданское общество и его развитие в России: учеб. пособие. СПб: ЮТАС. 2007. С. 81-82.
4. Федеральный закон от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL://http://base.garant.ru/70204242/#help#ixzz3jXn6MG2o (дата обращения: 10.05.2016).

5. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год. М., Общественная палата Российской Федерации. 2013. С. 32.

6. Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента. Сайт Министерства юстиций РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx> (дата обращения: 16.06.2016).

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

*КОЛОДИНА Анна Александровна,
к.соц.н., ст. преподаватель кафедры «Истории,
культурологии, молодежной политики и рекла-
мы» Московского авиационного института (на-
циональный исследовательский университет)
hoha555@yandex.ru*

*КРУХМАЛЕВА Оксана Валерьевна,
к.соц.н., доцент кафедры "Социологии"
Российского университета дружбы народов
kruhoks@yandex.ru*

Становление социокультурного подхода в отечественном социально-гуманитарном знании/ Formation of sociocul- tural approach to domestic socio-humanitarian knowledge

Аннотация

В статье рассматривается становление социокультурного подхода и его познавательные возможности в исследовании трансформаций российского общества. Показывая различные аспекты данной темы, авторы обращаются к трудам Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, П.А. Сорокина, Т.Н. Заславской, Н.И. Лапина и многих других отечественных исследователей, по-разному анализировавших познавательные возможности социокультурного подхода, как метода исследования.

Статья адресована научным работникам, преподавателям, студентам, специалистам по социальной философии, культурологии и социологии, а также всем тем, кто интересуется новыми процессами, происходящими в социокультурном пространстве современной России.

Ключевые слова

Социокультурный подход, ментальность, трансформация общества, традиции, ценности, культурные оппозиции.

Abstract

The article deals with the emergence of socio-cultural approach and its educational possibilities in the study of transformations of Russian society. Featuring various aspects of this topic, the authors refer to the works of NY Danilevsky, KN Leontiev, PA Sorokin, TN Zaslavsky, NI Lapin and many other Russian researchers variously analyzed the cognitive capabilities of the socio-cultural approach as a method of research.

The article is addressed to scientists, teachers, students, experts in social philosophy, cultural studies and sociology, as well as all those who are interested in new processes in the socio-cultural space of modern Russia.

Keywords

Socio-cultural approach, the mentality, the transformation of society, traditions, values and cultural opposition.

Новая идеология вырастает на основе новых исторических событий, других социальных структур и методов осмысления нового общества, которое называют постиндустриальным, информационным, потребительским обществом, а вместе с тем еще и обществом риска. Это новое общество исследователи теоретически пытаются по-другому осмыслить и предугадать его последующие изменения на основе новейшей философии, философии постмодерна и тех концепций, которые противостоят всем старым, традиционным подходам к обществу, таким как линейный прогресс, принцип детерминизма, классическая рациональность и эволюционистская модель развития общества.

Для современного объяснения адекватного познания общества достаточно характерным является принцип нелинейного прогресса, основы которого были заложены еще во второй половине XIX века в известной работе отечественного исследователя Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» и в целом ряде статей К.Н. Леонтьева, также посвященных философскому обоснованию теории культурно-исторических типов. В отличие от господствовавших ранее взглядов на исторический процесс, чаще всего связанных с представлением о том, что культура всего мира представлена только культурой

Европы, и этот европоцентристский подход определяет не только теоретические выводы, но и практические усилия разных властных структур и организаций европейских народов по отношению ко всем другим этносам. Эти «благородные» усилия всегда были направлены на то, чтобы блага и ценности, нормы и идеалы цивилизованной Европы стали основой культуры всех других стран и народов. В отличие от этого монополюсно-доминирующего европоцентристского линейного прогресса Н.Я. Данилевский, а чуть позже и К.Н. Леонтьев утверждали, что подавляющее большинство народов, населяющих Землю, имеют каждый свою автономную культуру и формируют свой самобытный культурно-исторический тип. Все эти культуры можно условно объединить в три группы, названные общественными исследователями как: «положительные деятели в истории человечества»; «народы, несущие разрушительное начало в истории»; народы, не несущие ни положительного, ни отрицательного начала в истории. Они лишь составляют, по мнению Данилевского, этнографический материал, не имеющий исторической индивидуальности¹.

К.Н. Леонтьев считал, что изучение социокультурных процессов позволяет сделать вывод о приоритетной ценности многообразия национальных культур, их несхожести, подчеркивая, что унификация человеческого бытия, появление сходных черт в социально-политической, эстетической, нравственной и бытовой сферах жизни предполагает ослабление жизненных сил народа и приближение всего человечества к гибели.

По мнению Леонтьева², равновеликими в истории любого народа являются два великих центра притяжения – культура и человек. Однако если культура формируется лишь в недрах государственно-оформленной социально-исторической общности, то человек, «наделенный бесконечными правами личного духа», способен ниспровергать любые установления и обычаи и во все времена способен противоборствовать историческому року. Другими словами, весь исторический процесс не подчинен ни року, ни историческим детерминациям, а зависит всецело от воли и желания человека.

Н.Я. Данилевский еще в середине XIX века утверждал, что каждый народ по-своему видит мир и отображает это видение в создаваемой им культуре. Он подчеркивал, что не существует политического, экономического или духовного идеала, пригодного на все времена и для всех народов, так как все явления общественного мира – суть

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.; СПб., 2006.

² Леонтьев К.Н. Соч. в 9 тт., 1912–1913 гг.; Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. – СПб., 1990.

явления национальные. Поэтому не может быть и народа – эталона для всех других¹.

Завершая свою работу, Данилевский обращал внимание на то, что залогом успешности и влиятельности той или иной концепции культуры общества является не стройность и даже не ее истинность, а то, насколько она отвечает интересам, чаяниям, глубинным неосознанным стремлениям народа – носителя «национального начала».

Европа существенно позже признала определяющее значение автохтонности и самобытности культуры каждого народа, населяющего планету Земля, и только после признания авторитетности выводов работ О. Шпенглера и А. Тойнби. Однако, в той или иной степени оценив работы Данилевского и Леонтьева, она «не забыла» при этом назвать их и тоталитаристами и консерваторами².

В конце XX века разительные изменения происходили в политической и социальной сферах бытия человечества. Поражение СССР в информационно-психологической войне означало не только крах социальной утопии марксизма, оно привело к качественному изменению всей социальной структуры общества, а последующий распад СССР принес РФ и всем новообразованным независимым государствам Европы и Азии доминирование этнических и социокультурных процессов по сравнению с социально-классовыми и общественно-политическими, потому что стала радикально изменяться экономика РФ и других стран на базе ее реиндустриализации и рыночной спецификации и, соответственно этому, начала меняться социальная структура большинства бывших социалистических стран. Появился новый для России класс – крупных собственников, в РФ формируются существенно значимые олигархические слои, в первую очередь – монополисты сырьевых отраслей экономики, неразрывно связанные со всеми структурами власти. В то же время, большие ожидания отечественных и зарубежных идеологов либерализма и политологов относительно формирования среднего класса в стране оказались реализованными в самой незначительной мере.

Однако эмпирические исследования утверждают, что существенно трансформировалось мироощущение большинства взрослого населения страны, которое в последние десятилетия существенно изменило свой образ жизни и уклады хозяйствования под воздействием радикальных перемен, происходящих не только в России, но и во всем мире.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.; СПб., 2006. – С. 170.

² Mc. Master R. Danilevsky A. Russian Totalitarian Philosopher. – Cambridge, 1967.

Особенно значимые перемены произошли в рамках официальной идеологии, нормативов и стандартов современного российского государства – Новой России. Не менее значимыми являются и радикальные трансформации индивидуально-личностных, ценностно-нормативных или аксиологических систем каждого члена современного российского общества. Это предполагает как отказ от ценностей, норм, принципов и стандартов, сформированных и ставших мировоззренческими установками еще в советское время, так и освоение новых систем ценностей, которые выросли на фундаменте принципов и норм буржуазно-либеральной и демократической тенденций идеологии, а также и на традиционной ментальности населения России. Эта грандиозная историческая задача требовала много времени, больших финансовых затрат, опыта эффективного руководства массовыми процессами в сфере духовной культуры, а также основательной эрудиции всех руководителей разного ранга в сфере социально-гуманитарного знания, в котором на рубеже веков также происходили радикальные изменения.

Обзор современных отечественных научно-исследовательских трудов¹, посвященных анализу культурных традиций и ценностей населения, показывает, что подавляющая масса россиян, в том числе и достаточно молодых возрастов, реализует понятную для большинства населения страны стратегию выживания, основанную на традиционных ценностях российской культуры. Только сравнительно малочисленное, но активно-деятельное меньшинство, обладающее властью и собственностью, реализует свой инновационный выбор, связанный со становлением в стране информационного типа культуры, ориентированного на ценности либеральной идеологии.

Известно, что Россия относится к феминным культурам, и у населения преобладает коллективная, а не индивидуалистическая этика. Все население страны, как показывают эмпирические исследования и подтверждает практика жизни, в первую очередь идентифицирует себя с определенными этно-социокультурными группами и направляет свою деятельность на защиту их интересов и потребностей. Это характерно для каждого традиционного общества. Современная российская культура продолжает оставаться закрытым типом культуры, что отличает не только традиционные общества, но также и общества с авторитарно-бюрократическим и тоталитаристскими типами управления.

¹ Основательный обзор современной научной литературы, посвященной этой проблематике, дан в работах В.И. Добренкова «Ценностно-ориентированная социология». – М.: Академический проект, 2011. – 558 с.; А.Л. Маршака, Л.В. Рожковой «Социокультурная модернизация». – М.: Академика, 2015. – 294 с.

Путь радикальных реформ, предпринятых в РФ в конце XX века, вызвал у большинства населения России сильный культурный шок, существенно повлиявший на все темпы и формы инновационных процессов, что и определило особенности социальной практики всех сфер бытия современной России.

Массовое сознание современных россиян сейчас, за прошедшие три десятилетия нескончаемых трансформаций, представляет четко выраженные «культурные оппозиции», описанные еще в начале 90-х годов прошлого века А.С. Ахиезером¹, состоящие из разнонаправленных ценностей, которые медленно, но эволюционируют от феминной, коллективистской и закрытой культуры России к европейской культуре мужского типа, индивидуалистической и открытой. Однако эволюционирует это ментальное массовое сознание достаточно медленно.

Ценностное сознание большинства взрослого населения сохранило и возвысило те системы ценностей, которые помогали выживать в условиях кризисного общества, будь то абсолютизация роли власти или авторитета роли силы и богатства, пренебрежение к нормам права, а также социальный утопизм и вера в то, что скоро «все обойдется» без собственных усилий каждого члена общества. Россияне верят в могущество харизматического лидера, для них характерна своеобразная абсолютизация «воли» (с которой они отождествляют свободу) и их отличает известное пренебрежение к собственному труду.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что трансформация российской ментальности осуществляется по своим законам, а не под прямым и непосредственным влиянием средств массовой информации, неустанно прокламирующих значимость для каждого человека либерально-рыночных ценностей.

За последние три десятилетия в жизни России произошли самые серьезные изменения как в социально-политической, финансово-экономической сферах, так и в мире духовной культуры большинства россиян. Российская ментальность и национальный характер эволюционируют в направлении интериоризации новых для страны систем либерально-рыночных ценностей и формирования направленных интересов и потребностей, направленных в сторону интеграции в глобальное сообщество, несмотря на снижение своих официально-признанных объективных показателей по всем наибо-

¹ Ахиезер А.С. Россия: практика исторического опыта. Социокультурная динамика России: от прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский характер, 1997., т. I. – 804 с.

лее значимым показателям жизнедеятельности современной России как общества и государства.

Академик Т.Н. Заславская в работе «Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция»¹ охарактеризовала происходящую социальную трансформацию как «радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы или социального типа общества». При этом она выделила несколько слоев показателей, определяющих характер и направленность этих изменений: на поверхности – преобразование социальных институтов, глубже – изменение социально-групповой структуры, «еще более глубинным и в тоже время наиболее надежным критерием направленности трансформационного процесса, показателем того, ведет ли он к модернизации или, напротив, к деградации общества, служит генеральное направление социокультурных сдвигов».

Социокультурный подход к анализу социальной реальности был сформулирован в середине XX века в работах П.А. Сорокина. Однако теоретические предпосылки такого подхода создавались задолго до этого. Сначала в работах И. Гердера, особенно в его главном труде «Идеи к философии истории человечества», опубликованном в конце XVIII века, где автор вводит в научный оборот философии сам термин «культура», понимая ее как убеждения, ценности, определенный уровень цивилизации, то есть как духовно-культурную сферу бытия человека.

Выделение феноменов культуры в особую сферу познания и рассмотрение всех феноменов культуры как объектов аксиологического познания мира позволило заново переосмыслить культуру как форму и способ деятельного осмысления мира; как состояние общества и показатель общественного прогресса, неразрывно связанного с принципами гуманистического развития и человека, и человечества; наконец, культура является способом реализации творческих сил человека.

Именно эти главные выводы ложатся в основу концепции социокультурной динамики П.А. Сорокина, ставшей одной из наиболее широко используемых концепций, на базе которой формируется современное понимание и теоретическое осмысление существующей социальной реальности. П.А. Сорокин рассматривает не только три разных типа исторических особенностей социума, но и обращает внимание на возможность появления бесцельных исторических флуктуаций общества и усиление недетерминистских принципов

¹ Заславская Т.Н. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2002. – 568 с.

мышления, оказывающих все более сильное влияние на исторические процессы¹. Рассматривая развитие современного общества на основе очевидной поляризации ценностных ориентаций населения, П.А. Сорокин обращал внимание на то, что в условиях очевидной поляризации общества и негативного отношения к происходящему, никто не может с определенной уверенностью сказать, каковы будут результаты курса реформ, однако можно руководствоваться общими принципами, которые существенно увеличивают шансы на успех².

Существенно позже в известной работе У. Бека «Общество риска»³ в полной мере рассматривается специфика происходящих исторических процессов, все более хаотических, недетерминированных и все более зависимых от рисков разного рода.

В современном отечественном социально-гуманитарном знании наиболее широко и адекватно современным реалиям социокультурный подход представлен в работах Н.И. Лапина⁴. Он считает, что социокультурный подход предполагает методологическое единство цивилизационного и формационного подходов, хорошо известных специалистам по социальной философии, а кроме того, этот подход включает в свои познавательные принципы: принцип человека активного; принцип взаимопроникновения культуры и социальности; принцип антропо-социетального соответствия; социокультурного баланса, а также принципы симметрии и взаимообратимости социетальных процессов.

Н.И. Лапин считает, что социокультурный подход предполагает интеграцию всех трех сторон бытия современного человека: его взаимоотношений с обществом; формы и характер его культуры; типы и формы социальности общества, в котором он живет. Такой триединый подход способствует более глубокому и точному пониманию традиционного и инновационного во всех сферах жизнедеятельности людей; устойчивого и изменчивого в культуре и социальности; константного и изменяющегося, детерминирующегося и хаотического⁵.

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 310.

² Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М., Институт социологии РАН, 1993. – Гл. 5.

³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁴ Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. – М.: ИФ РАН, 2000.

⁵ Лапин Н.И. Социокультурная трансформация, Социокультурный подход // Российская цивилизация. Энциклопедический словарь. М.: Республика. 2001, – С. 420–428; Лапин Н.И. Антропо-социетальный подход:

С позиций предложенного Н.И. Лапиным новейшего социокультурного подхода, современная трансформация российского общества предстает как весьма динамичный, сложный и многоаспектный процесс, вектор которого слабо определен и теоретически многозначен¹.

В основе социокультурного подхода находится интегративный принцип объяснения, который предполагает одновременный анализ проблем человека, культуры и социальности. Это позволяет более адекватно понять многообразные социокультурные массовые процессы как процессы устойчивости/изменчивости в обществе, а также выявить степень реализации принципов антропосоциетального соответствия и социокультурного баланса, на основе которых развиваются современные народы и государства².

Для отечественных работ по социальной философии и истории и теории культуры в настоящее время достаточно характерным является постепенный переход от марксистской концепции анализа исторического процесса и его культурных форм к многомерному и плюралистическому пониманию социальных изменений, характеризующих все сферы жизни современного российского общества, в том числе и в сфере духовного производства и взаимоотношений.

С точки зрения современного социально-гуманитарного знания в отечественных трудах по генезису культуры равнозначимыми являются два подхода. Первый из них рассматривает культуру как акт творчества, овеществленный или опредмеченный в разнообразных культурных ценностях. При таком подходе исследователей интересуют сами артефакты культуры, их систематизация, анализ, содержательные и сущностные характеристики. Такой подход имеет большую историко-философскую традицию как в западной, так и в отечественной литературе.

Второй подход рассматривает культуру преимущественно как способ реализации сущностных сил человека. Здесь внимание уделяется в первую очередь вопросам формирования этих сущностных творческих сил, их становления на основе как внутренних задатков, способностей и талантов человека, так и от культурных традиций всего общества и тех социальных институтов и малых групп, в непосредственной связи с которыми осуществляется вся жизнедеятельность современных подрастающих поколений.

методологические основания, социологические измерения. // Вопросы философии. – 2005, – № 2.

¹ Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования – 2011, № 9. – С. 3 – 18.

² Лапин Н.И. Кризисный социум. – М., 2009.

Для вышеназванного второго подхода к анализу культуры характерен неизменный интерес к диалектике коллективного и индивидуального в культурном творчестве, к взаимодействию традиций и новаций в процессах культуры, интегративных и дифференциальных тенденций. Сторонникам этого направления представляются значимыми исследования механизмов действия процессов преемственности культуры, выявление роли различных социальных институтов, осуществляющих процесс передачи подрастающим поколениям культурных норм и ценностей, а также и одобряемых обществом образцов и стандартов поведения.

На основе обобщения и современного философского переосмысления многочисленных работ, посвященных этой проблематике, можно сделать вывод о том, что проблематика преемственности культуры находится в центре исследовательского внимания практически всех представителей любой из областей социально-гуманитарного знания – социологии, экономики, менеджмента, имиджологии и в других традиционных и новейших областях знания, связанных с осмыслением новых социокультурных феноменов, появившихся в жизни российского общества в три последних десятилетия.

В связи с вышесказанным, анализ новых социокультурных феноменов в жизни современной России становится одной из наиболее значимых исследовательских задач, стоящих перед всеми исследователями многообразных радикальных трансформаций в социально-экономической, политической и духовно-культурной жизни страны.

Библиография

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., –СПб., 2006.
2. Леонтьев К.Н. Соч. в 9 тт., 1912 – 1913 гг.; Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. – СПб., 1990.
3. Mc. Master R. Danilevsky A. Russian Totalitarian Philosopher. – Cambridge, 1967.
4. Основательный обзор современной научной литературы, посвященной этой проблематике, дан в работах В.И. Добренкова «Ценностно-ориентированная социология». – М.: Академический проект, 2011. – 558 с.; А.Л. Маршака, Л.В. Рожковой «Социокультурная модернизация». – М.: Академика, 2015. – 294 с.
5. Ахиезер А.С. Россия: практика исторического опыта. Социокультурная динамика России: от прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский характер, 1997., т. I. – 804 с.

6. Заславская Т.Н. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2002, – 568 с.
7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 310.
8. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М., Институт социологии РАН, 1993. – Гл. 5.
9. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
10. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. – М.: ИФ РАН, 2000.
11. Лапин Н.И. Социокультурная трансформация, Социокультурный подход // Российская цивилизация. Энциклопедический словарь. М.: Республика. 2001, – С. 420 – 428.
12. Лапин Н.И. Кризисный социум. – М., 2009.

*КУМАКОВА Дарья Борисовна,
аспирант Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского
kumakovadb@gmail.com*

Трансформация концепции феномена традиции в современном искусстве/ The Traditionals phenomenon transformation concept in contemporary art

Аннотация

В статье рассматриваются примеры выставочных проектов в сфере современного искусства, работающих с традиционными аутентичными техниками и тематиками. Проводится анализ современной ситуации бытования феномена «традиция» в художественной среде и влияние на нее глобальных социальных интеграционных процессов. Автор исследует традицию в контексте философии постмодерна и понимание современного художника как «homoviator».

Ключевые слова

Традиция; современное искусство; постмодерн; «homoviator».

Abstract

This article discusses examples of exhibition projects in the field of contemporary art working with authentic traditional techniques and themes. Foresees an analysis of the current situation of existence of «tradition» of the phenomenon in the artistic environment and the influence of global social integration processes. The author explores the tradition in the context of postmodern philosophy and understanding of the contemporary artist as a «homo viator».

Keywords

Tradition; contemporary art; postmodern; “Homo Viator”.

В современном мире вопрос сохранения традиции стоит достаточно остро. Глобальные коммуникационные процессы прослеживаются во всех сферах социальной, экономической, политической жизни. Нахождение различных культур в постоянном практически неизбежном контакте может грозить утратой личной, этнической

и национальной идентичности. Глобальный контекст стирает четкие границы социокультурных различий. В связи с этим можно выделить несколько волн глобализации. Появление первой связывают с возникновением первых торговых городов. Для последней волны глобализации «характерна глобальная гипермобильность людей, денег товаров и информации. Именно скорость этой гипермобильности отличает новую волну глобализации от предыдущих. Кроме того, сегодняшняя глобализация идет в ногу с набирающей популярность монолитной парадигмой свободного рыночного капитализма»¹. Увеличение глобальных коммуникационных связей, произошедшее благодаря туризму, миграции, развитию средств массовой информации, современных технологий превращает мир в единое социальное пространство и ведет к потере национальной исторической памяти и утрате традиций.

Для современного российского общества эта проблема также актуальна. Тема соотношения прошлого и будущего, традиции и новации начинает рассматриваться не только философами, культурологами, социологами, но и художниками. С одной стороны существует потребность в инновационном векторе развития культурной системы и интеграции в мировые коммуникационные процессы, а с другой стороны существует угроза разрыва культурной и исторической преемственности. За последние несколько лет появились несколько художественных исследований в сфере современного искусства, касающихся этой проблематики.

В поисках новых сюжетов кураторы выставок обращаются к краеведческим исследованиям: «Ниже Нижнего: Новейшие опыты околовожского краеведения» (Кураторы: Евгений Стрелков, Андрей Суздаев), «Музейная долина» (Руководитель проекта: Игорь Сорокин); к локальной культурной ситуации традиционной русской деревни (Международная Ширяевская биеннале современного искусства); к традиционному творчеству и, в частности, к наивному искусству: «От тотема до мема» (Куратор: Светлана Гусарова), «udm. update» (Автор и руководитель: Александр Юминов), «Актуальная Удмуртия» (Куратор: Александр Юминов). Искусство как одна из форм освоения действительности реагирует на любые её изменения: отражая реальность, переосмысляя прошлое, конструируя будущее.

Отечественный исследователь Э.С. Маркарян определяет культурную традицию следующим образом: «это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и вос-

¹ Гилен П. Бормотание художественного множества. Глобальное искусство, политика и постфордизм. – Москва, 2015. – С.13.

производится в различных человеческих коллективах»¹. Характерная черта традиции – её неоднозначность. Она имеет подвижные рамки и способна в одной и той же культуре существовать в разных формах. Во-первых, традиция понимается как основа повторения элементов жизнедеятельности человеческих сообществ, не пронизываемая для креативной деятельности. Во-вторых, традиция – это главное условия в формировании идентичности человека, поскольку именно традиция обеспечивает устойчивость и преемственность человеческого бытия.

В контексте искусства понятие традиции имеет определенные особенности. Традиция – это наследие художественной культуры, отражающееся и влияющее на настоящее развитие искусства. Таким образом, она выражается в стилях, жанрах и школах. Можно говорить, например, о существовании «традиции барокко» и «традиции романтизма». В другом ключе традицию рассматривают в понятии «традиционное искусство», имея ввиду искусство народное и аутентичное. В таком искусстве индивидуальные черты художника как автора перестают играть основополагающую роль, и на первый план выходит коллективное творчество, формирующее черты, определяющие эту традицию.

Понимание традиции в контексте современного искусства возможно, если обратиться к философии постмодерна, на которую оно опирается. Одной из основных особенностей изучения постмодернизма в искусстве является радикальный плюрализм. Монистические художественные течения, такие как средневековое искусство, искусство Возрождения, классицизм, социалистический реализм, опирались на единую для всех представителей систему представлений о целях, методах и средствах искусства. Плюралистические же течения не предполагают тождества воззрений художников. Для постмодернистского искусства характерен отказ от канонов и авторитетов, свободное отношение к классике и традиции. Если модернисты хотели сбросить предшествующую художественную традицию с «корабля современности», то художники-постмодернисты ее с легкостью усваивают путем цитирования и переосмысления. Весь культурный опыт человечества становится материалом для игры художника-постмодерниста. Отсутствие единой точки зрения, с которой оценивается искусство, дает возможность использовать в творчестве элементы любых культур, в том числе и традиционных. Постмодернизм отрицает диктатуру отдельных течений и утверждает плюралистический порядок, в котором сосуще-

¹ Биктагирова Г.Ф. Междисциплинарный анализ понятия «традиция» // Фундаментальные исследования. 2013. № 6. С. 725-729.

ствуют различные модели художественного творчества. Таким образом, наряду с образцами классического искусства источниками творчества для создания художественного произведения становится народное аутентичное искусство.

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо выделить основные характеристики традиционного, народного искусства. «Народное искусство рождалось, складывалось, изменялось на протяжении веков. Многочисленные его образцы выкристаллизовывались на длительном отрезке времени и передавались из поколения в поколение, сохраняя основной, устойчивый стержень миропредставления, тот коллективный духовный опыт, из которого постоянно выбирались духовные и жизненные традиции»¹. Оно развивается и совершенствуется в неразрывной связи с жизнью народа. Имея утилитарно-функциональную основу, произведения народного искусства носят декоративный характер. Народное искусство сохраняет черты первобытного синкретизма: в нем художественная функция неотделима от бытовой, обрядовой.

В XX веке механизмы функционирования традиционного искусства в обществе изменяются. Оно покидает среду своего бытования. Это происходит из-за усиления глобализационных процессов, развития и демократизации профессионального художественного образования, увеличения внимания исследователей к аутентичной культуре коренных народов. Так, например, в 1925 году создается Северный институт Ленинградского государственного университета. Отечественное традиционное искусство влияет на русский живописный авангард 1910-1920-х годов, что делает его уникальным и актуальным по сегодняшний день явлением мировой культуры. Характеризуясь сочетанием традиций русского народного искусства и приемов западноевропейской живописи, авангардное творчество искало истоки истинного, идущего «от земли» искусства, лишённого влияния цивилизации. Так, например, народное творчество, воспринимающееся представителями художественного объединения «Мир искусства» (1898–1924) как открытое, простое и естественное, было объектом вдохновения для М. Ларионова и Н. Гончаровой. К образам народной памяти позже обращались шестидесятники и художники концептуалисты.

¹ Шауро Г.Ф. Народное искусство: историко-теоретические и социокультурные аспекты // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. № 2. [Электронный ресурс] // КиберЛенинка-научная электронная библиотека. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/narodnoe-iskusstvo-istoriko-teoreticheskie-i-sotsiokulturnye-aspekty> (дата обращения: 23.02.16).

Авторское обращение к традиционным искусствам происходит путем заимствования отдельных элементов народного творчества и перенесение их в новый, современный контекст. Именно такой художественной стратегии придерживаются участники выставочного проекта «Актуальная Удмуртия». Куратор выставки – Александр Юминов. Проект реализован Волго-Вятским филиалом Государственного центра современного искусства и Министерством национальной политики Удмуртии. Основная тема экспозиции – соединение традиционной культуры и современного искусства. На выставке, проходившей в одном из павильонов ВДНХ(Москва) представлены живопись, графика, фотография, мультимедиа, арт-объекты художников, работающих с финно-угорской тематикой. Авторы работ исследуют методы и механизмы трансформации традиции в современное искусство.

«Актуальная Удмуртия» основана на интеграции культур, не только разделенных во времени, но и в пространстве. Создавая произведение, каждый из участников проекта не просто пропускал через себя традицию с ее неповторимым мироощущением, но и привносил доминирующие в своей культуре художественно-ценностные ориентации. Таким образом, полученные в ходе реализации выставочного проекта артефакты концентрируют в себе прошлое и настоящее, что само по себе является шагом к обновлению, в будущее. Все взаимосвязано: произведение обретает значимость каждый раз заново, в духовном контексте различных исторических периодов. При таком подходе даже традиционное творчество перестает восприниматься как нечто застывшее, прямолинейное, дающее простые и ясные рекомендации. Ведь как и все искусство в целом, оно отличается возможностью многообразных истолкований.

Лишенные бытовой функции элементы традиционной культуры включаются в контекст произведений современного искусства, создавая новые художественные образы. Любой традиционный материал в зависимости от того, в каком пространстве он находится, в каком формате транслируется, может терять старую ауру и приобретать новую. Примером могут служить работы «Стадо холмов» (1990), «Гадкие цветы» (1990) художника Александра Пилина, созданные из войлока. Для Пилина этот материал ассоциируются с теплом и женским началом как источником жизни. Однако войлок активно используется в современном искусстве. Так, например, для немецкого художника Йозефа Бойса (1921–1986) он носит символический характер и тесно связан с индивидуальной мифологией, согласно которой именно войлок спас его от гибели и способствовал духовному перерождению. Используя войлок в своих акциях-ритуалах («Вождь» 1964 г., «Гомогенная инфильтрация для рояля» 1966 г.), Бойс делал

акцент на органической исцеляющей природе материала. Сопоставление использования одного и того же традиционного материала в творчестве разных художников позволяет выявить существенные смысловые изменения, происходящие в процессе циркуляции элементов народного искусства в современной культуре.

Зоя Лебедева в работе «Дневник-лубок» обращается к такому виду народного творчества, как лубок. Соблюдая принципы аутентичного, наивного искусства художница, повествуя о жизни вымышленной героини Кинжодухяз, сопровождает визуальный ряд пояснительными надписями. Обращение к «примитивным» техникам и образам – типичный прием для истории искусства. Так, желание обратиться к первоисточкам побудило модернистов в начале XX века к формальному пересмотру изобразительных конвенций, какой, например, совершили в Париже под влиянием африканских объектов Пабло Пикассо и Анри Матисс.

Ткань как источник художественного образа играет ключевую роль в работах микро-арт-группы «Город Устинов». Художники используют остатки материи, включая в них различные объекты или их фрагменты, такие как гильзы, осколки посуды. При этом ткань в символическом смысле является традицией, раскроенной заново и раскрывающей новые качества всех элементов, связывающей их в единое целое.

Для традиционного искусства важна связь с природой. «В современном искусстве роль пейзажа (равно как и портрета) значительно меняется. Искусство отходит от исключительно изобразительной стратегии. Пейзаж уже не является самоценным, не выступает в роли основного объекта произведения. Художник использует элементы пейзажа или портрета для решения конкретных художественных задач»¹. Именно такой стратегии придерживались художники, представившие в проекте видеоработы.

В рамках проекта «Актуальная Удмуртия» современным художникам были предложены композиции, созданные музыкантами-электронщиками по мотивам образцов удмуртского песенного фольклора и постфольклора. Художники в свою очередь иллюстрировали полученные треки визуальными образами. Можно выделить ряд мотивов, прослеживающихся в видеоработах. Произведения «Udmortia», «Kuklos*hill», «Офелии», «Рекрутская песня» обращаются к мистицизму женских образов, выявляя мученическую и демоническую стороны женского естества. Тема пути, дороги затрагивается в работах «Имя», «Udmortia», «Что сказал туно?» как переход в особый,

¹ Ткачева Д. Когда традиция становится искусством // Каталог выставки «Актуальная Удмуртия». С. 4.

закрытый мир удмуртской культуры. И, конечно, видеохудожники не могли обойти своим вниманием красоту природы Удмуртии. Остановимся подробнее на некоторых видеоработах.

Работа «Имя» художницы Лены Касимовой представляет собой единый непрерывный поток сознания, балансирующий на грани сна и яви. Ритм, задаваемый видео, погружает зрителя в транс, в котором обыденный рассудок ослабевает. Сознание произвольно интерпретировать образы, и основной задачей становится удержание темпа композиции, что позволяет бессознательно достраивать общую картину видео.

Произведение «Ночь» Полины Козловой пронизано загадочной и мистической атмосферой ночной Удмуртии. Также как и видеоработы арт-группы Аксеновы(е) «Udmortia» и «Kuklos*hill», это попытка совершить путешествие к истокам человеческих эмоций. Колорит обнаженной и таинственной удмуртской природы возвращает сознание к первозданному, незащищенному состоянию. Неожиданные сочетания зловещих образов вскрывают спрятанные внутри каждого архаические и магические страхи. Предельная напряженность видео заставляет зрителя упорно всматриваться в калейдоскоп мелькающих изображений.

Метаморфозы, происходящие в работе «Неназванный» видеохудожника Андрея Першина, – пример сочетания звука и изображения. Пространственно-временная и визуальная абстрактность достигается благодаря чисто графическому разрешению образов. Растительный, живой характер линий придает видео текучесть, размеренность и гармоничность.

Видео Дарьи Фейгиной «Офелии» отличается повествовательностью, но при этом оставляет зрителю свободу для интерпретации. Беря за основу распространенный любовный сюжет, художница показывает через него хрупкость и чувственность женской натуры. Весь визуальный ряд построен в соответствии с музыкой, что позволяет прочувствовать эмоциональное напряжение удмуртского напева, в котором мать пытается вызвать слезы дочери, уходящей из дома.

Нужно отметить, что все произведения являются органичным сплавом музыки и визуального ряда. Своеобразие языка образов позволяет зрителю без труда вступить в эмоциональную коммуникацию с автором. Кроме того, эмоциональные переживания, вызываемые сочетанием музыки и видео, помогают проникнуться уникальностью удмуртской традиционной культуры. Исполненные музыкальные произведения вызывают у слушателя цепь переживаний, которые только усиливаются благодаря изображению. Видеоработы передают яркие чувственные состояния, не требующие интеллектуа-

лизации, понятий, указывающих, что должно быть пережито и какие образы должны рождаться во время просмотра.

Если проект «Актуальная Удмуртия» нацелен на интеграцию в традиционную культуру, то выставка «От тотема до мема» (Куратор Светалана Гусарова) построена на отрицании возможности подобного слияния, которое основано на мнении, что традиция потеряла свое истинное функциональное назначение. Распространяясь и используя в таких сферах, как дизайн, музыка, скульптура, живопись и т.д. элементы традиционной культуры сводятся до знака. Механизмы воспроизводства национальных кодов в традиционной культуре не действуют за пределами его географического и временного расположения, трансформируясь в поле современных арт-практик в мемы. Английский ученый Ричард Докинз определяет мем, как «единица культурной информации, способная к самокопированию и распространению внутри людского сообщества благодаря процессу имитации»¹.

Таким образом, обращаясь к традиции для использования ее элементов в контексте современного искусства, приводит к художественному обману реципиента путем презентации в качестве «подражания» некоего образа, возможно не имеющего связи с прообразом. Наличие этой связи трудноопределимо и, в этом смысле, указанные выше проекты диаметрально противоположно раскрывают функционирование традиции в современности. Достижение консенсуса возможно через понимание художника как *homoviator*² (человека-странника), который с легкостью вбирает в себя модусы различных культурных традиций, преодолевает пространство и время, создавая в процессе творчества уникальный кросс-культурный продукт.

Технологические разработки, такие как интернет, доступный транспорт, создают реальную и виртуальную мобильность, которая позволяет капиталу, товарам, информации свободно циркулировать по всему миру и находиться в нескольких местах одновременно. Растущая подвижность художников и продуктов культуры позволяет им с легкостью преодолевать территории традиционных, региональных, национальных художественных практик. В этих условиях он становится медиумом, доносящим до зрителя отголоски различных эпох и культур.

¹ Докинз Р. Эгоистичный ген. – Москва, 2000. – С. 65.

² Bourriaud N. *Altermodern explained: manifesto* [Электронный ресурс] // Официальный сайт галереи Тейт Модерн. – URL: <http://www.tate.org.uk/whats-on/tate-britain/exhibition/altermodern/explain-altermodern/altermodern-explained-manifesto> (дата обращения: 23.02.16).

Библиография

1. Биктагирова Г.Ф. Междисциплинарный анализ понятия «традиция» / Г.Ф. Биктагирова // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 6.
2. Гилен П. Бормотание художественного множества. Глобальное искусство, политика и постфордизм / П. Гилен. – Москва, 2015.
3. Докинс Р. Эгоистичный ген / Р. Докинс. – Москва, 2000.
4. Ткачева Д. Когда традиция становится искусством/Д.Ткачева // Каталог выставки «Актуальная Удмуртия».
5. Шауро Г.Ф. Народное искусство: историко-теоретические и социокультурные аспекты // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*.2008. № 2. [Электронный ресурс] // КиберЛенинка-научная электронная библиотека. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/narodnoe-iskusstvo-istoriko-teoreticheskie-i-sotsiokulturnye-aspekty> (дата обращения: 23.02.16).
6. Bourriaud N. *Altermodern explained: manifesto* [Электронный ресурс] // Официальный сайт галереи Тейт Модерн. URL: <http://www.tate.org.uk/whats-on/tate-britain/exhibition/altermodern/explain-altermodern/altermodern-explained-manifesto> (дата обращения: 23.02.16).

*СУВОРКИНА Елена Николаевна,
канд.культурологии, заведующая сектором
систематизации научной библиотеки
Рязанского государственного университета
им. С.А. Есенина
suvorkina@list.ru*

Модель «субкультура детства» и концепция культурного фронта в постсубкультурных исследованиях/ Model «subculture of childhood» and the concept of cultural frontier in the post subcultural studies

Аннотация

Статью предваряет анализ социокультурных факторов, оказывающих влияние на качество жизни в России. Обращение к данной информации дает основание обозначить причину гетерогенности общества, выраженной, в частности, в субкультурах. В статье показано, что в зарубежных гуманитарных исследованиях начался отход в рамках постмодернистской парадигмы от субкультурной концепции, особенно касательно социологии молодежи. Объясняется это тем, что субкультура, имеющая четкие границы, не отвечает тем самым сути парадигмы, где все переходящее, подвижное, нестабильное, не имеет четкого выражения. В статье доказано, что в отношении мира детства отказ от субкультурной модели нецелесообразен. Члены детского сообщества охраняют границы своего мира. Более того, для них очень значимо само понятие «граница», обладающее сакральным смыслом. А фронтиром субкультурных моделей выступают социальные институты: семья, школа, церковь, различные учреждения дополнительного образования и пр.

Ключевые слова

Субкультура детства; граница; культурный фронт; постмодернизм; субкультурная модель.

Abstract

Article anticipates the analysis of socio-cultural factors that influence the quality of life in Russia. Accessing this information gives reason to explain the reason for the heterogeneity of soci-

ety expressed, inter alia, in subcultures. The article shows that the foreign humanitarian studies began to retreat under the post-modern paradigm of the concept of subculture, especially regarding the sociology of youth. The reason is that the subculture that has clear boundaries, does not answer thus essentially paradigm where everything is passing, moving, unstable, it has no clear expression. The article shows that in relation to the world of childhood abandonment of subcultural models impractical. Children's community members guarding the borders of their world. Moreover, for these very significant notion of "border", which has sacred meaning. A frontier subcultural models are the social institutions: family, school, church, various institutions of further education and so on.

Keywords

Subculture of childhood; border; cultural frontier; postmodernism; subcultural model.

Прежде чем перейти к решению концептуальных вопросов субкультурной и постсубкультурной теории в рамках постмодернистской парадигмы, необходимо провести анализ социокультурной ситуации в России, факторов риска современного детства, что имеет принципиально важное значение для исследования.

А.М. Тарко, изучая динамику демографических параметров, дает следующую характеристику основных демографических показателей в России: а) материнская смертность при рождении ребенка – самая высокая в Европе в 2008 году (1 место); б) младенческая смертность – одна из высоких в Европе в 2009 году (6 место); в) чистая (общая) смертность – также одна из самых высоких в Европе в 2009 году (3 место). При этом в России один из высоких показателей внутреннего валового продукта (ВВП), то есть достаточно высокий уровень жизни¹. Однако, исследователь пишет: «Поскольку у России в течение более десяти лет наблюдался более высокий уровень ВВП, можно констатировать, что в течение этого времени не предпринимались адекватные материальные и организационные меры для улучшения медицинских и социальных условий в стране»².

На низкое качество жизни обращают внимание и другие ученые. Так, А.А. Салмина также констатирует, что в России отсутствует система качественных государственных мер, услуг по уходу за детьми; в целом, семьи, в которых есть дети, отличаются более высоким по-

¹ Тарко А.М. Анализ развития России. Динамика демографических и технологических параметров // Свободная мысль. 2012. № 5-6. С. 166-167.

² Там же. С. 168.

казателем глубины бедности¹. Л.П. Храпылина и О.Ю. Косенко указывают на социальную дифференциацию: «Ухудшение условий жизни большинства семей с детьми происходит на фоне расширения рынка товаров и услуг для обеспеченных и богатых»². О факте бедности говорит и И.Ф. Дементьева, основываясь на анализе факторов риска современного детства. Кроме того, она считает, что фиксируемый рост рождаемости в России обусловлен не проводимой политикой стимулирования рождаемости посредством материнского капитала и, соответственно, улучшения качества жизни. (Л.Л. Рыбаковский замечает, что демографическая программа имеет тенденцию «затухать», поскольку сохранение положительной динамики является сложным процессом³). И.Ф. Дементьева, соглашаясь с мнением демографа, пишет, что рост рождаемости обусловлен естественными причинами: в настоящее время выросло число женщин детородного возраста, что связано с очередной (четвертой) демографической волной послевоенного времени⁴. Но помимо демографического фактора риска современного детства, низкого качества и уровня жизни, она обозначает и такие проблемы как: нормативно-правовые, здоровье и экология⁵. Следует, в частности, добавить в отношении фактора здоровья, что, как указывает И.Ю. Тюрина, в современной семье отсутствует сложившаяся культура здоровья, ориентация на здоровый образ жизни⁶. А.В. Носкова считает, что помимо низкого качества жизни на уровне рождаемости сказывается: давление негативных стереотипов; отсутствие пропаганды семейного образа в СМИ; трудности с выбором супруга / супруги⁷.

С позиции социологии, культурологии, Д.В. Сергеев обозначает три черты, характеризующие социально-культурную ситуацию в России начала XXI века, имеющие также негативный характер: «рецидивная культура», «архаизация», «изобретенная архаика»⁸.

¹ Салмина А.А. Социальные запросы россиян к государству: факторы формирования и межстрановые сравнения // Мир России. 2012. Т. 21. № 3. С. 140.

² Храпылина Л.П., Косенко О.Ю. Экономика и управление в сфере специальных социальных услуг населению. М.: РАГС, 2009. С. 8.

³ См.: Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 50-55.

⁴ Дементьева И.Ф. Факторы риска современного детства // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 109.

⁵ См.: Там же. С. 108-114.

⁶ См.: Тюрина И.Ю. Образ жизни семьи — основа формирования культуры здоровья ребенка // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 6. С. 343-349.

⁷ См.: Носкова А.В. Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 60-71.

⁸ См.: Сергеев Д.В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир Рос-

Но чем обусловлена российская гетерогенность, неоднородность ее социокультурного пространства? И.Н. Сиземская указывает на три главных фактора: бедность (при этом наблюдается рост числа богатых людей и объема их доходов); характер иерархических отношений (в частности, низкая социальная мобильность) и культурный ресурс страны (в частности, образование перестает выполнять роль «социального лифта»; перестает выступать в качестве транслятора «духовных смыслов и достижений культуры от поколения к поколению»)¹. Как итог, население дифференцировано по качеству жизни².

В свою очередь, эта гетерогенность порождает большое количество субкультур, о чем говорит и А.Н. Ильин: «... из этой гетерогенности закономерным образом рождаются всевозможные субкультуры, чье многообразие и составляет конструктор, называемый культурой в целом»³.

Таким образом, вышеобозначенные факторы инициируют формирование субкультуры детства, которая обладает своими традициями, языком, функциями, строением, как указывал И.С. Кон⁴.

Необходимо подчеркнуть, что субкультурный подход активно развивается в гуманитарных науках в России со второй половины XX века. М.В. Осорина обозначает 60-70-е годы⁵. Но, как выяснили некоторые ученые, в частности, Е.И. Булатова, применительно к социологии молодежи этот подход в зарубежных исследованиях устарел, получил альтернативу. Западными коллегами была предложена обновленная концепция в соответствии с постмодернистской парадигмой, введены новые дефиниции.

Задачи настоящей статьи сводятся к следующему: 1) установить, применима ли новая теория к миру детства; 2) оценить актуальность субкультурной модели; 3) определить характер и специфику межсубкультурных границ.

Е.И. Булатова, ссылаясь на различные работы зарубежных авторов, приводит следующие примеры заменителей понятия «субкультура»:

сии. 2012. Т. 21. № 3. С. 100-118.

¹ См.: Сиземская И.Н. Социокультурное пространство России: реалии и перспективы // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 25-28.

² Там же. С. 27.

³ Ильин А.Н. Массовая культура и субкультуры современного общества: специфика соотношения // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 167.

⁴ Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. С. 63.

⁵ Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2010. С. 331.

«сцена», «культура вкуса», «стиль жизни», «неоплемена», «каналы», «субканалы», «субпотoki», «клубные культуры», «солидарности»¹.

Исходя из перечисленного, видно, что проективные термины призваны отразить сугубо молодежную культуру, подвижную, быстро реагирующую на изменения в социокультурной ситуации. Для ребенка (традиционно я рассматриваю возраст от 0 до 12 лет) доминирующую позицию занимают другие ценности, более того, многие компоненты обыденной практики (как структурные единицы) остались прежними по сравнению, скажем, с 80-90-ми годами XX века. Так, обыденный уровень субкультуры детства представлен (на основании концепции В.В. Абраменковой) следующими элементами: детские игры, философствование, нормотворчество, словотворчество, детский фольклор, юмор, магия, мифотворчество, духовная сторона (религиозные представления), эстетические представления, прозвища².

Интересно, что о постсубкультурной модели заговорили уже в конце 80-х годов XX века (Д. Магглтон), ставшей выражением постмодернистской социологической концепции. Считается, что субкультура, имеющая четкие границы, не отвечает тем самым этой парадигме, где все переходящее, подвижное, нестабильное, не имеет четкого выражения. Е.И. Булатова находит точное объяснение такого снятия баррикад: это глобализирующийся мир, где все включено во взаимодействие и взаимовлияние³.

Как было сказано ранее, важной характеристикой субкультуры детства является традиция, основанная на системе определенных правил, норм, которые могут претерпевать лишь незначительные изменения. Кроме того, одна из ведущих ее функций – аккумулярующая: многие образцы обыденной практики в далеком прошлом входили в состав специализированного уровня, имели магическое, обрядовое значение. Также в субкультуре детства выработаны поведенческие паттерны. Так, при выборе водящего в игре применяется считалка на протяжении многих сотен лет. При этом она, как жанр фольклора и как нормативный инструмент, отсутствует в культуре взрослых, в которой все быстро меняется и действует договорное

¹ Булатова Е.И. Концептуализация молодежной социальности в постсубкультурных исследованиях: теория «новых племен» // Обсерватория культуры. 2015. № 2. С. 24.

² Абраменкова В.В. Социальная психология детства. М.: ПЕР СЭ, 2008. С. 110-111.

³ Булатова Е.И. Концептуализация молодежной социальности в постсубкультурных исследованиях: теория «новых племен» // Обсерватория культуры. 2015. № 2. С. 25.

начало. Последнее, как показывает практика, не всегда отвечает критериям честности, а является следствием принуждения.

Дети все еще используют дразнилки, прозвища, как определенную проверку психологической устойчивости.

Члены детского сообщества охраняют границы своего мира. Более того, для них очень значимо само понятие «граница», имеющее сакральный смысл. До сих пор практикуется вербальная формула-заклинание: «Чур меня!», принимая во внимание, что Чур — это славянский бог границ, межи. Иногда она усложняется: «Чур меня! Я в домике!» Ребенок нуждается в границе, ибо только так структурируется его картина мира, выстраиваются основные элементы мироздания. Постмодернистская гетерогенность внесет сумбур, не будет ясности. Ребенок не сможет устанавливать связи, выстраивать диалоги.

Е.И. Булатовой импонирует термин, который предлагается зарубежными учеными, — «неоплемена». Она пишет: «Племя как новая форма социальности поддерживает интересубъективность, множественность, текучесть и отвергает точность, четкость и фиксированность групповых идентичностей»¹.

В субкультуре детства (до 12 лет), как правило, еще не выработаны индивидуальные музыкальные, танцевальные предпочтения, заставляющие ребенка искать единомышленников, вступать в фан-клубы. Это период, когда он знакомится с разнообразием культурных практик, его предпочтения быстро меняются.

Но важно подчеркнуть, что этот процесс не является аналогичным постмодернистской молодежной переходности, о которой говорят зарубежные исследователи. Интерпретируя их позицию, Е.И. Булатова пишет о том, что музыкальные вкусы молодого поколения стали эклектичны, изменчивы, перестали выражаться посредством одежды, прически и прочих атрибутов. Здесь следует не согласиться, особенно это касается провинции. В России до сих пор прослеживается четкое деление по вкусовым предпочтениям с соответствующей визуализацией образа. Сообщества закрыты. Так, сообщество байкеров, имеющих также целую систему правил, запретов, представлений о должном, весьма неласково встретило молодого человека на мопеде, решившего присоединиться к ним на официальном выезде. Или если вчерашний гот сегодня примкнет к эмо, а завтра к скинхедам, то не думается, что он будет иметь доверие и уважение этих групп.

¹ Булатова Е.И. Концептуализация молодежной социальности в постсубкультурных исследованиях: теория «новых племен» // Обсерватория культуры. 2015. № 2. С. 26.

Не отрицая процессы глобализации и мультикультурализма, стремление к национальной, этнической, субкультурной идентичности сохраняется. Человек, когда рождается и делает первые попытки графического изображения, использует точки и линии, как средство обозначения своего присутствия, он хочет «застолбить» свое присутствие в этом мире, на листе бумаги.

Здесь уместно снова вернуться к теме границы («столб»), ее этимологической основе. Д. Шеппинг указывает на следующую трансформацию: «Домовой гений семейного очага, дедушка Чур, или Пращур (пан-чур), переходит в пограничный столб (чурбан)...»¹. По сути ребенок не только фиксирует себя, но и проводит границу, он не растворяется в этом мире.

Отсутствие такой привязки, неустойчивость, вечная подвижность, думается, есть шаг к назреванию постмодернистского кризиса. Человек вхож в любую компанию, ему доступно для ознакомления любое направление культуры — музыкальной, танцевальной. Но стремление (вернее, привычка) идти дальше не позволяет узнать ее лучше. Так формируется постмодернистское многопсевдознание, когда человек лишь только знаком с предметом разговора, но самостоятельно выразить свою точку зрения, мнение он не может.

Отсутствие привязанности создает иллюзию вечности такого состояния. Это создает многие проблемы, в числе которых осознанное безбрачие, детоотвержение.

Дети мешают свободной переходности.

Думается, в отношении российской молодежи преждевременно отвергать субкультурную концепцию; кроме того, теория племен, неоплемен отбрасывает человечество в прямом смысле на несколько тысячелетий назад, когда общество было разобщено, а значит незащищено, слабо. Когда каждый сам по себе, находится в болезненном броуновском движении, это свидетельствует о назревающем кризисе общества. Объединение молодежи по предпочтениям в какой-то мере сплачивает общество, понимая при этом обязательно тот факт, что субкультура – это не контркультура.

В большей степени теория неоплемен соответствует концепции рецидивной культуры Д.В. Сергеева, о которой кратко было сказано выше. Она есть осознанный путь к разрушению, к регрессу.

К слову следует заметить, что в процессе доказательства плодотворности именно субкультурной модели детства мной было спроектировано и исследовано всего пять моделей, среди которых значи-

¹ Шеппинг Д. Мифы славянского язычества. Екатеринбург; Москва: У-Фактория; АСТ, 2008. С. 278.

лись: пространство детства, субойкумена детства, дети как этнос, детство как культурное гнездо и субкультура детства¹.

Интересно отметить, что в процессе анализа третьей модели (дети как этнос) я даже не учитывала категорию «племя». Анализу подвергались: нация, этнос, суперэтнос, субэтнос. При этом был сделан вывод, что применительно к детям нельзя говорить о суперэтносе и нации, тогда как в качестве этноса дети выступать могут, а его подчиненная часть – субэтнос – также может существовать. Необходимо подчеркнуть, что этнос будет интерпретироваться как сообщество детей, обладающих общим самосознанием, картиной мира, традициями и пр. Как можно видеть, и здесь важным является нечто постоянное, фиксированное – традиция, уклад.

Возрастные субкультуры, как и другие виды субкультур, имеют четкие границы. Субкультуры детей и взрослых также четко отделены друг от друга, но следует подчеркнуть: между этими социокультурными образованиями имеет место диалог.

В исследованиях последних лет стали особенно часто говорить о фронтире, как некоей границе, вернее, пограничной территории между двумя культурами. В отношении Америки, как правило, в качестве примера приводят Дикий Запад, а России – Сибирь.

Это черта между освоенной и неосвоенной территорией. Касательно детства следует сказать, что данный феномен до сих мало изучен, хотя и написано большое количество работ по указанному вопросу.

Возможно ли говорить о фронтире в контексте субкультурных моделей, правомерность существования которых была доказана выше?

Начало изучению данного концепта положил Ф. Тернер в работе «Фронтир в американской истории»². Интересно, что Дикий Запад – фронтир – он рассматривал как место встречи цивилизации и дикости. Метафорично так можно сказать о взрослых и детях, взрослой субкультуре и субкультуре детства. Но что будет местом контакта?

Фронтиром субкультурных моделей выступают социальные институты: семья, школа, церковь, различные учреждения дополнительного образования и пр. Сущность концепта предполагает, что на данной нейтральной территории субъект (ребенок) готов к открытиям, изменениям, он нацелен на восприятие, усвоение информации, которую может в дальнейшем использовать. Здесь принимается во

¹ См.: Суворкина Е.Н. Морфология субкультуры детства: культурологический анализ. Рязань: Изд-во РГУ имени С.А. Есенина, 2016. С. 40-55.

² Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.

внимание своеобразие носителей детской культуры, ее ценность и уникальность. Это во многом определяет специфику, характер подходов, методов обучения, воспитания. Существование фронта возможно только, если каждая из сторон будет уважать друг друга, ее традиции, культуру, если будет диалог.

А одной из ранних форм социального института, который был свойственен родовому строю, можно считать «мужские дома». В.Я. Пропп выдвигает предположение, что это были обособленные территории (культурные фронтиры – С.Е.), на которые приходили жить юноши, достигшие половой зрелости, но еще не создавшие новой семьи¹.

Таким образом, постмодернистская концепция, отвергающая в зарубежных исследованиях в отношении молодежи субкультурную парадигму, в отношении мира детства к настоящему времени в контексте российской социокультурной ситуации не нашла достаточных оснований, в следствие чего субкультурная модель детства по-прежнему принимается как одна из наиболее плодотворных. Теория «неоплемен» в большей степени есть выражение концепции рецидивной культуры. Наличие четких границ субкультурной модели позволяет говорить и о фронтире. Фронтиром субкультурных моделей (взрослая субкультура и субкультура детства) выступают социальные институты.

Библиография

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства. М.: ПЕР СЭ, 2008. 431 с.
2. Булатова Е.И. Концептуализация молодежной социальности в постсубкультурных исследованиях: теория «новых племен» // Обсерватория культуры. 2015. № 2. С. 24-28.
3. Дементьева И.Ф. Факторы риска современного детства // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 108-114.
4. Ильин А.Н. Массовая культура и субкультуры современного общества: специфика соотношения // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 167-175.
5. Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. 336 с.
6. Носкова А.В. Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 60-71.
7. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2010. 368 с.

¹ См.: Пропп П.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 112-116.

8. Пропп П.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.

9. Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 49-60.

10. Салмина А.А. Социальные запросы россиян к государству: факторы формирования и межстрановые сравнения // Мир России. 2012. Т. 21. № 3. С. 133-164.

11. Сергеев Д.В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир России. 2012. Т. 21. № 3. С. 100-118.

12. Сиземская И.Н. Социокультурное пространство России: реалии и перспективы // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 20-28.

13. Суворкина Е.Н. Морфология субкультуры детства: культурологический анализ. Рязань: Изд-во РГУ имени С.А. Есенина, 2016. 172 с.

14. Тарко А.М. Анализ развития России. Динамика демографических и технологических параметров // Свободная мысль. 2012. № 5-6. С. 157-175.

15. Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.

16. Тюрина И.Ю. Образ жизни семьи — основа формирования культуры здоровья ребенка // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 6. С. 343-349.

17. Храпылина Л.П., Косенко О.Ю. Экономика и управление в сфере специальных социальных услуг населению. М.: РАГС, 2009. 130 с.

18. Шеппинг Д. Мифы славянского язычества. Екатеринбург; Москва: У-Фактория: АСТ, 2008. 301 с.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

*НАЗАРОВА Регина Константиновна,
аспирант кафедры «Политология, история
и социальные технологии» Московского
государственного университета путей
сообщения (МИИТ) Императора Николая II
regina-nazarova@rambler.ru*

Патриотическое воспитание молодежи в вузе как одна из форм государственной молодежной политики/ Patriotic education of young people at University as one of forms of the state youth policy

Аннотация

Статья посвящена реализации государственной молодежной политики посредством развития студенческого самоуправления. Проанализированы формы патриотического воспитания молодежи в высшем учебном заведении с детальным рассмотрением работы Студенческого совета в аспекте реализации социальной политики вуза.

Ключевые слова

Молодежь; патриотизм; молодежная политика; государство; студенческий совет.

Abstract

This article is devoted to realization of the state youth policy by means of development of students' self-government. Forms of patriotic education of young people at University are analyzed with detailed review of Student council work in aspect of social policy realization.

Keywords

Youth; patriotism; youth policy; State; student council.

Государственная молодежная политика – направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене¹.

Молодежная политика реализует много задач, и предметом этой статьи является создание необходимых условий для развития трудового, духовно-нравственного и интеллектуально-творческого потенциалов молодежи. Патриотическое воспитание, которое имеет огромное значение в социальном и духовном развитии человека, выступает составным элементом его мировоззрения, а в случае с молодежью становится приоритетным направлением государственной молодежной политики. Являясь составной частью общего воспитательного процесса, патриотическое воспитание представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти и общественных организаций по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

В молодежной среде немаловажную роль играет студенчество, которое во многом предопределяет перспективы и направления развития общества. Поэтому патриотическое воспитание студенческой молодежи является одной из ключевых задач государства в целом и руководства отдельных регионов и учебных заведений, в частности. На становление гражданственности и патриотизма особое влияние оказывает воспитание у студента личной ответственности за все происходящее в вузе.

Процессы обучения и воспитания в вузе неразделимы. Придать им необходимую эффективность можно лишь действуя целеустремленно и системно, опираясь на лучшие традиции прошлого и постоянный творческий поиск в текущей вузовской жизни.

¹ Основы государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года, утвержденные постановлением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. №2403-р.

Механизмом реализации патриотического воспитания в рамках молодежной политики можно считать работу Студенческого совета.

Студенческий совет в МИИТе был сформирован в 2013г. на основании Федерального закона N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. Работа регламентируется положением «О студенческом совете обучающихся», в котором отражены общие положения, порядок формирования и структура, основные цели и задачи, порядок организации работы и взаимодействие с подразделениями вуза, взаимодействие с администрацией и обеспечение деятельности.

Целью деятельности совета является создание условий для реализации проектов, социально и культурно значимых инициатив молодежных объединений и сообществ, развития студенческого самоуправления.

Работа Студенческого совета направлена на создание благоприятной атмосферы для сочетания академического процесса и досуга обучающихся в университете, а реализуемые проекты ориентированы на мероприятия: научные; образовательные; трудовые; духовные; здорового образа жизни; культурно-массовые; добровольческие; патриотические и др.

На протяжении нескольких лет Студенческому совету МИИТ удалось добиться высоких показателей и реализовать ряд значимых и интересных проектов, такие как: мониторинг точек питания, «День литературы в МИИТ», «МИИТ, на каток», научные конференции, кибер-турниры, спортивные турниры в общежитиях, проект «Галерея памяти», помощь в организации и проведении ежегодных выездов шефско-патриотического отряда в г. Ельня; акции «Зажги свечу»; туристических слетов, торжественных митингов, посвященных Дню Победы; традиционных выездов молодежно-студенческих отрядов на восстановительные работы в Иосифо-Волоцкий монастырь, строительные объекты транспортных компаний и участия в реализации общенационального проекта «Строительство транспортного перехода через Керченский пролив» и мн.др.

Итоги всех мероприятий позволяют с уверенностью отметить, что каждое из них создает в своей основе оптимальные условия для формирования будущего специалиста, не лишённого инициативы, организаторских навыков и способностей, закладывается нравственно-патриотическое начало.

Возрождение утраченных традиций, осознание самобытности, приверженности транспортной отрасли через воспитание нравственно-патриотических чувств студенчества – это приоритет-

ная задача работы Студенческого совета в рамках реализации молодежной политики МИИТ.

Неразрывная связь поколений, сохранение традиций и возврат к истории – все это является неотъемлемой частью патриотического воспитания, а одним из самых значимых мероприятий этого направления стало перезахоронение останков М.И. Хилкова – министра путей сообщения в 1895-1905 годах, внесшего огромный вклад в развитие транспорта Российского государства, являющегося одним из основателей Московского технического училища (нынешний – МГУПС (МИИТ)) в 1896 году. М.И. Хилков является значимой исторической фигурой, выдающейся личностью, при котором протяженность железных дорог России выросла с 35 до 60 тысяч километров, а их грузооборот удвоился. Он организовал работу по сооружению Кругобайкальской железной дороги и строительству Транссибирской магистрали, содействовал развитию водных коммуникаций, заботился о становлении автобусного сообщения в городах, создавал для детей путейцев школы, лицеи и технические училища¹.

Данное событие легло в основу успешной реализации цикла мероприятий, посвященных сохранению памяти и проведению работ по восстановлению захоронений бывших министров путей сообщения и ректоров МГУПС (МИИТ).

На научно-практической конференции «Министр Путей сообщения князь М.И. Хилков на службе у Российского государства: аспекты и грани проблемы», которая проводилась на базе Гуманитарного института МИИТ представителями Октябрьской железной дороги, была принята петиция, в которой предлагалось провести работы по восстановлению истинного места захоронения, склепа и семейной церкви министра путей сообщения, т.к. в 1976 году через территорию кладбища была проложена асфальтированная дорога к животноводческому комплексу колхоза им. Чудова. Данная инициатива была поддержана Студенческим советом МИИТ, комитетом по молодежной политике Октябрьской железной дороги, Советом ветеранов войны и труда ж.д. транспорта России и Центральным музеем железнодорожного транспорта. Студенческим советом была сформирована группа людей, которая занялась исследовательско-аналитической работой с архивными документами, документами, находящимися в открытом доступе в сети Интернет, проводила опросы людей, имеющих отношение к рассматриваемой проблематике. Далее на основании обработанной информации вторая группа студентов выезжала на место, где в их задачу входило найти место захоронения

¹ Чарноцкая Л. П. Железная дорога от А до Я. – М.: Транспорт, 1990. – 208 с.

и отметить его точную геолокацию, а также впоследствии, начертить план-схему прохода к нужной могиле и оценить степень разрушения могилы с целью дальнейшего проведения восстановительных работ и благоустройства территории. Вся полученная информация систематизировалась и заносилась в специальную базу данных.

Дальнейшие активные действия, тесное взаимодействие всех заинтересованных сторон привели к тому, что представленная петиция была одобрена Министром транспорта РФ – М.Ю. Соколовым, и в настоящее время ведутся работы по изменению направления дороги, перезахоронению останков М.И. Хилкова, а также восстановлению семейной церкви и надгробной плиты. 3 августа 2016 г. состоялось торжественное открытие бюста М.И. Хилкова на станции Сонково Тверской области, в котором приняли участие представители Министерства транспорта, Октябрьской железной дороги, руководство и Студенческий совет МИИТ, председатель Совета ветеранов Росавтодор и др.

Таким образом, в процессе реализации данного проекта, молодежь смогла еще раз обратиться к истории нашей страны и своими действиями внести свой собственный вклад в перезахоронение останков М.И. Хилкова, а тем самым создавая историю уже своими руками, отождествляя себя, как часть огромного механизма взаимодействия молодежи и власти, где каждый участник процесса является важным звеном. Тем самым, такой проект формирует у молодого поколения бережное отношение к истории, понимание роли личности в истории своей страны и своего народа, в полной мере развивая патриотизм и гражданскую ответственность.

Одной из форм воспитания, зарекомендовавшей себя на сегодняшний день, является волонтерство или добровольчество, так как помимо личных устремлений человеку нужны общечеловеческие ценности, одним из которых является чувство патриотизма. Это чувство понятное и присущее каждому разумному человеку и, являясь нравственной категорией, неотъемлемой от индивидуальных и гражданских качеств личности позволяет «любить отчизну»¹, ведь без глубокого чувства любви к своей стране нет настоящего гражданина, настоящего человека. Это ценностная категория, которая формируется у молодежи в рамках образовательно-воспитательного процесса.

Волонтерство (добровольчество) – это широкий круг деятельности, в задачи которого входит формирование чувства ответственности, сострадания, воспитание чувства патриотизма, реализация

¹ Даль В.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Астрель АСТ, 2006. – 938 с.

взаимопомощи, гражданское участие, деятельность, которая осуществляется добровольно на благо общественности без расчета на денежное вознаграждение.

В МИИТе на базе Гуманитарного института на протяжении 7 лет сформировано и действует волонтерское движение «Хороший день».

Под руководством дирекции института и студенческого совета студенты-волонтеры осуществляют следующие виды деятельности: курируют два детских дома, приют бездомных животных, осуществляют помощь ветеранам.

В рамках волонтерского движения «Хороший день» реализуется ряд студенческих проектов, наиболее значимыми, из которых являются: проект по оказанию благотворительной помощи воспитанникам детского реабилитационного центра «Согласие» г. Клин и детского дома г. Коломна, детям-сиротам, детям-инвалидам; акция «Мокрые носики», направленная на оказание помощи приюту бездомных животных; акция-поздравление ветеранов ВОВ.

Целью движения является формирование патриотических чувств студентов, воспитание правильной гражданской позиции, развитие позитивного отношения волонтеров-обучающихся к базовым общественным ценностям, овладение ими социально-значимых видов деятельности и накопление ценностно-окрашенного социального опыта.

В процессе волонтерской деятельности студент совершенствуется нравственно, учится общению, взаимодействию, сотрудничеству и гуманности. Так как волонтерская деятельность носит активный и творческий характер, студенческая молодежь получает возможность проявить себя. Волонтерская деятельность помогает сформировать отношение к происходящему вокруг, в том числе в политической жизни, выработать активную гражданскую позицию.

Создание и функционирование волонтерского движения на базе Гуманитарного института Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II отражает принятую благотворительную деятельность ОАО «Российские железные дороги», как традиционное направление корпоративной социальной ответственности компании, которая определена президентом ОАО «РЖД» О. В. Белозеровым как имиджевая составляющая, позволяющая упрочить положение компании в государственной системе России¹.

¹ Распоряжение ОАО «РЖД» от 31 декабря 2013 г. N 3011р «О Коллективном договоре открытого акционерного общества «Российские железные дороги» на 2014-2016 годы.

Волонтерство формирует нравственно-патриотическую позицию среди студентов МИИТ, которые в дальнейшем, по большей части, становятся внутренней (корпоративной) целевой аудиторией ОАО «РЖД», поэтому закладывая в студента эти навыки сейчас, формируя дух патриотизма, воспитывая социально-нравственные качества в студентах, мы получаем активного и социально-ответственного гражданина и будущего сотрудника ОАО «РЖД» и транспортной отрасли в целом.

Подводя итог, стоит отметить, что Студенческий совет в своей работе использует механизмы реализации деятельности молодежной политики, что способствует формированию патриотических чувств. На сегодняшний день идея воспитания патриотизма и гражданственности приобрела статус федеральной. Снижение уровня патриотического настроения в обществе, межнациональные проблемы, рост преступности и негативная среда оказывают травмирующее воздействие на молодежь, что приводит к активизации поиска новых подходов в формировании необходимых позиций граждан. Именно поэтому воспитание чувства патриотизма личности сегодня является актуальной социальной и психолого-педагогической проблемой, а также одним из приоритетных направлений молодежной политики вуза и государства.

Библиография

1. Постановление Правительства РФ от 29.11.2014 г. №2403-р «Основы государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 г.»
2. Альманах современных русских государственных деятелей. — СПб. Тип. Исидора Гольдберга, 1897. — С. 186—190.
3. Хилков, Михаил Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.
4. Корпоративная социальная ответственность ОАО «РЖД» // URL: <http://rzd.ru/>.

*ДЕНИСОВА Галина Сергеевна,
д.соц.н., профессор Института истории
и международных отношений Южного
федерального университета
denigs@aaanet.ru*

*ГЛУШКОВА Светлана Алексеевна,
аспирант Института социологии
и регионоведения Южного федерального
университета
s.glushkova023@gmail.com*

Особенности национально-государственной идентичности молодежи южных регионов России: сравнительный анализ/ National-Governmental identity youth features of southern regions of Russia: comparative analysis¹

Аннотация

В статье освещаются результаты пилотного социологического исследования, которое проводилось с целью сравнительного анализа рассматриваемых субъектов: структура социальной идентичности и понимание патриотизма как эмоционально-ценностного наполнения общероссийской идентичности.

Ключевые слова

Социальная идентичность; национально-государственная идентичность; молодежь; моноэтнический регион; полиэтнический регион; патриотизм.

Abstract

The article considers the results of pilot sociological survey, which realized with the aim to do a comparative analysis of the subjects under review: the structure of social identity and understand-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

ing of patriotism as an emotional-axiological filling of All-Russian identity.

Keywords

Social identity; national-governmental identity; youth; monoethnic region; polyethnic region; patriotism.

В современных российских условиях, характеризующихся отчуждением человека от общественно-экономической и политической жизни, различиями в ценностных ориентациях и отсутствием доверия между отдельными социальными группами, принципиальную важность приобретает вопрос формирования и трансформации национально-государственной идентичности молодежи, которая в структуре социальных идентичностей квалифицируется как одна из важнейших. Этот вид идентичности отражает качество общественных связей и отношений, степень сплоченности общества, солидарной мотивации индивидуального и группового поведения молодых граждан. Степень сформированности общероссийской национально-гражданской идентичности выступает залогом гражданской, политической и духовной консолидации народа в единое российское общество.

Стадия формирования национально-государственной идентичности происходит в период юности, когда люди наиболее восприимчивы к социальным изменениям окружающего мира и готовы к новаторству. В современных условиях российского общества именно молодежь выступает основным субъектом формирования и реализации национально-государственной идентичности, являясь динамичной социально-демографической группой и выполняя важную роль носителя инновационных изменений. Именно молодежь является той группой, изучение которой позволяет с определенными допущениями прогнозировать развитие общественного сознания.

Данные факты обусловили актуальность исследования становления национально-государственной идентичности у молодежи южных регионов России. В отечественной социологии в настоящее время сформирована достаточная база по изучению идентичности молодежи. В ряде работ проблематика гражданской идентичности молодежи обозначена на уровне рассмотрения теоретических аспектов социализации молодого поколения, формирования ее идентичности (Ю.Г. Волков, В.П. Воробьев, Г.С. Денисова, В.И. Добреньков, Ю.А. Зубок, А.И. Ковалева, В.И. Чупров)¹, правовой социализации моло-

¹ Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Нечипуренко В.Н., Кадария Ф.Д., Савченко И.П., Шаповалов В.А. Социология молодежи. Ростов н/Д, 2001;

дежи (М.Ю. Попов, П.С. Самыгин, С.И. Сергейчик)¹, ее социальной, в том числе, гражданской активности (С.П. Иваненко, Д.С. Карпухин, А.В. Кострикин, Е.Л. Омельченко, В.И. Скоробогатова)², гражданских и правовых ценностей и установок молодого поколения современной России (К.А. Гордеев, В.И. Кузнецов, Т.А. Панкова, Е.А. Певцова, Ф.Э. Шереги, М.А. Ядова)³.

Среди научных трудов, посвященных молодежи и, в частности, становлению ее идентичности, следует выделить монографию М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги «Молодежь России: социологический портрет»⁴. Данная монография посвящена анализу российской молодежи как объекта социализации и самореализации. В рамках этой работы процесс социализации, самореализации молодежи отождествляется авторами с ее социальной идентичностью, выступающей в качестве индикатора эволюционного или конфликтного вхождения молодого поколения во взрослую жизнь.

Анализ практик конструирования различных аспектов идентичности в сложной поликультурной среде показывает, что они направлены на актуализацию национально-государственных, этнических и религиозных видов. Эти целенаправленные и институционально организованные практики ориентированы, в первую очередь, на учащуюся молодежь. Определение степени эффективности комплексного воздействия практик конструирования идентичности и объективного влияния социокультурной среды на молодежь предполагает выявление структуры идентичности в коллективных представлениях молодежи. Этой проблеме было посвящено пилотное социологическое исследование, которое было проведено среди абитуриентов двух ведущих университетов Юга России (ЮФУ и КБГУ), располо-

Волков Ю.Г., Добренчиков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология. М.:Гардарики. 2000; Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. М., 2010; Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи. М., 2011. Волков Ю.Г. Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. М: Социально-гуманитарные знания. 2006.

¹ Самыгин П.С., Федоров В.В. Правовая социализация российской учащейся молодежи: социологический анализ. М., 2005.

² Скоробогатова В.И. Молодежное движение в России: проблемы развития гражданского общества // Россия на рубеже веков: политические партии и молодежь. М., 2003; Омельченко Е.Л. От пофигистов до прагматиков: поколения молодежной солидарности постперестроечной России // Неприкосновенный запас. 2008. № 5 (61). [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1115/>].

³ Кузнецов В.И. Эволюция ценностных ориентаций российской молодежи в условиях социальной трансформации общества: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. докт. соц. наук. М., 2000.

⁴ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.

женных в разной социокультурной среде – в промышленном, почти моноэтническом городе-миллионнике г. Ростове-на-Дону и в поликультурном, среднем по численности городе Нальчике, расположенном в центре Северного Кавказа. Таким образом, целью данной статьи является сравнительный анализ особенностей национально-государственной идентичности молодежи в двух регионах Юга России – Ростовской области и Кабардино-Балкарии.

Для проведения опроса было построено дерево гипотез, центральной из которых является предположение о том, что структура идентичности молодежи с преимущественно русским населением, проживающем в крупном промышленном центре, будет заметно отличаться от структуры идентичности северокавказской молодежи, проживающей в городской среде, сохраняющей нормы традиционной культуры. В структуре идентичности ростовской молодежи доминирующее место занимает национально-государственная идентичность, в структуре северо-кавказской молодежи – этническая. В опросе участвовали 400 респондентов г.Ростова-на-Дону и 300 респондентов из Нальчика. Все они являются выпускниками школ и абитуриентами ведущих региональных университетов – ЮФУ и КБГУ. В ростовском сегменте 47,6 % составляют юноши, 52,4% – девушки; в сегменте респондентов КБГУ – 59,2 и 40,8 соответственно. В ростовском сегменте по национальности представлены: 67,6% – русские, 3,1 – белорусы, 0,3 – украинцы, представители национальностей Северного Кавказа – 3%, национальностей закавказских республик – 8,1%. Указали вместо национальной (этнической) принадлежности российское гражданство – 4%, не указали национальность – 14%. В сегменте респондентов КБР: балкарцы – 17%, кабардинцы – 48%, русские – 19 %, национальностей других северокавказских республик – 10%, республик Закавказья – 3%, не указали национальной принадлежности – 3%.

Задачи исследования включали сравнительный анализ в двух рассматриваемых субъектах по структуре социальной идентичности (личностной, этнической, национально-государственной) и понимания патриотизма как эмоционально-ценностного наполнения национально-государственной (общероссийской) идентичности.

Социальный аспект идентичности личности связан с соотношением индивида своей позиции с определенными социальными группами, что создает возможность для самоопределения в обществе. В инструментарии опроса респондентам было предложено выбрать не более 3 значимых групп, к которыми они себя причисляют в первую очередь. В целом по массиву доминирующими группами стали: «граждане России» (47,1 %), поколенческая группа (40 %), жители

Юга России (29,3%). Динамику роста российской идентичности («граждане России») в целом по стране за последнее десятилетие отмечает Институт социологии РАН. В частности, ученые указывают, что в 2004 г. «россиянами называли себя 78% опрошенных, а сильную связь с Россией (часто чувствовали себя россиянами) – 31%». В 2011 г. идентифицируют себя с гражданами России 95%, из них ощущают сильную связь с гражданами России – 72%¹. Вместе с тем, выявление позиции молодежи и сравнение результатов по регионам опроса показали существенные различия. Так, для ростовской молодежи первые три места заняли указанные выше позиции, но для молодежи Кабардино-Балкарии первое место заняла региональная идентичность, при этом – не республиканская, а более широкая, северокавказская в целом. На втором месте – принадлежность к российской нации; немного ей уступает этническая идентичность².

Следует отметить разницу в интенсивности этих показателей: российскую идентичность среди ростовской молодежи выбрали 49,5%, а среди молодежи Кабардино-Балкарии – 39,4%. Интересно также и то, что конструируемая с 60-х годов XX в. северокавказская идентичность на Юге России (в состав Северо-Кавказского социально-экономического региона входили до 2000 г. все республики, Краснодарский край, Ростовская область и Ставропольский край) в сознании ростовских выпускников школ уже утратила значимость³. У молодежи Кабардино-Балкарии, напротив, северокавказская идентичность имеет лидирующую позицию и опережает приверженность к российскому политическому или республиканскому сообществам. Следует отметить также, что в подмассиве ростовской молодежи более четко выражены достигательные статусные позиции – ориентация на поколенческие интересы (41%), профессию (26%), личностную индивидуальность («сам по себе...» – 11,9%). В то время, как традиционные коллективные идентичности – этничность, вероисповедание, поселенческая общность, – являются не очень значимыми. Для молодежи КБР, напротив, большее значение

¹ Горшков М.К., Крумм Р., Петухов В.В., Бызов Л.Г. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2011.

² Социологическое исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

³ Г.С. Денисова, Л.В. Клименко Южно-российская идентичность: упущенная возможность интеграции мультикультурного региона // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – Ростов н/Д, 2011. – № 6.

имеют традиционные коллективные идентичности. Так, приверженность этнической общине выразили 35,4%, единоверцам – 25,3%, локальному (республиканскому) сообществу – 24,2%. На этом фоне достижительные группы (профессия, успешность политические ориентации) оказались менее значимы.

Социально-территориальный компонент идентичности измерялся при сравнении приверженности «месту» (населенный пункт – регион – страна, Россия) и общности (этническая общность – полиэтничный российский народ). Эти параметры являются доминирующими для конструирования национально-государственной идентичности. При этом большой интерес вызывает сравнение привязанности (ощущение сильной и довольно сильной связи) с локальной (поселенческой) и страновой территорией.

Для измерения восприятия идентификационных привязанностей по этим четырем позициям, которые еще в первой половине 2000 г. воспринимались как альтернативные, была выбрана пятибалльная шкала, где 5 баллов – очень сильная связь, 1 балл – нет ощущения связи.

Сравнение ответов молодежи Ростовской области и Кабардино-Балкарии не только подтверждает большую значимость локальных идентичностей для молодежи КБР и большую выраженность общероссийских параметров идентификации у молодежи Ростовской области, но и показывает интенсивность этих привязанностей. Ощущение сильной привязанности к локальной территории молодежь КБР испытывает примерно на 20 пунктов выше, чем молодежь Ростовской области. При этом сильную привязанность с российским народом ростовская молодежь испытывает примерно на 30 пунктов выше, чем молодежь КБР. Такое соотношение фиксировалось и в исследовании 2012 г., которое проводилось Распределенным научным центром (Научный руководитель, академик В.А. Тишков). Так, две трети опрошенных студентов Ростовской области ассоциировали понятие «Родины» с Россией и только 13,7% – с регионом проживания (Ростовской областью) и 9,2% – с городом (локальным сообществом)¹. Понятие «Родина» в восприятии студенчества КБР больше ассоциировалось с республикой (77%), чем с Россией (56,5%) или с локальным поселением (37,4%)².

Этническая идентичность, которая в предшествующие два десятилетия рассматривалась как альтернатива общероссийской идентичности, тоже изменила позицию в идентификационном профиле

¹ Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2014.

² Там же. С. 190.

молодежи. Эмпирические данные показывают, что в начале второго десятилетия XXI в. отношение к собственной этнической принадлежности среди русских в русских регионах (например, в Ростовской области) приобрело позитивный характер. Так, при опросе в г. Ростове-на-Дону 71,7% респондентов выделили позицию «Я горжусь своей национальностью», среди жителей сельских районов области этот выбор еще более высок – 82–86%. Опрос 2016 г. подтвердил высокую привязанность молодежи к этнической общности: в совокупности 77,9% респондентов Ростовской области указали на то, что они чувствуют «очень сильную» и «довольно сильную» связь с этнической общностью (русскими). В 90-е годы этническая идентичность среди русского населения в территориях с преимущественно русским населением не имела столь высокого статуса.

Тем не менее, в структуре коллективной идентичности у ростовского сегмента опрошенных этническая идентичность занимала менее значимую позицию, чем общероссийская. Для молодежи северокавказских республик эта иерархия имеет противоположное соотношение.

Иными словами, в представлениях молодежи КБР этническая идентичность доминирует у 59,1% (совокупность двух первых ответов), в представлениях молодежи Ростовской области – у 23,8%. В равной степени этническая и общероссийская идентичность представлена почти у 40% ростовских респондентов, и только у 22,6% респондентов КБР.

С различием в уровне приверженности российской идентичности коррелирует разное эмоциональное отношение молодежи выделенных регионов к собственной «паспортной» гражданственности. Молодежь Ростовской области, которая выказала высокую приверженность российской идентичности (у 59,1% респондентов она доминирует, и еще у 12,1% – это основная идентичность) демонстрирует также и гордость собственной гражданственностью: 41,8% отметили, что «очень гордятся» тем, что являются гражданином России, и еще 38,9% указали позицию – «в какой-то мере горжусь». Молодежь КБР, 40,9% респондентов которой выбрали российскую идентичность как наиболее значимую, заметно меньше гордятся своим гражданством. Так, позицию «очень горжусь тем, что являюсь гражданином России» указали 29,2%, и еще 29,2% – «в какой-то мере горжусь». Негативная коннотация ответов («не очень горжусь» и «совсем не горжусь») собрала в КБР 34,4%, в Ростовской области – 13%.

Можно предположить, что такое различие структуры коллективной идентичности в сознании молодежи двух рассматриваемых регионов объясняется различной ролью русской культуры в социа-

лизации: она оказывает меньшее влияние на молодежь КБР, что отмечают сами опрошенные. Так, при ответе на вопрос о факторах интеграции народов России, позиции молодежи двух рассматриваемых регионов совпали при выделении «внешних» факторов – общей территории проживания и общему образу жизни.

Эти факторы можно рассматривать как предзаданные для деятельности субъектов современного общества, в этом смысле они «внешние». Эти две позиции в совокупности определяют близость исторической судьбы народов, роль которой высоко (хотя и по-разному) оценивается респондентами двух регионов. Некоторую конкретизацию в понимании общности исторической судьбы дает предшествующее исследование (2012 г.). Молодежь выделяла российских исторических деятелей прошлого и настоящего, которые в наибольшей степени способствовали осуществлению массовых народных ожиданий. В рассматриваемых регионах была выделена примерно одинаковая иерархия сильных государственных правителей, первое место среди которых занимает Петр I. Такие приоритеты молодежи дали возможность авторам интерпретировать их выбор как предпочтение правителя, «нацеленного на достижение общенациональных интересов»¹. В инструментарии опроса 2016 г. был использован этот вопрос в некоторой модификации: «Назовите имена трех исторических персон, с которыми у Вас ассоциируется Россия». Иерархия повторилась: Петр I, Путин, Пушкин. Исключение составила фигура Ивана Грозного, к которому в Кабардино-Балкарии особенное отношение, т.к. он вступил в династический брак с дочерью кабардинского князя Темрюка (в крещении – Мария Темрюковна).

В оценке роли всех остальных факторов интеграции, которые выражают культурные характеристики, молодежь расходится: значимые факторы для русской молодежи (респонденты РО) являются не столь значимыми для молодежи КБР. Видимо, это объясняется переоценкой русской молодежью интегрирующей роли русской культуры. Вместе с тем, значимый для кабардино-балкарской молодежи интегрирующий фактор – религия, – оказался не столь важным для молодежи Ростовской области. В качестве причины недооценки молодежью Кабардино-Балкарии степени общности культур народов России и интегрирующей роли русской культуры можно указать небогатый опыт знакомства молодежи с регионами России. Так, для молодежи этой республики, кроме соседних северо-кавказских республик, «наиболее посещаемым оказались три региона: Краснодар-

¹ Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2014. С. 187.

ский край – 39,4%, Ставропольский край – 28,7%, Москва – 22,3%»¹. В то время как ростовская молодежь активно осваивает разные регионы России, включая также и республики Северного Кавказа².

Значимым фактором, тормозящим усиление межкультурной интеграции, является сохранение фоновой напряженности в сфере межэтнических отношений. Только 21,4% ростовских респондентов и 38,5% респондентов КБР указали на то, что в их регионах не бывает столкновений на почве национальной (этнической) неприязни. Напротив, на то, что часто и постоянно происходят такие конфликтные ситуации указали около 20% опрошенных в Ростовской области и 22% – в КБР. Хотя, например, в Ростовской области каких-либо открытых конфликтов такого рода не отмечается с 2012 г. В оценке примерно половины молодежи (44,8% в РО и 66% в КБР) этническая принадлежность не оказывает влияния на их отношение к другому человеку. Вместе с тем, около 20% опрошенных указали на то, что в настоящее время они постоянно (2% в РО и 11,5% в КБР) или изредка (16,6% и 17,7% соответственно) испытывают ущемление своих прав из-за национальной принадлежности.

Для выявления представлений о желаемом типе организации России как государства, обладающего сложным этнокультурным составом населения, респондентам был предложен комплекс суждений, описывающих принципы этой организации. Степень поддержки этих утверждений показывает, что приоритет отдается солидарным взаимодействиям народов на основе принципов диалога и сотрудничества равноправных сторон. При этом ресурсом укрепления межэтнических отношений в глазах молодежи выступают межэтнические браки. Принципы национально-территориальной замкнутости и политического доминирования той или иной этнической группы (народа) в административно-территориальных субъектах РФ находят значительно меньше поддержки. Хотя их достаточная распространенность среди молодежи, особенно в республике, выступает основанием для беспокойства и активной работы в этом направлении институтов социализации молодежи.

Эмоционально-чувственное отношение к российской общности формируется средством культивирования чувства патриотизма. Его объектом может выступать государство и историко-культурная общность – народ в совокупности с территорией развития культуры, которая определяется как Родина. Ряд исследователей утвержда-

¹ Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2014. С. 192.

² Там же. С. 186.

ют, что молодежь «разводит понятия «Родина» и «государство». Патриотизм обращен к Родине, стране рождения, но не к государству». Исходя из этого тезиса, в шкалу ответов в инструментарии было заложено отношение к государству и к Родине, представленной духовной общностью народа, выраженной в культуре.

Собранный материал показывает совпадение в целом понимания патриотизма молодежью двух этнокультурных регионов. Доминирующую позицию занимает расшифровка патриотизма как подвига, «готовности к самопожертвованию для защиты государства». Несколько меньшую группу собрала позиция «бескорыстной любви и служения государству», ориентирующая на долгосрочность. При этом отметим характерную современной молодежи неготовность ставить интересы государства выше своих собственных, участвовать в политике или занимать критическую позицию по отношению к власти. Все эти характеристики не ассоциируются у молодежи с патриотизмом. Понимание патриотизма как чувство любви, подвига мало связано в представлениях молодежи с гражданской позицией и повседневной невоенной деятельностью.

Следует отметить также, что третья часть опрошенных связывают патриотизм с любовью к культуре, т.е. духовному наполнению социально-территориальной общности (Родине). Культура как объект патриотического чувства больше рассматривается молодежью КБР, чем молодежью Ростовской области.

В условиях современной дискуссии относительно природы патриотизма и его использовании для мобилизации общества, которая идет в российском обществе, представляет интерес также позиции молодежи относительно различных интерпретаций патриотизма. Половина опрошенной молодежи воспринимает патриотизм как значимую норму, регулирующую современную социальную жизнь, укорененную в глубинных пластах социальных чувств. Значительная часть молодежи понимает инструментальный ресурс этого чувства, но видит не только негативно-манипулятивные риски его использования, но и позитивную его направленность. В частности, четвертая часть респондентов обоих регионов считает, что государство культивирует патриотизм с целью привлечения молодежи к службе в армии; около 30% – для вовлечения молодежи в общественно-полезный труд; примерно столько же (около 27%) – для поддержки государственной политики и первых лиц государства. Но наибольшее количество – около 60% – считают, что патриотизм формируется для «укрепления единства и общности людей в стране». При этом данную позицию поддержали 66,7% в Ростовской области и 36,5% – в Кабардино-Балкарии.

Одно из актуальных направлений современной внутренней политики России – обеспечение культурной интеграции и солидарности народов – также требует общественной оценки с точки зрения достигнутого уровня, восприятия этой деятельности как предмета гордости или озабоченности. Выявленная позитивная оценка этой сферы деятельности со стороны молодежи двух рассматриваемых регионов не достаточно высока – как предмет гордости ее отметили только 16,3% респондентов ростовского сегмента и 35,7% – в сегменте КБР.

Выделенные факторы социокультурной среды таких регионов, как Ростовская область и Кабардино-Балкарская Республика, бесспорно, оказывают существенное влияние на формирование социальной идентичности молодежи. В итоге ориентации национально-государственной идентичности в достаточно четкой форме проявляются в русском (ростовском) сегменте опрошенных. При этом в русском сегменте четко проявляется также и этнокультурная идентичность, но она занимает вторичную позицию. Среди северокавказской молодежи доминирует этнокультурная и макрорегиональная (северокавказская, а не республиканская) идентичность, а национально-государственная (общероссийская) идентичность занимает вторичную позицию.

Среди факторов торможения успешного конструирования общероссийской идентичности, особенно в северокавказских регионах, были обнаружены сохранившиеся стереотипы конфликтных межэтнических взаимодействий и социального недоверия к представителям других этнокультурных общин; а также недостаточное присутствие российской культуры (истории, литературы, искусства) в повседневных социальных практиках. Этот дефицит объясняется произошедшим в постсоветский период значительным сокращением русского сегмента населения в северокавказских республиках, а также созданием Северо-Кавказского федерального округа, который выделил северокавказские народы и республики в отдельный макрорегион. Но, тем не менее, основное большинство молодежи в рассматриваемых регионах выступает за сохранение этнокультурного своеобразия и равноправия народов России, взаимодействия между которыми должны строиться на принципах диалога и сотрудничества.

Библиография

1. Волков Ю.Г., Добренков В.И., Нечипуренко В.Н., Кадария Ф.Д., Савченко И.П., Шаповалов В.А. Социология молодежи. Ростов н/Д, 2001.

2. Волков Ю.Г. Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. М: Социально-гуманитарные знания, 2006.

3. Волков Ю.Г., Добренев В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология. М.:Гардарика. 2000.

4. Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. М., 2010.

5. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: упущенная возможность интеграции мультикультурного региона// Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – Ростов н/Д, 2011. – № 6.

6. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи. М., 2011.

7. Самыгин П.С., Федоров В.В. Правовая социализация российской учащейся молодежи: социологический анализ. М., 2005.

8. Скоробогатова В.И. Молодежное движение в России: проблемы развития гражданского общества // Россия на рубеже веков: политические партии и молодежь. М., 2003.

9. Омельченко Е.Л. От пофигистов до прагматиков: поколения молодежной солидарности постперестроечной России // Неприкосновенный запас. 2008. № 5 (61). [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1115/>].

10. Кузнецов В.И. Эволюция ценностных ориентаций российской молодежи в условиях социальной трансформации общества: Автореф. дис. насоиск. уч. ст. докт. соц. наук. М., 2000.

11. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.

12. Горшков М.К., Крумм Р., Петухов В.В., Бызов Л.Г. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2011.

13. Социологическое исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

14. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2014.

АСПЕКТЫ

*КОЧЕТКОВ Егор Евгеньевич,
к.полит.н., доцент кафедры «Политология,
история и социальные технологии»
Московского государственного университета
путей сообщения (МИИТ)
Императора Николая II
info@журналпоиск.рф*

*КОРШУНОВ Георгий Владимирович,
проректор по внешним связям
ФГБ ОУ ВО «Ухтинский государственный
технический университет»
info@журналпоиск.рф*

Состояние научной разработанности понятия асимметричного федерализма в отечественной и зарубежной литературе/ State of asymmetrical federalism scientific concepts' elaborate in domestic and foreign literature

Аннотация

Данная статья представляет собой анализ уровня научной разработанности темы асимметричного федерализма в политологической науке – как отечественной, так и зарубежной. Отсутствие единого универсального подхода к феномену асимметричного федерализма по отдельным странам и регионам обуславливает научный и практический интерес к изучению причин и следствий образования такой формы современного федерализма и поиск связанного с ней оптимального формата политического взаимодействия.

Ключевые слова

Федерализм; асимметричный федерализм; политическая наука; территориально-политическое устройство государства; федеративная система; адаптация.

Abstract

This article is an analysis of the level of asymmetrical federalism topics' scientific elaboration in political science – both domestic and foreign. The absence of overall universal approach to the phenomenon of asymmetrical federalism for individual countries and regions leads to scientific and practical interest to the study of the causes and consequences of this form of modern federalism education and search of associated optimal format of political interaction.

Keywords

Federalism; asymmetrical federalism; political science; territorial and political structure of the state; the federal system; adaptation.

В течение последних десятилетий в самых разных регионах мира происходят значимые политические изменения, обусловленные пересмотром представлений о государственном устройстве. Так, на рубеже 80-90-х годов, после расформирования коммунистического лагеря, современная политология стала понимать процесс ограничения сферы авторитарной централизованной власти как своего рода глобальное явление, способное изменить политический облик стран мира. Принимая во внимание противоречивые тенденции общественно-политического развития во многих государствах, сегодня утверждение демократических форм правления уже рассматривается политической теорией как обязательная эволюция любого общества, считающего себя цивилизованным.

Комплексный анализ различных аспектов данного феномена на протяжении последних десятилетий объединяет усилия целого ряда ученых-обществоведов. Проведенные ими многочисленные исследования создали научную базу для формулирования некоторых концептуальных обобщений касательно тенденций и динамики трансформаций на уровне стран и регионов, осознания руководством государств сути и целей политических преобразований, а также поиска наиболее эффективных механизмов решения политико-институциональных проблем.

Бурные политические процессы 1980-х–1990-х гг., которые способствовали трансформации политических институтов во многих странах, существенно различались по уровню развития и характеру задач, стоящих перед обществом и отдельными государствами (Россией, другими странами СНГ, странами Восточной Европы, государствами Западной Европы и т.д.), но заставили на более глубоком уровне, с научной точки зрения проанализировать характер движущих сил и роль ключевых акторов этих институциональных сдвигов. В ряду важнейших факторов трансформации и развития современных политических институтов – изменения в общественном и национальном сознании, вызванные, в свою очередь, серьезными изменениями идеологической, политической, социальной, экономической парадигм как в мировом масштабе, так и внутри отдельных государств.

Одним из важнейших аспектов нынешнего феномена общественных трансформаций является изменение представлений о характере государственного устройства, его территориально-политической организации и функционировании политических институтов национального и субнационального уровня. Особенно значительной модернизации в последние десятилетия подверглась такая форма государственного устройства, как федерация. Причем значительное расширение спектра влияния федерализма произошло именно в последнее десятилетие XX в.

Важно отметить, что федерализм в любой его форме, особенно асимметричной, нельзя считать «самоподдерживающимся» порядком, так как для его самосохранения и развития требуется соблюдение определенных рамочных условий всеми участниками, то есть необходимость в определенных усилиях по адаптации региональных различий. Кроме того, причины создания федерации не всегда совпадают с условиями ее поддержания и развития, о чем свидетельствует опыт многих стран.

Однако отсутствие единого универсального подхода к феномену асимметричного федерализма и факторов его адаптации по отдельным регионам и временным периодам поднимает вопрос относительно источников таких трансформаций, которые важны для анализа динамики и стабильности федеративных или квазифедеративных систем и тем самым актуализирует научные изыскания в данной сфере.

Особую остроту и актуальность эти проблемы приобретают для современной России – наиболее крупного по географическому масштабу государства мира, вбирающему в себя крайне контрастные по уровню стартовых условий и текущего развития регионы и при этом,

в силу целого ряда исторических факторов, населенные неоднородными в социальном, национальном, этническом, конфессиональном и прочих отношениях группами. Очевидно, что от того, насколько рациональным и адаптивным будет территориально-политическое устройство РФ сегодня, в условиях политического кризиса и иных негативных явлений в мировом континууме, а также в обозримом будущем, зависит развитие РФ как суверенного государства, авторитетного актора международных отношений.

Вышеизложенное делает анализ идейно-теоретических основ асимметричного федерализма, исторических предпосылок его возникновения, основных векторов его эволюции и потенциальных институциональных отклонений от идеи федерализма как формы территориально-политического государственного устройства, практика официального декларирования и реализации которого насчитывает в России порядка столетия, чрезвычайно актуальным. Кроме того, данная проблематика представляет особый интерес для политической науки ввиду того, что актуализация темы федерализма и, в частности, асимметричного федерализма позволяет задействовать в рамках политологии достаточно широкий круг исследовательских парадигм, а также применять разнообразный теоретико-методологический инструментарий с учетом междисциплинарного характера предмета исследования.

В рамках данной исследовательской задачи подчеркнем, что политическая наука испытывает сегодня некоторый дефицит работ, относящихся к теме федерализма с позиции его историко-институциональной эволюции и выявляющих его соответствующие институциональные характеристики, до сих пор существует недостаток комплексного исследования концептуально-теоретических основ федерализма как политического института. Тем более значимыми представляются отдельные работы отечественных и зарубежных ученых, затрагивающие проблемы федерализма и особенно – асимметричного федерализма, представляющего огромный, на наш взгляд, еще не раскрытый исследовательский потенциал.

Общие и специальные исследования специфики федеративных отношений и обуславливающей их региональной политики наряду с предпосылками и направлениями развития региональных политических процессов в России как в прошлом, так и в настоящем, равно как и попытки прогнозирования рассматриваемых общественно-политических феноменов в краткосрочной и долгосрочной перспективе, проводились такими зарубежными учеными – представителями различных научных отраслей – как С. Козн, Дж. Армстронг,

Д. Горовитц, У. Коннор, Т. Герр, Дж. Каутски, М. Кокс, Дж. Ротшильд, У. Лакер, Дж. Хоу, Д. Орловски, Б. Рубин и др.

Анализу различных аспектов становления и развития федерализма в России, его содержания и сущностных признаков посвящены труды Р.Г. Абдулатипова, Л.Ф. Болтенковой, И.А. Умновой, Г.В. Атаманчука, Иванова, И.А. С.Д. Валентея, И.В. Пчелинцевой, А.Ю. Мордовцева, Б.С. Эбзеева, В.Н. Лысенко, В. Конюховой, Л.М. Карапетяна, Д. Элазара, А.А. Мацнева, Б.П. Елисеева, А.В. Федякина, В.А. Михайлова, С.А. Авакьяна, М.В. Столярова, Р.Ф. Туровского и других авторов.

Вопросам институционально-правового развития федеративных отношений на региональном уровне, проблемам регионализма и регионализации, подразумевающим многоуровневость федерализации, посвящены работы В.В. Гайдука, Н.М. Беленко, Т.В. Нечаевой, А.Н. Швецова, Л.В. Смирнягина, В.Н. Лексина, Н.П. Медведева, В.Е. Чиркина и других ученых.

Проблемы этнонационального аспекта федеративных отношений, затрагивающие вопросы этнокультурного самоопределения наряду с языковыми особенностями и государственной национальной политикой в целом затрагиваются в трудах Р.Г. Абдулатипова, К.В. Калининой, Л.М. Дробижевой, М.Х. Фарукшина, В.Ю. Зорина, В.А. Тишкова и др.

Вместе с тем, при всем значительном научном потенциале, накопленном в процессе исследования федеративной политики в условиях российской модернизации, в научно-политическом поле остается немало серьезных пробелов. Основная причина этого заключается в том, что отечественная наука зачастую не успевает за стремительным ходом политико-экономических и социальных изменений, наблюдаемых в последние двадцать пять лет и в нашей стране, и в мире в целом. В связи с этим имеет место острая потребность в системном анализе практики федерализма и особенно его асимметричных форм, т.е. не только федерализма в его универсальной, статической структурной форме, но и в динамическом развитии, обусловленном региональной неравномерностью и особенностями общегосударственной стратегии. Особое значение в контексте данной темы имеет продолжение исследования и практической реализации региональных программ Правительства РФ, поскольку от их наличия, эффективной реализации и результативности в жизни регионов в значительной степени зависит общегосударственная стабильность в нашей стране, усиление позиций и межрегионального сотрудничества в рамках федерации. Отдельное внимание без всяких сомнений необходимо уделить роли реализации стратегических

инициатив Президента РФ и правительства по усилению позиций страны в Арктике. Создание опорных зон развития в АЗ РФ – это новый вектор федеральной политики по отношению к целому ряду регионов, который еще необходимо осмыслить и исследовать в ходе дальнейших публикаций.

Что касается целенаправленной разработки исследовательской проблематики асимметричного федерализма, то надо отметить повышение внимания к понятию асимметричного федерализма со стороны научного сообщества именно в последние десятилетия¹. Подавляющая часть споров по данной проблеме, которые ведутся в политической и юридической науке, во многом объясняется разным содержанием, вкладываемым участниками дискуссии в понятия симметрии и асимметрии. В связи с этим четко определились две позиции: позиция тех, кто является сторонником симметрии и противником всякой асимметрии, и позиция тех, кто апеллирует к более взвешенным и дифференцированным оценкам симметрии и асимметрии и обосновывает необходимость их сочетания.

Среди зарубежных ученых, рассматривавших проблему асимметрии федеративной системы, – Ч. Тарлтон, Ч. Тэйлор, Д. Смайли, М. Френкель, Дж. Боас, А. Хайнман-Грюдер, Е. Фрай, Р.-О. Шульце, Р.Е. Петерсон, А. Маллинс, С. Сондерс, А. Гундликс, Н. Шмидт, П. Питерс, Дж. Миксель, Р. Агранофф, Ф. Ребик, А. Гэгнон, Дж. Лемко, Г. Фарбер, У. Свенден и др.

Также в научной среде широко обсуждаются преимущества асимметрии как способа мирного сосуществования малых народов². Однако это направление в литературе в основном нормативное и не базируется на прочном эмпирическом фундаменте, тем более что здесь часто игнорируется проблема политической нестабильности и институциональных изменений.

Кроме того, остается мало исследованной областью вопрос о том, как различия характера и масштабов асимметрии влияют на динамику территориального деления и конституционные изменения в федеративной или квазифедеративной системе. В частности, эта проблема подробно рассматривалась С. Зубером³.

¹ Титова Т.П. Асимметричность конституционной модели российского федерализма. М., 1998. 201 с.; Михайлов Р.В. Асимметричность федеративного устройства Российской Федерации: (Политико-правовые аспекты): Автореферат диссерт...к.п.н: 23.00.02. М. 1999; Лагутенко Б. Как обустроить «асимметричную» Россию // Независимая газета от 24 октября 2010 г.

² Gagnon A. The Case for Multinational Federalism. Beyond the All-Encompassing Nation. L.: Routledge, 2010.

³ Zuber C. Understanding the Multinational Game: Toward a Theory of Asymmetrical Federalism // Comparative Political studies, Vol. 44, No.5, 2011.

Подчеркнем тот факт, что до сих пор то, как на практике работает асимметрия, особенно в многонациональных государствах, как и последствия конституционных изменений для федераций не были подробно проанализированы в политической науке. В частности, ученые сталкиваются с нехваткой как теоретических, так и глубоких эмпирических исследований динамики процесса конституционных изменений, затрагивающих проблему асимметричного распределения полномочий между составными частями федерации. Основной причиной этого является то, что независимо от различий научных интересов и подходов, области исследования сравнительного федерализма и управления конфликтами, а также оценки региональной устойчивости, почти все авторы делают акцент преимущественно на территориальном факторе, странах, где проживают нации-меньшинства и сильны этнические или националистические движения¹. На протяжении ряда последних лет в политической и экспертной повестке дня все более актуальной становится тема эффективности полномочий и ассиметричного федерализма в условиях «хронологии» развития разграничения полномочий между федерацией, регионами и муниципальным уровнем – и непрерывающийся экспертный и гражданский диалог по необходимости изменения целого ряда позиций с целью наиболее эффективной реализации государственными институтами своих функций.

С точки зрения практики и нормативных оснований, ассиметричный федерализм выступает в качестве инструмента для сохранения внутреннего разнообразия, тем самым удерживая вместе многонациональные сообщества. Благодаря сочетанию легитимности и властных возможностей асимметрия предоставляет национальным меньшинствам доступ к самоуправлению, что позволяет им осуществлять на региональном уровне часть властных полномочий в рамках центральных институтов основной нации. Таким образом, в науке складывается мнение о том, что ассиметричные автономии могут стать реальной альтернативой независимой государственности, что также способствует «гибкости в стремлении к законности и общей политической стабильности федерации»².

Однако многие политологи считают, что ассиметричный федерализм сам по себе имеет «саморазрушительный потенциал», поскольку он побуждает подконтрольные регионы противостоять ключевому институту ассиметрии. Согласно Рональду Л. Уоттсу, в некоторых

р. 1-26.

¹ Jenne E. *Ethnic Bargaining. The Paradox of Minority Empowerment*. Ithaca: Cornell University Press, 2007.

² Burgess M. Gress F. *Symmetry and Asymmetry Revisited*, in R. Agranoff (ed.), *Accommodating Diversity: Asymmetry in Federal States*, 1999, p.53.

странах «асимметричное устройство или недовольство такой ситуацией провоцирует расшатывание механизма симметрии», – то, что называют догоняющей асимметрией¹.

Многонациональные государства являются результатом объединения разных народов с традиционными местами проживания в единое государство. Как следствие, они сталкиваются с проблемой адаптации национальных меньшинств, которая выражается в претензиях культурных групп на самоопределение по территориальному признаку. Многонациональные федеративные системы удовлетворяют эти претензии через институт асимметричной автономии. Национальным меньшинствам предоставляется особая (т.е. асимметричная) автономия для их самореализации на региональном уровне, которую доминирующая группа использует уже на государственном уровне – как самоопределение правящего большинства.

Определенная степень асимметрии свойственна всем, а не только многонациональным федерациям и политическим системам. Регионы различаются в отношении размера, демографических характеристик или климатических условий. Эти географические, культурные, социально-экономические факторы обычно определяются как де-факто и во многом обуславливают политическую асимметрию. Их необходимо дифференцировать от де-юре или конституционной асимметрии, когда конституция по-разному трактует различные субъекты федерации, представляя одним больше самостоятельности, чем другим. Это можно наблюдать не только в полноправных федерациях, таких как Канада, Бельгия, Испания, Индия и Россия, но и в конституционно децентрализованных союзах наподобие Южной Африки и Великобритании.

Хотя теоретические подходы к урегулированию вопросов асимметричного федерализма имеют большую практическую значимость, поскольку они пытаются решить конкретные проблемы, возникающие из-за политического раскола в многонациональном сообществе, который может вылиться в сепаратистские конфликты, академическое понимание динамики, с которой эти механизмы функционируют, до сих пор оставляет много пробелов. В частности, с точки зрения нормативных оснований, ученые, исследующие многонациональные государства, соглашаются с необходимостью установления политической асимметрии, когда центр удовлетворяет требования регионов на самоопределение по территориальному признаку. Однако возможность для асимметричных систем оставаться стабиль-

¹ Watts R.L. Asymmetrical Decentralization: Functional or Dysfunctional? // Indian Journal of Federal Studies, Vol.9, 2004, No.1, P. 20. Available at http://www.jamiahamdard.edu/cfs/jour4-1_1.htm.

ными ставится под сомнение, оставляя открытым вопрос о том, будут ли эти решения адекватными или неоправданными.

После оригинальной теории асимметричного федерализма Тарлтона, сформулированной им в 1960-х годах¹, в науке в этом отношении долго продолжался период затишья. Позже ряд ученых внесли свой вклад в эту проблематику, правда, в основном на уровне типологии или в рамках анализа асимметрии в конкретных специфических контекстах. И тем не менее, нам по-прежнему не хватает глубокого научного понимания природы асимметричного федерализма, которое помогло бы ответить на вопрос о том, способствует ли асимметричный федерализм стабилизации многонациональных государств.

Как представляется, перспективными научными направлениями изучения феномена асимметричного федерализма как объекта исследования политической науки могут выступать такие научные задачи, как проведение комплексного анализа новейших тенденций в исследовании асимметричных федеративных систем в России и за рубежом; исследование исторического опыта становления асимметричного федерализма в России и определение дальнейших путей его эволюции; анализ отечественного опыта адаптации асимметричного федерализма к конкретным историческим реалиям; оценка пределов и возможностей использования мирового исторического опыта адаптации асимметричного федерализма в современных российских условиях и т.п.

Асимметричный федерализм выступает одним из факторов развития демократических начал в государстве, а также предотвращает политико-социальные и национально-этнические конфликты в многосоставном государстве в той мере, в какой имеет место политическая адаптация проявлений асимметрии на разных уровнях федерации. Определяя политическую реальность, асимметричный федерализм выявляет проблематику федерализации государства, обусловленную стратегией государственного управления, уровнем федеративной культуры, политической и социально-экономической самодостаточностью субъектов федерации и федеративного государства в целом и сглаживает межрегиональные диспропорции, способствуя тем самым интегративным процессам в стране.

Данный тезис определяет широкое поле деятельности для политологических исследований, поскольку асимметричный федерализм, будучи, по сути, политической технологией, практическим политическим механизмом, а не конституционным принципом, при условии оптимизации территориально-политического устройства

¹ Tarlton C.D. Symmetry and asymmetry as elements of federalism: A theoretical speculation // Journal of Politics, 1965, 27 (4), p. 861-874.

государства позволяет адаптировать и сглаживать межрегиональные диспропорции в условиях трансформации политико-правовых оснований федерализма начала XXI столетия. Эта задача является чрезвычайно актуальной в условиях современных социально-политических реалий.

Научный интерес ученых-политологов к асимметричному федерализму на сегодняшний день еще далеко не исчерпан. Основа научного потенциала для изучения этого феномена заключается в возможности исследования асимметричного федерализма как подвида политического института, опирающегося на конкретные практические задачи социально-политического характера, имеющие специфические признаки, формирующего свои модели реализации в процессе эволюционного развития федерации и способного стать одним из основных элементов поддержания целостности федеративной системы.

Библиография

1. Лагутенко Б. Как обустроить «асимметричную» Россию // Независимая газета от 24 октября 2010 г.
2. Михайлов Р.В. Асимметричность федеративного устройства Российской Федерации: (Политико-правовые аспекты): Автореферат диссерт...к.п.н: 23.00.02. М. 1999.
3. Титова Т.П. Асимметричность конституционной модели российского федерализма. М., 1998. 201 с.
4. Burgess M. Comparative Federalism. Theory and Practice. L.: Routledge, 2006.
5. Burgess M. Gress F. Symmetry and Asymmetry Revisited, in R. Agranoff (ed.), Accommodating Diversity: Asymmetry in Federal States, 1999, p.53.
6. Gagnon A. The Case for Multinational Federalism. Beyond the All-Encompassing Nation. L.: Routledge, 2010.
7. Jenne E. Ethnic Bargaining. The Paradox of Minority Empowerment. Ithaca: Cornell University Press, 2007.
8. Tarlton C.D. Symmetry and asymmetry as elements of federalism: A theoretical speculation // Journal of Politics, 1965, 27 (4), p. 861-874.
9. Федякин А.В. Регион в фокусе политической теории и практики // Вестник Российской нации. 2009. Т. 7. № 5. С. 162-182.
10. Федякин А.В. Федеративная форма территориально-политического устройства государства: основные модели и особенности // Вестник Российской нации. 2009. Т. 6. № 4. С. 140-161.

КРАСИНА Яна Сергеевна,
аспирант Института социологии РАН
janakrasina@rambler.ru

Обзор зарубежной литературы по теме: «Формирование прекариата в современной социологической структуре как процесс социально-культурных изменений в российском обществе»/ Review of the foreign literature on topic: «Creating of prekariat in modern social structure as the process of sociocultural changes in Russian society»

Аннотация

Статья посвящена обзору имеющейся литературы по такому важному вопросу в стратификации общества, как появление нового класса, называемого прекариат, а также процессу прекаризации. К прекариату относятся люди, не имеющие постоянной официальной трудовой занятости. Изучение данной группы населения очень важно, так как вышеупомянутый класс считается опасным для общества, как российского, так и зарубежного.

Ключевые слова

Прекариат; прекаризация; стратификация; социальные слои.

Abstract

Article reviews the available literature on such an important issue in the stratification of society, as the emergence of a new class, called prekariat and precarization process. Prekariat includes people without a permanent formal employment. The study of this population group is very important, since the above-mentioned class is considered dangerous to society, both Russian and foreign.

Keywords

Prekariat; precarization; stratification; social strata.

Находясь в постоянном движении, общество претерпевает *социальные изменения*, связанные с переходом социальных явлений, их элементов и структур, связей, взаимодействий и отношений из

одного состояния в другое, с возникновением или исчезновением того или иного явления, его элемента и т.д. Но изменения изменениям рознь. Они могут происходить на микроуровне (т.е. быть связаны с более или менее существенным изменением положения или роли отдельной личности, например, со вступлением в какую-нибудь общественную организацию или партию, с выходом из нее или переходом из одной в другую), а другие — на макроуровне (т.е. быть связаны с определенными изменениями в целых социальных группах и общностях и даже во всем обществе). Социальные изменения различаются не только по масштабам, но и по своей глубине. Одно дело, когда эти изменения происходят в рамках сохранения качества данного социального явления, а другое, когда они выходят за пределы этого качества.

В обыденном сознании понятия «изменение» и «развитие» чаще всего отождествляются, в связи с чем любое изменение в обществе рассматривается как его развитие. В этом случае развитие общества понимается в широком смысле, т.е. как его движение, изменение. Но поскольку, как уже отмечалось выше, происходящие в обществе изменения могут носить и действительно носят качественно различный характер, постольку это должно найти отражение в понятийном аппарате. В связи с этим, строго говоря, понятия «движение», «изменение» должны рассматриваться как более широкие по сравнению с понятием «развитие». Социальное изменение может привести к развитию общества и его структурных элементов, а может и не привести.

В последние десятилетия в результате проводимых в стране демократических и рыночных преобразований произошли значительные изменения в социальной стратификации российского общества.

1. Коренным образом изменился сам характер стратификационной системы. Если в советском обществе преобладала этакратическая система, построенная на властных иерархиях и формальных рангах, то в современном российском обществе формирование стратификационной системы происходит на экономической основе, когда главными критериями становятся уровень доходов, владение собственностью и возможность осуществлять самостоятельную хозяйственную деятельность.

2. Сложился многочисленный предпринимательский слой, высшие представители которого составляют значительную часть хозяйственно-экономической элиты, а в ряде случаев даже входят в политическую элиту страны. Независимо от качественных оценок этого слоя, ясно одно: переход к рыночной экономике породил но-

вые социальные группы, не только обладающие экономической свободой, но и претендующие на самые высокие места в общественной иерархии.

3. Заметно изменилась социально-профессиональная стратификационная структура в связи с появлением в ходе реформ новых престижных, высокооплачиваемых профессий и видов деятельности (предпринимательской, коммерческой, финансово-банковской, управленческой, юридической и др.).

4. Наметилось полярное расслоение общества, вызванное резкой дифференциацией доходов населения. Так, если незадолго до распада Советского Союза децильный коэффициент равнялся пяти, то в 1997 г. он повысился до двенадцати, а в настоящее время – до двадцати пяти.

5. Несмотря на существующую социальную полярность общества, начинает формироваться средний слой, основу которого составляют высокообразованные, инициативные, предприимчивые социальные категории (бизнесмены, менеджеры, представители аппарата государственного управления среднего звена, лица интеллектуальных профессий, фермеры, высококвалифицированные рабочие и служащие). Средний класс определяет стабильность общества и одновременно обеспечивает его динамичное развитие. В современном российском обществе, считающемся переходным, а потому нестабильным, доля среднего класса не очень высока и, по разным оценкам, составляет 12-25%. Но есть надежда, что по мере осуществления экономических реформ и демократического развития общества удельный вес среднего класса в перспективе будет возрастать.

Если принять за основу тот факт, что основанием для стратификации является стабильность на рынке труда, наличие полной законенной занятости, то в данной системе будет выделено несколько групп занятых в экономике. В последнее десятилетие стало очевидно, что мы не можем подойти к анализу, пониманию и объяснению новых социальных явлений и процессов, используя прежние мерки, ранее сложившиеся теоретико-методологические приемы. Без поиска принципиально новых подходов мы не сможем ответить на вызовы времени.

Одним из новых явлений в социальной структуре общества является прекариат, на который стали обращать внимание исследователи как за рубежом, так и в нашей стране только в конце XX–начале XXI вв.

Прежде всего, следует сказать, что понятие прекариат образовано от двух слов (от лат. *precarium* – неустойчивый, нестабильный,

негарантированный) и слова «пролетариат», который в свое время представлял класс, отчужденный от результатов труда и подвергающийся эксплуатации в интересах господствующего класса — буржуазии.

В научный оборот слово прекариат было введено профессором социологии Мюнхенского университета Ултрихом Бекем¹. Под прекариатом У.Бек понимал и неустойчивую, непостоянную занятость, и людей, которым навязана такая форма занятости. Связано это понятие было с обществом риска, где какие-либо гарантии исчезают под влиянием зарождающегося постмодерна и глобализации.

Нужно обязательно отметить, что осознание возникновения нового класса/ слоя произошло не сразу. Сначала это были сомнения в старой формулировке классов. Появились теории, объясняющие коренные изменения социальной структуры общества. А. Горц писал о «конце рабочего класса»². Фактически классовая структура отрицалась в произведениях Э. Тоффлера в связи с вступлением обществ в эпоху информационных революций. Прежней социально-классовой структуре не находилось места и в размышлениях Хатингтона.

Принципиально иной подход к осмыслению изменений в социальной структуре осуществили французские социологи в 1980-е годы, исследуя положение сезонных рабочих.

Один из наиболее влиятельных социологов XX века француз Пьер Бурдьё расширил это представление, включив в анализ все расширяющуюся массу работников, занятых на временных и эпизодических работах. Именно тогда впервые появилось слово прекариат, которым обозначали слой работников, который характеризуется нестабильной трудовой занятостью, отсутствием у них гарантированных социальных благ, незащищенностью в период сложных жизненных ситуаций³. Эти слои стали привлекать внимание и других исследователей – М. Фуко, Ю. Хабермаса, М. Хардта и Т. Негри⁴.

В Германии к проблеме прекариата исследователи подходят гораздо серьезнее. В 2006 г. вышла статья профессора Йенского университета Клауса Дёрре⁵, где была предпринята попытка стра-

¹ Beck, Ulrich (1999) *World Risk Society*, Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press/Blackwell Publishers.

² 4. Gorz A. *Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism*. London, 1982.

³ Bourdieu P. *La précarité est aujourd'hui partout*. Contre-feux. Paris, 1998. Pp. 96-102.

⁴ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. М., 2014.

⁵ D rre, Klaus (2007): *Prekäre Klassengesellschaft? Zur Strukturierung und Verarbeitung sozialer Ungleichheit im Finanzmarkt- Kapitalismus*. In: Ka.indl, Christina (Hrsg.): *Subjekte im Neoliberalismus*. Marburg. BdWi- Verlag. S. 19-47.

тифицировать новые низшие слои, в том числе выделить как одну из групп «новых низших» группу нестабильно занятых: тех, кто не имеет гарантий занятости и не имеет социальных гарантий (соцпакета). При этом, отмечает автор статьи, состояние прекариата не означает полную нищету и отверженность, а лишь указывает на то, что социально-трудовые отношения в данной ситуации находятся в состоянии нестабильности и ненадёжности. Таким образом, прекаризации могут быть подвергнуты представители и среднего, и высшего класса, которым потенциально угрожает потеря рабочего места из-за перевода их на контракт «ноль часов». Так, в обществе, где прекариат уже стал массовым явлением, – пишет Дёрре, – назрела необходимость переосмысления его социального устройства; трудовая жизнь современного человека вполне может состоять из смены фаз. В первой – человек работает. Во второй (фазе безработицы) – посвящает себя семье или себе. В третьей – снова работает. В четвертой (фазе безработицы) – занимается самообразованием. Череда и последовательность фаз произвольна, зависит от индивидуума и ситуации на рынке труда. Но в данном случае нельзя говорить о карьерном росте и улучшении благосостояния, поскольку все накопленные в фазе работы средства, так называемая «подушка безопасности», будут расходоваться в периоды безработицы, что негативно скажется не только на социальном самочувствии индивида и его семьи, но и на ситуации на предприятии или в организации, где он трудится, и на рынке труда в целом. Также подобное положение индивида в системе социально-трудовых отношений сказывается на протестном движении. Очевидно, что индивид в состоянии неопределённости, маргинальности, амбивалентности в большей степени подвержен протестным настроениям, чем всем довольный, сытый бургер. Разрастание прекариата ведёт также к вымыванию «середины» общества, «среднего класса», которому присуща стабильность и который способствует стабилизации общественных отношений.

Французский социолог, руководитель исследовательскими программами Центра изучения социальных движений в Париже Роберт Кастель связывал возникновение прекариата с процессами глобализации экономики. В своей работе «Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда» он говорит, что если раньше нестабильность наемного труда затрагивала в наибольшей степени «бесполезных миру» (бродяг, люмпенов и т.п.), то теперь уязвимыми оказались «непригодные к найму» («ненанимаемые», «нанимаемые

на зыбких условиях», «лишние»), то есть те, кто составляет ядро наемных работников в противовес собственникам¹.

Наиболее полные сведения о таком новом социальном классе, как прекариат, изложил британский экономист Гай Стендинг в своей книге «Прекариат – новый опасный класс». Согласно Г. Стендингу, прекариат характеризуется нарушением гарантий в сфере труда: безопасность рынка труда; гарантии занятости; гарантии рабочего места (труда); безопасность труда; безопасность воспроизводства квалификации; безопасность дохода; безопасность представительства интересов.

В первой главе автор пишет, что прекариат – новый «политический монстр», «опасный класс»: «плавающие без руля, мечущиеся в крайне правой или крайне левой политической бек-популистской демагогии, которая играет на их страхах и фобиях».

По словам Гая Стендинга, многие неформально занятые, причисляющие себя к «среднему классу», на самом деле этим классом не являются вследствие своей статусной неопределённости. Так, многие представители фриланса не имеют стабильных трудовых отношений с работодателем, они только демонстрируют «инсценированную интеграцию», находясь в состоянии социальной полиидентичности, что выводит их из состава наёмных работников и предпринимателей. Развивая тему прекариата, британский исследователь делает выводы о том, что именно коллизии постиндустриального общества привели к формированию данной многочисленной группы. Следуя марксистской терминологии, он говорит, что прекариат еще не является классом-в-себе, а есть класс-в-становлении. Автор выделяет пять групп на основании трудовой принадлежности:

1. Элита («мизер абсурдно богатых, красующихся на страницах Forbes, влияющих на правительства во всём мире и занимающихся благотворительностью»).

2. Салариат (высший средний слой, имеющий стабильную полную занятость, надеющийся пополнить ряды элиты. В салариат входят работники крупных корпораций, государственных учреждений, государственной службы).

3. Профессионалы (работники, занятые на основе контракта, возможно с несколькими корпорациями, могут переходить с одного места работы на другое, демонстрируя «текучесть» постмодерного общества, имеют стабильное положение благодаря своим знаниям и умениям).

4. Сердцевина («старый» рабочий класс).

¹ Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009.

5. Прекариат (социально неустроенные, не имеющие полной гарантированной занятости).

Представители прекариата испытывают недостаток в идентичности, связанной с профессиональной деятельностью: им чужда принадлежность профессиональному сообществу, его моральные кодексы, нормы поведения, взаимности и братства.

С прекариатом как социальной группой тесно связано понятие прекаризации - «трудовых отношений, которые могут быть расторгнуты работодателем в любое время, также неурегулированности трудовых отношений и неполноценной, ущемленной правовой и социальной гарантии занятости. Это явление охватило значительную часть наемных работников»¹.

С понятием прекариат тесно связано понятие прекаритет как непредсказуемые, ненадежные и небезопасные условия существования, приводящие к материальному и психологическому неблагополучию. Часто прекаритет соседствует с маргинализацией и anomией в дюркгеймовском понимании этого слова.

Проблема прекариата обсуждается не только в связи с ростом протестного движения в обществе, ведь именно он составляет его основу, но и в связи с проблемой размывания «среднего класса», так как, по данным немецкого исследователя профессора Йенского университета Клауса Герре, «каждый третий работающий по найму в Германии находится в состоянии подвешенного или текучего прекариата»². Причины этого состояния кроются в восприятии социального неравенства. Большинство опрошенных в Германии (61%) считают, что нет середины, а только высшие и низшие слои.

Данный класс, с одной стороны, играет исключительно важную роль в производстве как материальных, так и нематериальных ценностей, а с другой – оказывается лишенным большинства социальных и политических прав и гарантий: участия в выборах, стабильной зарплаты и страхового медицинского обслуживания, оплачиваемого отпуска, доступа к образованию и т.п.

Таким образом, следует отметить что изучение одного из самых болезненных вопросов современности – повсеместного распространения нового класса – в современной социологической структуре только началось, но уже несет в себе научную ценность. Прекаризация является процессом социально-культурных изменений в

¹ Прекаризация // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Прекаризация> (дата обращения 8.09.2016).

² Мармер Э. Что такое прекариат? // NeueZeiten. 2009. #5. [Электронный ресурс]. URL: <http://neuezeiten.rusverlag.de/2009/07/24/chto-takoe-prekariat/>(дата обращения 5.09.2016).

российском обществе и как любое изменение должно быть тщательнейшим образом изучено.

Обзор литературы по данной тематике показал, что процесс прекаризации вызывал интерес у большого количества ученых современности, однако досконального изучения проблемы никто пока не реализовал. Отношения к новому социальному классу прекариат разнятся, однако все авторы сходятся во мнении, что данный феномен стоит того, чтобы его изучать.

Библиография

1. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009.

2. Мармер Э. Что такое прекариат? // *NeueZeiten*. 2009. #5. [Электронный ресурс]. URL: <http://neuezeiten.rusverlag.de/2009/07/24/что-такое-прекариат/> (дата обращения 5.09.2016).

3. Прекаризация // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Прекаризация> (дата обращения 8.09.2016).

4. Социальная стратификация российского общества, М., 2003.

5. Сизова И.Л. Прекаризация в трудовой сфере России // *Петербургская социология сегодня*. 2015. № 6. С. 122-158.

6. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. М., 2014.

7. Bourdieu P. La précarité est aujourd'hui partout. *Contre-feux*. Paris, 1998. Pp. 96-102.

8. Dörre, Klaus (2007): *Prekäre Klassengesellschaft? Zur Strukturierung und Verarbeitung sozialer Ungleichheit im Finanzmarkt-Kapitalismus*. In: Kaindl, Christina (Hrsg.): *Subjekte im Neoliberalismus*. Marburg. BdWi-Verlag. S. 19-47.

9. Gorz A. *Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism*. London, 1982.

10. Hardt M., Negri A. *Empire*. Cambridge, 2000.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

*ГУЗЕНИНА Светлана Валерьевна,
к.соц.н., докторант ИСПИ РАН
dialog-lana@yandex.ru*

Советская богема как форма духовной провокации/ Soviet bohemians as a form of spiritual provocation

Аннотация

Статья посвящена осмыслению деятельности божемных союзов, существовавших в советское время как феномен «параллельной культуры» и отдельных представителей творческой богемы периода 60-90х годов ХХв.

С точки зрения автора, само существование божем в СССР демонстрирует акцентированное, особое противостояние советской нормативности, в том числе и официальному искусству. Альтернативное творчество выступает формой духовной провокации, социальным и культурным протестом представителей творческих профессий, что постулирует константу духовной свободы личности даже в периоды авторитарных режимов.

Ключевые слова

Советская богема; провокация; духовная жизнь; протест; творчество; союзы; творческие объединения; российская богема.

Abstract

The article is devoted to understanding the activities of the Bohemian representatives of the unions that existed in Soviet times as the phenomenon of “parallel culture.” From the point of view of the author, the very existence of bogem in the USSR shows a accented, a special Soviet confrontation of normativity, including the official art. Alternative creativity is a form of spiritual provocation,

social and cultural protest of the representatives of creative professions, which postulates a constant spiritual freedom even in times of authoritarian regimes.

Keywords

Soviet bohemians; provocation; spiritual life; protest; work; unions; creative unions; the Russian bohemia.

О существовании советских богем после начала войны практически ничего неизвестно, некоторым исключением служат лишь криминальные богемы в ГУЛАГе, что, судя по всему, было большой редкостью, поскольку требовало какой-то избыточной, по отношению к цели выживания, энергии.

Заметно больше сведений о богемах в периоды «оттепели» и «застоя». Яркие примеры богемных союзов 60-х и 70-х годов мы находим в воспоминаниях современников о неформальном искусстве, названном впоследствии «московским авангардом».

Как отмечает Н. Тамручи, в период «оттепели» «брожение идей охватило московские сборища», при этом автор добавляет: «... сами эти сборища были неотъемлемой частью культуры, той питательной средой, из которой произрастало все лучшее...». Местами для таких встреч, где собирались представители всех творческих профессий («...поэты, художники, музыканты или ученые, но также всякого рода доморощенные философы, мистики и просто люди без определенных занятий»¹), служили так называемые домашние салоны, закрытые концерты, поэтические вечера, курилки Исторической библиотеки и библиотеки им. В.И. Ленина. Одним из таких центров стала подмосковная Таруса, куда после сталинских лагерей приехали поэт и художник А. Штейнберг (бывший выпускник ВХУТЕМАСа) с сыновьями Эдуардом и Борисом, отбывший лагеря художник Б. Свешников, где позже поселились семья К. Паустовского и переводчицы Е. Голышевой, Д. Плавинский. По воспоминаниям критика Г. Маневич, жены А. Штейнберга, в «тарусскую общину» приезжали Н.Заболоцкий, Н. Мандельштам, А. Цветаева-Эфрон, основное ядро писательского поколения шестидесятников, А. Зверев, А. Харитонов, молодые художники и поэты.

Примерно в это же время другим местом притяжения творческой интеллигенции становится Лианозово. Здесь регулярно собиралась молодежь, впоследствии многие из них прославились как поэты «лианозовской школы».

¹ Тамручи Н. Из истории московского авангарда //«ЗС», 1991. – № 5.

Там же жили художники Н. Вечтомов и О. Рабин, которые после возвращения из лагерей Л. Кропивницкого организовали неортодоксальное направление в изобразительном искусстве и стали известны как художники «Лианозовской группы». В доме О. Рабина часто устраивались публичные показы работ, на которые съезжались художники и искусствоведы, любители искусства. Здесь бывали И. Эренбург, С. Рихтер, Б. Слуцкий, А. Волконский, поэты-смогисты. Интересно, что такой популярности художник «обязан» и газете «Московский комсомолец», которая в отделе *уголовной хроники назвала его «жрецом помойки номер восемь», живущим «среди грязных барачков, собак и паровозов»*¹. К концу шестидесятых годов у всех «лианозовцев» благодаря индивидуализированной форме сложилась своя, индивидуальная стилистика. Именно внешняя агрессия окружения спаяла противоположных по мироощущению художников в своеобразную форму братства, союза общей судьбы.

В богемных сообществах того времени, так же, как и в конце XIX – начале XX веков, выделяются и свои меценаты и ситуативные лидеры. В Москве, на квартирах искусствоведа И. Цирлина, режиссера А. Румнева, московского коллекционера Г. Костаки, музыканта и композитора А. Волконского выставлялись картины А. Зверева (получившего прозвище «московский бродяга»), А. Харитонова, В. Яковлева. В круг столичной богемы того периода входили поэт Г. Айги, киновед В. Свешников (ставший позднее священником), специалист по русскому символизму Н. Котрелев, коллекционер М. Гробман. Многие художники открывают свои домашние подпольные художественные «академии» и студии (В. Ситников, Э. Белютин, М. Шварцман, В. Вейсберг и др.), но наиболее значимым явлением стало творчество художников, собиравшихся в салоне Ю. Мамлеева, которое получило обобщенное название *«шизоидная культура»*. Здесь общались и творили те художники, «кто в среде богемы абсолютизировал *форму обнаженного страдания»*²: И. Ворошилов, А. Бабиченко, В. Пятницкий.

Значимым явлением второй половины XX века стал и феномен «самиздата», благодаря которому стихийно формировались и жили своей подпольной жизнью богемные и богемоподобные союзы творческой интеллигенции.

«Самиздат» возник, безусловно, вместе с советской властью. В машинописном варианте в богемных и околобогемных кругах распространялись антисталинское «письмо Рютина», стихи белоэмигрантов и «антисоветских» поэтов, однако масштаб и круг хождения

¹ Тамручи Н. Из истории московского авангарда // «ЗС», 1991. – № 5.

² Там же.

такой литературы был достаточно узок (как, собственно, и сам круг богемы в этот период). В середине 60-х годов и вплоть до конца 80-х годов «самиздат» становится значимым элементом общественной жизни и культуры, который может быть назван *«теневой», параллельной культурой* в СССР¹. Уже поэтому это общественное явление в самом начале его появления непосредственным образом связано с богемой, так как представляло собой *своеобразную форму «инакобытия», выразившуюся в протесте* против советской цензуры.

Авторы, публиковавшиеся в «самиздате», в 60-е годы читали свои произведения на площади у памятника Маяковскому, собирали большие аудитории, что, в конечном итоге, повлияло как на их собственную судьбу (многие из них были арестованы, погибли в заточении, например – поэт Ю. Галансков), так и на общественное сознание. Лидер «самиздата» А. Даниэль определяет его как «специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящих в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде»².

Нельзя сказать, что «самиздат» существовал только в столицах. Наибольшей популярностью он пользовался именно в провинциях, в кругах творческой интеллигенции. К примеру, в Одессе существовала целая «подпольная публичная библиотека» такой литературы, организованная в 1967 году В. Игруновым и П. Бутовым и просуществовавшая вплоть до 1982 года. Таким образом, феномен «самиздата» заключал в себе не только хронику развития правозащитного движения в России, но, прежде всего, был своеобразной *средой инакомыслия и прекрасным инструментом для реализации творческой свободы интеллигенции* периода 50-80 годов³.

¹ Мальцев Ю. Вольная русская литература. 1955–1975. – Frankfurt/Main: Possev-Verlag, V. Goradiek KG, 1976.

² Даниэль А. Истоки и смысл советского Самиздата. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://antology.igrunov.ru/a/daniel.html>.

³ В «самиздате» выходили следующие сборники и периодические издания: В 50-е годы: авторы: М. Волошин, Н. Гумилев, А. Ахматова, М. Цветаева, О. Мандельштам, Отец Павел Флоренский, Д. Андреев, Н. Коржавин, Б. Окуджава, А. Загряжский, А. Баркова, Ю. Чирков, В. Шаламов, Ю. Айхенвальд, М. Красильников, Г. Горбовский, Б. Слуцкий и др.; Народные лагерные песни. В 60-65 годы: «Синтаксис», «Феникс-61», «Сирена», «Чу!», «Авангард», «Политический дневник», «Коктейль», «Сфинксы». В 1966–1973 годах: «Белая книга», «Процесс четырех», «Правосудие или расправа?», «Четырнадцать последних слов», «Хроника текущих событий», «Вестник русского христианского движения», «Евреи в СССР», «Феникс-66», «ВЕЧЕ», «Общественные проблемы». После 1973 года: «Из-под глыб», «Сахаровский сборник», «Грани», «Континент», «Память», «Поиски», «Московский сборник», «Сумма», «37», «Часы», «Метрополь».

На основе обсуждений «самиздатовских» произведений в этот период в СССР возникали богемоподобные клубы, «кухонные кружки», собирались на «квартирники» группы равнодушных к культуре, общественной жизни и творческому поиску (в любой сфере творческой деятельности) людей.

Литература «самиздата» в жанровом отношении была чрезвычайно многообразна: размноженные фотоспособом, на машинке и от руки переписанные тексты представляли собой «путь поиска без ответов». Здесь были романы, мемуары и частная периодика, декларации и манифесты, стихи, научные исследования и публицистика, жалобы в прокуратуру и открытые письма протеста, переводные тексты (последние стали прообразом появившегося чуть позже «тамиздата» – литературы, изданной за рубежом)¹.

В этот же период зарождается один из символов богемы и место встреч музыкальных богемных союзов: начиная с 1968 года на территории Самарской области стали проходить фестивали авторской (бардовской) песни имени В. Грушина. Первые фестивали собирали, в основном, туристов и любителей авторской песни из Самарской области, вскоре он стал очень популярен в стране и становится местом неформального общения отдельных музыкантов и творческих музыкальных коллективов. Однако уже в начале 70-х годов фестиваль перестал быть местом творческого поиска, так как приобрел официальный статус – его организацией и проведением стали заниматься областной совет по туризму и областной комитет ВЛКСМ. С 1986 года фестивали проходят ежегодно в первые выходные июля. После распада ВЛКСМ его функции по организации и проведению фестиваля взял комитет по делам молодежи, а сегодня – департамент по делам молодежи Самарской области. Ничего общего с богемой на сегодняшний день фестиваль уже не имеет.

Несмотря на сам факт существования богемы в СССР во второй половине XX века, в среде представителей творческих профессий в послевоенное время и до конца 80-х годов происходит явное обособление богемы по жанрам, каждый из которых пытается найти себе нишу в социальной реальности, приспособиться к новым экономическим условиям (особенно после развала СССР). Дивер-

¹ Благодаря «самиздату» в СССР впервые были прочитаны: письма Н. Короленко А. Луначарскому, произведения М. Булгакова и Н. Бердяева, мемуары Е. Гинсбург, проза А. Платонова и Б. Пастернака, «Несвоевременные мысли» М. Горького, философское эссе Г. Померанца, работа Р. Медведева о сталинизме «К суду истории», Нобелевская лекция А. Камю, запись общего собрания московских писателей осенью 1958 года (где шельмовали Б. Пастернака), запись процесса 1964 года над И. Бродским (сделанная Ф. Вигдоровой) и др.

генция богемы прослеживается по выбранным «местам обитания»: художественная богема сосредоточена в основном на известных узкому кругу лиц квартирах, на Арбате в Москве, музыкальная – на Грушинском фестивале, литературная существует как отклик на «самиздатовское» движение в стране и тоже в основном «на кухне», то есть подпольно, актеры, не занятые на сценах академических театров, в 70-е–90-е годы скитаются в поисках помещений. И, тем не менее, в столичных городах все еще можно с уверенностью говорить о существовании творческой богемы.

Примером может служить деятельность Товарищества экспериментального изобразительного искусства (ТЭИИ) и круга лиц, к нему примыкавших, в Ленинграде в 1980–1990 годы. Товарищество никогда не было признано официально и его члены основной своей задачей видели поддержку тех художников, кто по ряду бюрократических или идеологических критериев не мог стать членом Союза художников¹. Как и в любой богеме, здесь не было постоянного лидерства, всех объединял дух творчества, взаимовыручки и товарищества; один из идеологов объединения, С. Ковальский, пишет: «Мы объединялись как равноправные личности лишь по человеческой приязни и нужности каждого из нас друг другу в том справедливом деле, которое мы затеяли. Но каждый был с Богом наедине»².

Совершенно уникальна для истории российских богем ситуация, сложившаяся в последние годы. *Главная особенность современного периода – это время кризиса богем.* Более того, их необходимость ставится под сомнение. В конце XX – начале XXI века ситуация изменилась в сторону еще более резкой дифференциации богемы по жанрам. Пожалуй, в наиболее выигрышном положении находится актерская богема, но лишь в столице или крупных городах. Проявляющийся в обществе яркий интерес к зрелищному действу позволяет многим труппам снимать помещения и организовывать свои мини-театры.

¹ Первыми в ТЭИИ вошли участники квартирной выставки «на Бронницкой». Позже ТЭИИ объединило творческие группы: «Дикие», «Новые художники», «ТИР», «Остров», группа «7», арт-группа «5/4», клуб художников «Пять углов», арт-группы «Алипий», «Иаки», «Митьки», «Летопись», «Некрореалисты» и многих художников, не примыкавших ни к каким группам и объединениям. См. Ковальский С. Движение по диагонали или десять лет, которые изменили культурное пространство Ленинграда // ТЭИИ. От Ленинграда к Санкт-Петербургу. «Неофициальное» искусство 1981–1991 годов./ Сост.С.Ковальский, Е.Орлов, Ю.Рыбаков. – СПб., 2007.

² Ковальский С. Движение по диагонали или десять лет, которые изменили культурное пространство Ленинграда // ТЭИИ. От Ленинграда к Санкт-Петербургу. «Неофициальное» искусство 1981–1991 годов./ Сост.С.Ковальский, Е.Орлов, Ю.Рыбаков. – СПб., 2007. С.12.

Литературная богема сосредоточена в основном в Москве и Санкт-Петербурге, причем ее формализация сводится к разрозненным поэтическим клубам, в основном молодых поэтов. Наиболее значимыми в Санкт-Петербурге на сегодняшний день являются: детско-юношеский литературный клуб «Дерзание» (что вряд ли можно определить как богему, так как преподавателями являются члены Союза писателей России), кафе-клуб «Книги и кофе», литературная студия Ал. Ахматова в библиотеке им. В.В.Маяковского, ЛИТО «Балтийский парус», литературный клуб «XL», «6 линия», движение «ПОСЛУШАЙТЕ!». Однако количество таких клубов еще не может прямо свидетельствовать о творческой атмосфере, новых идеях и духовной сопричастности ее членов, поэтому ограничимся лишь, собственно, констатацией самого факта существования таких союзов, без их качественных характеристик.

В более тяжелом положении находится сегодня художественная богема, которая не имеет средств на персональные выставки, особенно зарубежные. Даже столичные художники вынуждены выставлять свои картины в самых экзотических местах или устраивать галереи на квартирах.

Зачастую причиной непопулярности многих богем в обществе становятся современные тенденции самовыражения художников. Речь идет о том, что в эпоху постмодернизма российская богема (также, как и западная) акцентируется не на «сущностных для классического эстетического сознания ракурсах прекрасного, возвышенного, трагического, а на маргинальных для классической эстетики, хотя имплицитно всегда присущих эстетическому опыту универсалиях игры, иронии, безобразного»¹.

Показательной для всех жанровых российских богем на сегодняшний день стала «ориентация на покупателя», а не на чувства зрителя. Поэтому вполне справедливо говорить о вырождении богемы, так как ее основная качественная характеристика – духовная провокация – исчезла.

Сегодня богема не является катализатором интеграции, не сигнализирует об общественных изъянах и пороках, не будит творческую деятельность своим примером. Она не демонстрирует девиацию, а пытается выжить, как и многие другие: снимается в политической рекламе, продает низкопробные картины, ставит модные спектакли, снимает сериалы «про бандитов» и «про ментов», поет под «фанеру» в провинциальных домах культуры. Как это ни прискорбно, даже остатки былой богемы, занимаясь творческой деятельностью, тем не менее, зависят от спонсоров, которые, соб-

¹ Бычков В.В. Эстетика: учебник. – М., 2006. – С. 454.

ственно, часто и определяют творческую направленность. В то же время, реальность требует от художника его классического метода, суть которого – в жертвенном подвиге. А «основой подвига является забвение себя ... Метод искусства...строится на том, что человек забывает себя ... ради красоты и справедливости»¹.

По этой причине как западную, так и современную российскую богему сегодня можно охарактеризовать как «спонсорскую», что, собственно, уже подразумевает иронию в отношении какой-либо значимости существования такого феномена в духовной жизни общества.

Перечислим основные факторы сужения социальной базы современной богемы. Первые из них очевидны и подтверждены данными авторских эмпирических социологических исследований. К числу таких факторов можно отнести:

- резкое сужение роли богемы в современном элитогенезе. По-просту говоря, в общественной практике исчезли случаи карьерного роста представителей бывшей богемы. Пребывание в богеме утратило заметную часть престижности, бывшие же лидеры богемы либо вышли из нее по материальным соображениям, либо стали прямо ориентироваться на спрос, в том числе и спрос на политический PR, либо, в редчайших случаях, сохранили бывшие убеждения, уже не претендуя на учеников. В любом случае, одной из самых ярких проявлений современного кризиса богемности стал именно кризис лидерства в богеме, нежелание талантливых и энергичных людей заниматься деятельностью, лишенной материальных и политических перспектив;

- возникновение особого феномена духовной жизни современного российского общества, который справедливо обозначить как «турбулентная кич-культура». Под последней имеется в виду процесс втягивания творцов, полноправных участников богемы, в работы, которые, с одной стороны, достаточно хорошо продаются и, с другой стороны, имеют некоторое отношение к былым жанрам, которыми они увлекались – например, участие художников в дворцовом дизайне, народных промыслах, татуировании автомашин, экскурсоводстве и т.д.;

- простые и очевидные процессы коммерциализации искусства, роста в нем классических механизмов шоу, при этом заметная часть бывших участников богемы часто становятся конкурентами.

Отметим, что указанные механизмы распространяются и на членов семей участников богемы, иными словами, на те отряды богемы, которые не были прямо связаны непосредственно с творчеством.

¹ Фаворский В.А. О художнике, о творчестве, о книге.– М., 1966. – С.9.

В силу этого богему губит еще и юнологический кризис, подрыв семейной традиции;

- исчезновение идеологической богемной романтики. В советские времена предпринимались попытки романтизации богемы в науке, искусстве, в среде полярных исследователей, комсомольских работников. Нельзя сказать, чтобы такие попытки были в центре идеологической работы, но сама идея верноподданной, искренней «советской богемы» была, видимо, очень привлекательна для советской элиты. Представляется, что даже сейчас, когда предпринимаются первые попытки пропаганды, в том числе в среде молодежи, фокусом такой работы все же выступают общественные движения и даже искусственно фабрикуемые субкультуры. Необходимость охвата такой работой еще и богем пока, видимо, не осознается российской политической элитой;

- отсутствие серьезной традиции в общественном мнении, которое признавало бы богему не только терпимым, но и весьма желательным элементом общественной жизни, как это происходит, например, во Франции, Италии, Испании, Скандинавских странах.

Ниже представлена гипотеза (рис. 1) базовых тенденций богемогенеза, основанная на авторских выводах по результатам историко-методологического исследования феномена богемы.

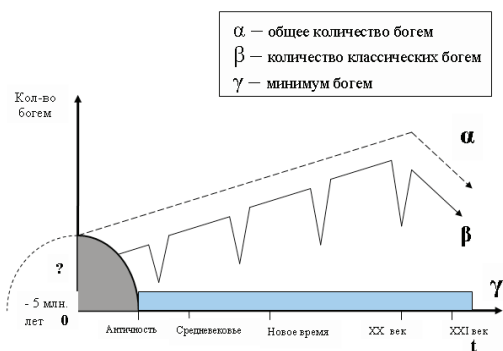

Рис. 1. Авторская гипотеза базовых тенденций богемогенеза.

Условные обозначения и комментарии. Данный график комментирует через демонстрацию корреляций числа всех, в том числе классических, богем, и особенностей исторической эпохи. Линейные прямые зависимости представляются господствующими (неравноускоренный рост числа богем в истории вплоть до современности, где начинает оформляться обратная зависимость), с редкими

включениями нелинейности при спадах числа классических богов в особых исторических условиях (устоявшиеся авторитарные периоды, например). Последний случай касается только классических богов; «богемоподобные» образования, в том числе сформированные искусственно, могут сохраняться и при авторитарных политических режимах.

Серым цветом выделена на графике область гипотетического «старта богемогенеза. Знаками «альфа» и «бета» обозначена динамика числа всех и собственно классических богов, «гамма» – теоретически минимальная, но далее неуничтожимая доля богов в наименее благоприятных для них социально-политических условиях, что и показывает объективно необходимую роль богемы как социального института. Впрочем, в социологии постулирование таких зависимостей может быть принято только как возможная гипотеза, – хотя, по причине весьма скромного банка эмпирических и историографических данных, специфика досистемных, типичных для социальных кластеров, межбогемных связей, как и содержание внутрибогемной деятельности в разных странах и даже регионах, может быть весьма значительной.

Современная цивилизация все более убедительно демонстрирует мощь и привлекательность образцов массовидного поведения, «удовольствия в толпе», о котором писал еще Г. Лебон. Такая перспектива, естественно, подразумевает прямое исчезновение богемы, превращение ее из «отстойника для талантливых социальных неудачников». В связи с этим положением вполне оправдана мысль о «замене» богемой реального потерянного статуса на статус виртуальный, то есть своеобразное «перемещение» исчезающего в реальном социальном мире латентного социального института в жизненную среду сообщества Интернет-пользователей. К сожалению, сложно пока сделать обобщающий научный вывод относительно перспектив российской богемы, но, видимо, одной из предполагаемых причин исчезновения богемы в современном мире может быть и ее трансформация в виртуальный симулякр Интернет-пространства¹.

¹ Об этом свидетельствует количество литературных, музыкальных, художественных сайтов и порталов (например, Стихия, ТОПОС, Сетевая Словесность, Рифма.Ру, ПЕРИФЕРИЯ, ТЕРМИТник поэзии, ПИИТЕР, ЗАПОВЕДНИК, портал Арт-Время), виртуальных творческих объединений (например, ЛО «Точка зрения»), арт-магазинов, виртуальных музеев и дискуссионных форумов по проблемам творческой деятельности.

Библиография

1. Тамручи Н. Из истории московского авангарда // «ЗС», 1991. – № 5.
2. Мальцев Ю. Вольная русская литература. 1955-1975. – Frankfurt/Main: Possev-Verlag, V. Goradiek KG, 1976.
3. Даниэль А. Истоки и смысл советского Самиздата. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://antology.igrunov.ru/a/daniel.html>.
4. Фаворский В.А. О художнике, о творчестве, о книге. – М., 1966. – С.9.
5. Бычков В.В. Эстетика: учебник. – М., 2006. – С. 454.

*КРАВЧЕНКО Сергей Александрович,
д. фил. н., профессор, зав. кафедрой
«Социологии» МГИМО (У) МИД России
info@журналпоиск.рф*

*КАТЕРНЫЙ Илья Владимирович,
к. фил. н., доцент кафедры
«Социологии» МГИМО (У) МИД России,
старший научный сотрудник ИС РАН
info@журналпоиск.рф*

**Социология будущего и будущее социологии:
по материалам 3-го Форума Международной
социологической ассоциации¹/ *Sociology of the
future and the future of sociology: on materials
of the 3rd Forum of the International
Sociological Association***

Аннотация

В статье дается критический анализ представлений о будущем, поднятых на 3-ем Форуме Всемирной социологической ассоциации (Австрия, Вена, 10-14 июля 2016 года). Рассматриваются как выступления на сессиях, так и работы известных социологов по проблематике будущего, специально изданных к данному мероприятию. Показывается, что ускоряющаяся социальная и культурная динамика востребовали переход от линейных представлений о «светлом» будущем, отягощенных идеологическими пристрастиями, к нелинейным подходам. Смена фундаментальных парадигм будущего, их весьма быстрое «устаревание», естественно, способствовало развитию современной глобальной социологии. Авторы полагают, что лучший будущий мир детерминирован не только объективными реалиями, но в значительной степени определяется характером социологического знания, которое нуждается в гуманистическом повороте.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 16-18-10411.

Ключевые слова

3-й Форум Всемирной социологической ассоциации; глобальная социология; будущее; гуманистический поворот; гуманизм; постгуманизм.

Abstract

The article gives a critical analysis of visions on futures discussed at the 3rd Forum of Sociology "The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World". 10-14 July 2016, Vienna, Austria. There discussed as the reports made at sessions as well as the books of outstanding sociologists specially published for the event. It is shown that the accelerated social and cultural dynamics demanded the transition from linear visions of "optimistic" futures based on ideological postulates to non-linear theories. The change of fundamental paradigms on futures, their rather quick "ageing" facilitated the development of modern global sociology. The authors argue for a humanistic turn in sociology seeing as a factor for a better future world.

Keywords

3rd Forum of Sociology; global sociology; futures; humanistic turn; humanism; post-humanism.

Социология как проект новой науки об обществе рождалась в утопических грезах, бурливших в тесном кружке французских интеллектуалов второй половины XVIII–начала XIX вв. (Тюрго, Кондорсе, Сен-Симон, Фурье, Конт), которые с легкой руки историка Ф. Мануэля стали известными как «пророки Парижа»¹. Восхищенные достижениями научного прогресса, особенно в области естественных наук, они верили, что история складывается из поступков человека и энергии разума. Соответственно, человечество движется от теологической фазы к научной через метафизическую. Социология мыслилась царицей социальных наук, миссия которой виделась в переустройстве мира на принципах позитивизма, гуманизма, порядка и прогресса. Будущее следовало приближать руками тысяч позитивистских священников, которые по всей Европе воплощали бы мечту о торжестве человеческой деятельности. Величие предстоящих задач побуждало некоторых видеть себя новыми мессиями, которые прибыли на землю, чтобы спасти людей: Сен-Симон воображал себя

¹ Manuel F.E. The Prophets of Paris. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962.

перевоплотившимся Сократом, а Конт связывал свой образ с именем святого Павла.

Когда в начале 1970-х гг. в Америке вышел сборник под названием «Социология будущего»¹, его авторы (В. Белл, Дж. Мау и др.) обращались к наследию именно этих пророков, противопоставляя свой подход парсонизму и интеракционизму. Будущее виделось в контексте новых источников вдохновения и исследовательского интереса. Научные и технические достижения 1960-х гг., взлет популярности либеральных идей по всему миру, рост потребительства создавали «универсальный» образ будущего как постоянно прогрессирующего. Апофеозом этого стала книга Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек»², в которой обосновывался постулат о конце идеологических войн и триумфа «рационального» капитализма и западной демократии по всему миру на фоне краха социалистических режимов Восточной Европы. Однако уже начало XXI века показало, что экономические кризисы, террористические атаки и климатические турбулентности поставили под оптимистические видения будущего.

Прошедший 10-14 июля 2016 года 3-ий Форум Международной социологической ассоциации вызвал у социологов новые видения будущего как разупорядоченного, неустойчивого и разнообразного. Более 4000 участников из 126 стран мира собрались вместе, чтобы обсудить общую тему Форума: «Будущие [во множественном числе!], которые мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир». Как отметил Маркус Шульц на первой пленарной сессии, «будущее перестало быть неизбежным», оно формируется здесь и сейчас «состязательно», став ареной столкновения и борьбы разных социальных акторов³.

Движение к потенциальным будущим осуществляется нелинейно, в контексте эффектов «стрелы времени», предполагающих травмы, разрывы, подчас обратные-поступательные движения к прошлому, что, соответственно, находит отражение в социологическом знании⁴. В этой ситуации проблематика темпоральности, «временных миров» социальных изменений, усложняющейся динамики становится теоретическим фоном современной социологии будущего.

¹ Bell W., Mau J. (eds.). *The Sociology of the Future. Theory, Cases, and Annotated Bibliography*, New York: Russell Sage Foundation, 1971.

² Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. N.Y.: Free Press, 1992.

³ Schulz M.S. *The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World* // <http://futureswewant.net/about/about-english/>.

⁴ См.: Кравченко С.А. *Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота*. М.: МГИМО-Университет, 2015.

В частности, получают развитие теории о роли скорости в социальной жизни (П. Вирилио, Х. Роуза, В. Шеерман и др.), об ускоряющей и усложняющейся динамике. Так, П. Штомпка предложил теорию становления (*becoming*)¹, положения которой на Форуме получили дальнейшее развитие. Согласно ей, современные изменения придают социуму характерную, невиданную ранее черту постоянной незавершенности развития, что проявляется в огромном разнообразии и разноликости форм социальной жизни, что обусловлено входящими в нашу жизнь социальными разрывами и культурными травмами². Х. Роуза, обобщая социологические подходы к усложняющейся динамике, выделяет три характерные типа современного ускорения: (1) технологическое – сокращение времени, требуемого для различных целеориентированных действий и институциональных процессов (производство товаров и услуг, транспортировка, связь, коммуникации); (2) ускорение темпа жизни – переживание дефицита времени на повседневном уровне, перманентный цейтнот и спешка, что становится парадоксальным результатом технологического развития; (3) ускорение общества в целом – рост числа и темпа изменений самих социальных изменений, «сжатие настоящего» и онтологизация будущего, т.е. постоянная трансформация общества без задержек, ведущая к элиминации социальной статистики и тотализации динамики³. В этих условиях распространяются новые формы межличностных отношений и институциональных практик, которые основаны на эпизодичности, временности, сменяемости и новизне. Традиционная для социологии и социальной психологии проблематика выделения современных типов личности дополняется новыми «темпоральными» вариантами: «ускоряющийся», «замедляющийся», «стационарный» и др.⁴

«Социальное ускорение» на стыке рефлексивной модернизации и технологической революции ведет к изменению не только пространственно-временных характеристик социальной жизни, но качественно трансформирует самую онтологию субъект-объектных отношений в человеческом мире. В этих трансформациях проблемы гуманизма особо актуализируются. Как заявила М. Абрахам, Президент Всемирной социологической ассоциации, мы столкнулись с «глобальным гуманитарным кризисом», на который политики реа-

¹ См.: Кравченко С.А. *Becoming* // Социологический толковый англо-русский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2012.

² Szotompa P. *Society in Action: A Theory of Social Becoming*. Cambridge, 1991.

³ Rosa H. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity* / Trans. by J. Trejo-Mathys. New York: Columbia University Press, 2015. Pp. 71-80.

⁴ Elliott A. *Identity Troubles: An Introduction*. New York: Routledge, 2016.

гируют лишь «фрагментарно»¹. В этой связи социологи обратились к исследованию тенденций становления «постчеловека» и «постгуманизации» человеческого существования. В частности, ряд социологов (А. Сандберг, Н. Бостром и др.) обратился к проблеме «морфологической свободы», ассоциирующейся с расширяющимися возможностями изменять своё тело по собственному желанию посредством таких технологий как косметическая хирургия, генная инженерия, нанотехнология, киборгизация витрификация (быстрое замораживание перед или сразу после смерти). Как известно, операции по смене пола, вживление искусственных органов и частей тела, пересадка выращенных «под заказ» органов, редактирование генома уже стали реальностью. В контексте морфологической свободы получает развитие свобода репродуктивная, дающая людям право выбирать способ зачатия детей и заранее модифицировать их будущий генетический портрет. Г. Грили, правовед из Стэнфорда, написал книгу «Конец секса и будущее человеческого размножения», где он обобщил результаты исследований в этом направлении и сделал вывод, что в ближайшие 20 лет оплодотворение с помощью стволовых клеток (взятых из кожи родителей) и генетическое программирование детей станет доступной, легальной и безопасной технологией, что сделает обычный секс ненужным и ненадежным предприятием для размножения². Несмотря на ожесточенную критику этих инноваций со стороны других ученых (Л. Касс, Дж. Рифкин, М. Сандел и др.), указывающих на новые рукотворные гуманитарные проблемы, ведущие к генетическому неравенству и непредсказуемым социо-медицинским последствиям, новые «услуги» получают все большее распространение. В этом смысле социологи указывают на еще один фактор «конца социального»³, ведущий к формированию биокапитализма, биогражданства и биосоциальности в целом. Так, английский социолог Н. Роуз говорит о современном «молекулярном дискурсе» как апофеозе исторической биополитики, обоснованной в свое время М. Фуко в качестве одного из базовых элементов социального контроля в обществе, направленного на осуществление (био)власти над здоровьем людей: «молекулярная биополитика дарует новую мобильность самим элементам жизни,

¹ Abraham M. Welcome address by the President of the International Sociological Association // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria. P. 17.

² Greely H.T. The End of Sex and the Future of Human Reproduction. Cambridge: Harvard University Press, 2016.

³ См.: Бодрийяр Ж. Прозрачность зла, или конец социального. М.: Добросвет, 2000.

которые становятся объектами биологических, межличностных, географических и финансовых операций»¹.

Еще один аспект «постгуманизации» связан с признанием т.н. «плоской онтологии» (М. Де Ланда, Г. Харман др.), в рамках которой человек перестает быть онтологическим центром социального участия. В «постгуманизированном» мире интерсубъективность (А. Шюц) и интеробъективность (Б. Латур) образуют единый социоматериальный диспозитив, и социальное действие трактуется онтологически нейтрально как социальное задействие (enactment), включающее в себя человеческие эмбрионы, животные, клоны, роботы, вещи («интернет вещи»). Это образует т.н. «поток жизни», где все пульсирует, трансформируется, мутирует и взаимодействует друг с другом. Таким образом происходит снятие онтологических оппозиций: (а) между человеческим и субчеловеческим; (б) между культурным и природным; (в) между живым и неживым; а также (г) между физическим и нефизическим.

Несомненно, социологи не могут остаться в стороне от этих проблем, непосредственно влияющих на будущее человечества. Однако здесь особенно важна научная этика. Парадоксальное совмещение несовместимых факторов в контексте идей «постгуманизации», несомненно, повлечет за собой череду ненамеренных последствий, которые скажутся на характере будущего. На сегодняшний день предлагаются лишь идеи на грани науки и фантастики. Доклад британского социолога С. Фуллера, вынесенный на одну из общих сессий Форума, на тему «Является ли будущее “человеческим”, “постчеловеческим” или “трансчеловеческим”» показал, что грядущее «человечество 2.0.» должно будет решить, по крайней мере, две метасоциологические проблемы: (а) двигаться ли в сторону максимального расширения возможностей человека с помощью технологий («трансгуманизм») и еще большего увеличения своей власти над природой или в сторону замещения человека на пьедестале эволюции другими жизненными формами и искусственными созданиями, которые станут претендовать на статус равных человеку субъектов («постгуманизм» в узком смысле); (б) и в каком виде будет возможным существование идей толерантности, вовлечения и признания как основы современной солидарности, если человек перестанет быть человеком в своем традиционном онтологическом статусе².

¹ Rose N. The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. P. 15.

² Fuller S. Is Future 'Human', 'Posthuman' or Trunshuman' // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria. P. P. 85.

Этой же теме был посвящен ряд публикаций, из которых книга «Постчеловек» профессора Утрехтского университета (Нидерланды) Р. Брайдотти, директора-основателя Центра гуманитарных наук, показалась нам наиболее интересной. В ней изложены идеи концепции т.н. «критического постгуманизма» с позиции пост-постмодернизма. В истории человечества существовали разные типы гуманизма (в Европе получили распространение гуманистические идеи эпохи Просвещения), но к концу XX века под натиском глобализации и всеобщей постмодернистской чувствительности его традиционные составные части в виде евроцентризма, антропоцентризма и маскулинизма оказались развенчанными. Образ рационального и целостного субъекта, веками лелеяемого классическим либеральным индивидуализмом, был похоронен антиколониализмом, инвайронментализмом и феминизмом. Однако кризис западного гуманизма оказывается не только катастрофическим, но имеет позитивные последствия. Распространение новой мультикультурной, мультимедийной и сверхтехнологической культуры возрождает к жизни новый тип идентичности, который автор называет «постчеловеческим номадическим субъектом»¹. В эту категорию теперь входят не только все «другие» люди, имеющие возможность и право трансформировать свое тело и социальную идентичность (вплоть до расовой принадлежности), но и «природные другие» (отдельные животные, Земля в целом) и «нечеловеческие» другие (роботы, дроны, аватары и т.п.) – все то, что способно быть «эмпирическим», т.е. производить действия или быть задействованным. Но здесь же кроется и целый спектр новых рисков и уязвимостей, возвещающих приход «постчеловеческого антигуманизма» в условиях, проникнутых «текущим страхом»² перед экологическими катастрофами, эпидемиями, войнами, беженцами, хакерами и дронами-убийцами, что, в свою очередь, порождает новые витки массовых психозов, насилия и ксенофобии. Таким образом, на повестку дня встает вопрос о том, как не превратить постчеловеческий мир в бесчеловечный. Новая этика не-унитарного постчеловеческого субъекта, по мысли Брайдотти, должна исходить не из эгоизма классической либеральной утопии и не из императивизма кантовского типа, а из «усиленного чувства взаимозависимости между Я и Другими, включая не-человеческих и всех земных существ»³. Все это требует социологического воображения нового качества как инструмента гуманизации будущего.

¹ Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge, UK: Polity Press, 2013. P. 49.

² Bauman, Z. *Liquid Fear*. Cambridge: Polity Press, 2006.

³ Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge, UK: Polity Press, 2013. P. 191.

Указанные идеи действительно важны и для настоящего, и для будущего человечества. При этом считаем необходимым высказать два соображения. Первое, при всей значимости рассматриваемых философско-социологических проблем отдельно взятые понятия «постчеловек» и «постгуманизм» в русском языке представляются двусмысленными: их можно использовать для интерпретации зарождающихся, качественно новых этических ценностей и норм, которые гуманны в своей основе (возможно, со временем этот смысл за ними закрепится), но сегодня без необходимых пояснений они могут восприниматься как нигилизм гуманизма вообще. Не хотелось бы противопоставлять Человека «постчеловеку», скорее, лучше говорить о возможности зарождении его нового социального типа. Второе, по существу, наша российская социология имеет традиционный гуманистический стержень, исторически сформированный в трудах М.М. Ковалевского, Н.К. Михайловского, Л.И. Петражицкого, П.А. Сорокина, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и многих других мыслителей. Это направление, которое, как показал Форум, востребовано мировой социологической мыслью, необходимо возродить в нашей национальной социологии. Со своей стороны мы выдвинули идею гуманистического поворота, предполагающего не механический возврат к прошлым ценностям, а поиск реально возможных гуманистических альтернатив в условиях становящегося сложного социума¹. На наш взгляд, особенно важно следующее: (а) дать философско-социологическое осмысление этических проблем задействия нанотехнологий для «совершенствования» человеческого тела; (б) осмыслить ненамеренные последствия благ цивилизации, которые «облегчают» физическую и интеллектуальную деятельность человека; (в) в практическую плоскость переходит проблема мирного сосуществования человека и «умных» машин, особенно созданных для военных целей, учитывая нынешние реалии глобального терроризма; (г) пришла пора с гуманистических позиций переоткрыть ценность домашних и диких животных; (д) нужны принципиально новые подходы к сохранению чистоты почвы и воды – эти субстанции важны и для нас, и для грядущих поколений.

В целом, в рамках прошедшего Форума был также зафиксирован и отрефлексирован т.н. «онтологический поворот», знаменующий новый этап развития науки и философии. Это интеллектуальное движение вовлекает в свой горизонт множество теоретических и прикладных разработок в разных областях науки и творчества, наиболее интересными среди которых можно назвать акторно-сетевую тео-

¹ См.: Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика, 2013. № 1.

рию (Б. Латур, Дж. Ло и др.), объект-ориентированную философию или т.н. «онतिकологию» (Г. Гарман, Л. Брайант и др.), социологию «новых мобильностей» (Дж. Урри), антропологию вещей (А. Аппадьюрай, И. Копытофф и др.), антропологию искусства (А. Гелл), микро-археология (Ф. Фаландер, П. Корнелл и др.), а также урбанический метаболизм (П. Бачини, П. Браннер), «корпоральный» феминизм (Э. Гроз, М. Гэйтенс и др.), ряд отраслевых социологических направлений, включая социологию города и транспорта (А. Лефевр, И. Джо-зеф и др.), социологию техники или т.н. «технологический конструктивизм» (В. Бийкер, Т. Пинч и др.).

Несмотря на всю разнородность вовлекаемых в «онтологический поворот» дисциплин и концептуальных направлений, среди наиболее важных идей, вокруг которых происходила дискуссия на теоретическом уровне, можно выделить следующие: (1) переоткрытие традиционных дихотомий, свойственных как модернистскому, так постмодернистскому дискурсу (субъект/объект; язык/материя; знание/реальность); (2) «реальное» не предзадано, а контингентно, зависит от используемых инструментов его «регистрации»; (3) отдельно взятые реализм и конструктивизм признаются не достаточно адекватными в интерпретации природы биофизического и социального мира; (4) были актуализированы проблемы политической эмансипация в контексте «морфологической свободы».

Эти аспекты новой онтологии предполагают преодоление «зомбированных категорий» (У. Бек) и обоснование новых, более адекватных усложняющимся реалиям социальной жизни. В этом контексте на Форуме нами была предложена новая трактовка социальной мобильности¹. Мы исходили из того, что ускоряющаяся и усложняющаяся социальная и культурная динамика создает не просто новые социальные позиции в обществе, но и новую базовую реальность, где традиционные аскриптивные бинарные оппозиции (черная и белая раса, мужской и женский пол, природное и искусственное, человек и животное и т.д.) перестают играть роль первичных констант в обыденном знании индивидов и нормативных структурах общества в целом. Образуется новая область транссоциальности – пространство гибридных статусов и идентичностей, обладающих совокупностью аскриптивных и достигаемых характеристик. Этот процесс описывается нами через новое понятие «трансмобильности», подразумевающей как индивидуальные и независимые переходы от

¹ Katerny I.V. Conceiving Trans-Mobilities: Normative Dimension of a New Social Practice // The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. View from Russia, ed. V. Mansurov. [On CD ROM]. Moscow: RSS, 2016. P. 66-86.

прошлой предписанной к новой транзитивной позиции, так и внешние переключения, ориентированные на символическую и нормативную трансформацию идентичностей и статусов как индивидуальных агентов, так и целых групп субъектов и объектов. Основной вопрос, который нас интересует здесь – как онтологический морфогенез через практики трансмобильности встраивается в социально-нормативный порядок. Другими словами, существует ли в условиях морфологической свободы механизм сохранения и поддержания нормативности и упорядоченности.

Другой жизненно важной практикой сохранения гуманизирующих начал в будущем, как ни странно, стала проблема защиты и сохранения традиционных практик питания, считающихся здоровыми, для будущего. О важности проблемы свидетельствует то, что она была вынесена на пленарную сессию, ее аспекты обсуждались не только в исследовательском комитете 40 «Социология сельского хозяйства и еды». В рамках тематической группы «Социология риска и неопределенности» прошла специальная сессия на тему «Еда и общество риска». Выступавшие сделали акцент на изучении глоболокальных проблем структурных изменений производства еды в контексте роста населения, востребованности увеличения белковой пищи, возникновения новых социальных неравенств, обусловленных доступом к здоровой пище. Было показано, что ее качество на глобальном уровне стало снижаться в силу ряда факторов: климатической турбулентности, увеличения «мертвой почвы» и «мертвой воды», деятельности транснациональных сетей, производящих и распределяющих по всему миру продукты питания, руководствуясь прежде всего меркантильными соображениями. Как это ни парадоксально, наиболее обделенными здоровой едой оказываются жители стран Юга, где природа создала весьма благоприятные условия для ее производства. Комплексные социально-экономические проблемы продовольственной безопасности, возникшие в результате ненамеренных последствий использования инновационных технологий, раскрыла профессор Е. Азеvedо из Бразилии в докладе «Здоровая еда: для кого?»¹. А. Уорд в книге «Практика питания» предложил «социологическую теорию питания», с позиций которой пытается осмыслить парадокс: «Снабжение продуктами, вероятно, никогда не было столь безопасным в Европе и Америки за последние 50 лет... Однако еда и питание остаются источниками существенных обще-

¹ Azevedo E. Healthy Food: To Whom? // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria. P. 243.

ственных и институциональных беспокойств»¹. Со своей стороны, в выступлении на сессии мы показали суть новых рисков и уязвимостей не-еды (гамбургеры, хот-доги, чипсы, кока-кола и т.д.), понимаемой как социальная форма, которая производится на глобальном уровне и лишена специфического социального и культурного контекста. Положение дел в мире таково, что не-еда вытесняет еду, характерную для национальных культур².

Тематической кульминацией Форума, на наш взгляд, стали обсуждения, посвященные инновационной для социологии проблематике счастья, добра и зла в будущем, которой ранее, как известно, занимались в основном богословы и философы. Современные субъекты, становящиеся акторами, совсем не те индивиды, которые были в индустриальную эпоху, в период зарождения и становления социологии. Реалии глобализации существенно изменили человеческие отношения, этику мышления и действий людей. Поэтому, на наш взгляд, организаторы Форума совершенно правильно сделали, поставив на совместные сессии доклады, посвященные проблематике социологии счастья³ и исследованию социально-психологических факторов альтернативных будущих⁴. М. Вевьёрка, Президент Международной социологической ассоциации (2006-2010), опубликовал книгу «Зло». В ней зло предстает как социальный факт, вызывающий общественную боль, подчас, в планетарном масштабе, что, по его мнению, должно стать предметом глобальной социологии: «Добро и зло не акты Бога или природы, а часть повседневной реальности коллективной жизни»⁵. Особое внимание ученый уделяет исследованию типов зла в виде насилия над личностью, глобального терроризма, институционального расизма. З. Бауман и Л. Донскис обосновали концепцию «текучего зла», изложив ее в форме диалога между ними в одноименной книге. Понятие «твердое зло», воплощенное в Дьяволе и относящееся к традиционному и индустриальному обществам, основывается на черно-белой перспективе, в которой легко идентифицировать зло в социальной и политической жизни, исходя из стабильных представлений о добре и любви. Если

¹ Warde A. Practice of Eating. Cambridge: Polity Press, 2016. P. 19.

² Kravchenko S. Globalization: From Food to Non-Food // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria. P. 243.

³ Neenhoven R. The Sociology of Happiness // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria. P. 83.

⁴ Stets J. A Social Psychological Perspective on "The Futures We Want" // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria. P. 85.

⁵ Wieviorka M. Evil. Cambridge: Polity Press, 2012. P. 13.

логика «твердого дьявола» состояла в завоевании души и покорении мира, то логика «текучего зла» – соблазн и отступление. Современный дьявол всякий раз изменяет свои внешности, что в итоге ведет к утверждению моральной слепоты, утраты чувственности, притворству. З. Бауман раскрывает конкретные механизмы формирования «текучего зла»: «Политики претворяются, что они управляют, в то время как держатели экономической власти претворяются, что они управляемы. Чтобы следовать стилю, люди раз в несколько лет тащат себя к избирательным кабинкам, претворяясь, что они граждане». В итоге под влиянием эффекта «текучего дьявола», который латентен, далеко не всеми осознается, ранее стабильные и социально значимые институты для повседневной жизнедеятельности людей практически утрачивают свою функциональность: «Отнюдь не случайно, в наши дни проявляется тенденция замены термина “сообщество” на общепринятое выражение “сеть”... Если идея сообщества обычно ассоциируется со стабильностью и непрерывностью, то “сеть” – с нестабильностью и непостоянством»¹.

Представляется, поднятые на Форуме проблемы имеют весьма большое значение для сохранения собственно социального и гуманистического стержня в человеческих отношениях. Их практическое воплощение в глобальной социологии во многом будет зависеть от того, насколько прочны будут мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии². Однако, несомненно, инновационные идеи войдут в глобальную социологию и, конечно, они еще ждут своих дальнейших исследователей.

Библиография

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла, или конец социального. М.: Добросвет, 2000.
2. Кравченко С.А. Becoming // Социологический толковый англо-русский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2012.
3. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М.: МГИМО-Университет, 2015.
4. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика, 2013. № 1.

¹ Bauman Z., Donskis, L. Liquid Evil. Cambridge: Polity Press, 2016. P. 15, 18.

² См.: Кравченко С.А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социологические исследования, 2015. № 2.

5. Кравченко С.А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социологические исследования, 2015. № 2.
6. Abraham M. Welcome address by the President of the International Sociological Association // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.
7. Azevedo E. Healthy Food: To Whom? // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.
8. Bauman Z., Donskis, L. Liquid Evil. Cambridge: Polity Press, 2016.
9. Bauman, Z. Liquid Fear. Cambridge: Polity Press, 2006.
10. Bell W., Mau J. (eds.). The Sociology of the Future. Theory, Cases, and Annotated Bibliography, New York: Russell Sage Foundation, 1971.
11. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge, UK: Polity Press, 2013.
12. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge, UK: Polity Press, 2013.
13. Elliott A. Identity Troubles: An Introduction. New York: Routledge, 2016.
14. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992.
15. Fuller S. Is Future 'Human', 'Posthuman' or Trunshuman' // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.
16. Greely H. T. The End of Sex and the Future of Human Reproduction. Cambridge: Harvard University Press, 2016.
17. Katerny I.V. Conceiving Trans-Mobilities: Normative Dimension of a New Social Practice // The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. View from Russia, ed. V. Mansurov. [On CD ROM]. Moscow: RSS, 2016.
18. Kravchenko S. Globalization: From Food to Non-Food // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.
19. Manuel F.E. The Prophets of Paris. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962.
20. Neenhoven R. The Sociology of Happiness // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.
21. Rosa H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity / Trans. by J. Trejo-Mathys. New York: Columbia University Press, 2015.

22. Rose N. *The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007.

23. Schulz M.S. *The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World* // <http://futureswewant.net/about/about-english/>.

24. Stets J. A Social Psychological Perspective on “The Futures We Want” // 3rd Forum of Sociology. *The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World*. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.

25. Sztompka P. *Society in Action: A Theory of Social Becoming*. Cambridge, 1991.

26. Warde A. *Practice of Eating*. Cambridge: Polity Press, 2016.

27. Wieviorka M. *Evil*. Cambridge: Polity Press, 2012.

РЕЦЕНЗИИ

*МАРКОВ Александр Петрович,
д. культурологии, д.пед.н., профессор
кафедры «Философии и культурологии» Санкт-
Петербургского гуманитарного университета
профсоюзов, заслуженный деятель науки РФ
markov_2@mail.ru*

О книге Александра Запесоцкого «Культура: взгляд из России»/ About the book Alexander Zapesotsky «Culture: A View from Russia»

Аннотация

Рецензия посвящена книге известного петербургского ученого, члена-корреспондента РАН А. С. Запесоцкого «Культура: взгляд из России», которая увидела свет в 2015 году. Это второе, дополненное издание научных трудов одного из самых цитируемых в России культурологов, отражающих взгляд автора на отечественную и мировую культуру с позиции русской культурологии, призвано внести вклад в корпус исследований, посвященных пониманию культуры как целостности, духовного базиса общенационального бытия, основы развития всего спектра социальных институтов. Рецензия освещает основные вопросы, актуализируемые в этом тематическом поле (становление современной культурологии как научной парадигмы, новейшая теория культуры, образование как одна из подсистем культуры, диалог культур, характер воздействия СМИ на российскую культуру, роль интеллигенции в духовной жизни страны и др.). Отзыв на книгу предлагает читателю задуматься о методологических основаниях и научных атрибутах культурологии в целом и культуроцентристской концепции гуманитарного образования в частности. Лейтмотивом и сборника, и рецензии на него является мысль о возможности культурологической методологии оперативно и эффективно реагиро-

вать на возникающие проблемы социокультурного характера, предлагать обществу эффективные способы их решения.

Ключевые слова

Философия и социология культуры; философия образования; культурология как отрасль гуманитарного знания; культура как системная целостность; культуроцентристская концепция гуманитарного образования; педагогическая культурология; информационная безопасность российского общества; современная молодежная субкультура; исследования А.С. Запесоцкого; культурологическая методология.

Увидело свет 2-е издание книги петербургского ученого, члена-корреспондента РАН Александра Запесоцкого «Культура: взгляд из России» (СПб.: СПбГУП; Наука, 2015).

Сборник концентрированно представляет фундаментальные научные результаты, полученные автором в трех областях философско-культурологического знания: философии культуры, философии образования и социологии культуры.

В первом разделе книги представлены материалы, раскрывающие методологические основания и научные атрибуты культурологии как отрасли гуманитарного знания. Актуальность и теоретическая значимость данной проблемы, разработка которой начинается с середины 1990-х годов, была связана с общим состоянием гуманитарного знания, осознанием ограниченных возможностей классических наук гуманитарного цикла решать появившийся принципиально новый класс задач, масштаб которых превышал гносеологические ресурсы каждой науки в отдельности. Культурология в работах А.С. Запесоцкого представлена как метанаука, формирующаяся на базе специфической методологии, интегрирующая различные частнонаучные гуманитарные методы, подходы и принципы, как парадигмальная модель интеграции результатов и возможностей обществоведческих наук. Вклад автора в теоретико-методологическое обоснование культурологии как специфической области научного знания состоит в раскрытии специфики культурологического метода, демонстрации познавательных возможностей и компетенции культурологии в сравнении с родственными науками социально-гуманитарного профиля, определении фундаментальных направлений и проблемного поля культурологических исследований.

Во втором разделе книги рассматривается новейшая теория культуры на материале теории культуры академика В. С. Степина. Показано, что теория культуры академика Степина является уникальным

феноменом отечественной науки конца XX–начала XXI века. Без знания этой теории, по мнению автора, профессиональная подготовка гуманитариев в принципе не может считаться достаточной, так же, как не могут считаться полноценными фундаментальные и прикладные исследования в области культуры, разработка и реализация культурной политики и культурных программ. Автор отмечает, что представления о культуре академика Степина, включаемые в картину социальной реальности, являются обобщающей моделью структуры и динамики культуры. С ней соотносятся наиболее значимые достижения истории, филологии, антропологии и других конкретных наук, изучающих различные аспекты функционирования и развития культуры.

Третий раздел посвящен взаимовлиянию культурологии и классических отраслей научного знания. Тексты раздела объединяет культурологическая методология исследования социальной реальности, понимание культуры как системной целостности. Это позволило автору осмыслить в рамках культурологической парадигмы онтологические ресурсы современных социокультурных технологий и ввести в научный оборот гуманитарной мысли инновационные идеи и концепции; продемонстрировать возможности культурологического знания осуществлять мировоззренческую адаптацию базовых социокультурных институтов (искусства, экономики) к специфике российской духовности.

В текстах четвертого раздела книги проблематика концентрируется в сфере культурологии образовательной деятельности.

Во-первых, здесь получает фундаментальное обоснование культуроцентристская концепция гуманитарного образования, разработанная А. С. Запесоцким в середине 1990-х годов и успешно реализованная в деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Культуроцентристская концепция гуманитарного образования вобрала в себя позитивные черты антропоцентричной и социоцентричной образовательных моделей, обосновала принципиально новую роль образовательной среды, позволяющей реализовать практически весь комплекс воспитательных задач, утвердила духовность как важнейший критерий эффективности воспитательных и образовательных институтов.

Во-вторых, осуществлена концептуальная проработка нового направления в педагогической науке – *педагогической культурологии*. В орбиту анализа включены педагогические теории, воспитательные практики, совокупность цивилизационных факторов. Образование рассматривается как пространство социализации и самореализации личности, среда формирования субъекта культу-

ры. История педагогики в работах А. С. Запесоцкого предстает как циклический процесс возникновения, утверждения, кризиса и смены доминирующего идеала, который зарождается в недрах культуры, получает социальную легитимацию в системе гуманитарного знания (философия, этика, искусство). Сегодня педагогическая культурология как научно-практическое направление продуктивно утверждает себя в структуре педагогического знания.

В пятом разделе показан характер воздействия СМИ на российскую культуру, дана характеристика роли интеллигенции в духовной жизни страны, исследуются факторы модификации современной молодежной субкультуры, разрабатываются проблемы взаимодействия культур. В своих работах А. С. Запесоцкий поднимает острейшую проблему информационной безопасности российского общества, которая получила свое развитие в рамках Лихачевских чтений, проводимых на базе Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Автор отмечает, что чрезвычайная актуальность задачи обеспечения духовной безопасности обусловлена не только экспансией внешних воздействий, но и внутренними факторами. К сожалению, за годы реформ разрушена система духовного самовоспроизводства общества. Духовно-нравственный вакуум, вызванный утратой механизмов культурной преемственности, кризисом традиционных институтов социализации и разрушением оснований национально-культурной идентичности, ведет к утрате смысла жизни и порождает «катастрофический» тип сознания. Обеспечение национальной безопасности в ее духовной составляющей предполагает прогнозирование сценариев возможных угроз, выработку мер по их предотвращению, проектирование эффективных способов ответа на информационные вызовы глобальных игроков.

Особое внимание А.С. Запесоцкий уделяет анализу феномена развития молодежной субкультуры в современную эпоху с учетом противоречивости процессов развития массовой и потребительской культуры. Автором разработана концепция взаимодействия субкультуры и базисной культуры общества.

Отдельный раздел книги составляют портреты известных деятелей науки и культуры, таких как: академики Л.И. Абалкин, Н.П. Бехтерева, О.Т. Богомолов, Е.М. Примаков, поэт Андрей Вознесенский, писатель Даниил Гранин, историк Лев Гумилев, философ Александр Зиновьев, композитор Андрей Петров, кинорежиссер Эльдар Рязанов, балетмейстер Борис Эйфман.

Представленные в книге результаты многолетних исследований А.С. Запесоцкого отвечают самым высоким критериям современного уровня научно-теоретической мысли. Существенный прорыв в

значимых для общества областях философско-культурологического знания обеспечен методологической основательностью работ, выполненных на основе синтеза результатов культурологических, социологических и педагогических исследований. Труды А.С. Запесоцкого, в которых содержится обоснование научных атрибутов культурологии как отрасли гуманитарного знания, получили широкий общественный резонанс и признание в гуманитарном сообществе России. Многолетняя исследовательская работа и миссионерская деятельность по популяризации науки способствовали институционализации культурологии как отрасли знания. Культурологическая методология заявила о себе как ведущее направление развития философско-гуманитарного знания, она демонстрирует свои познавательные возможности и способность оперативно и эффективно реагировать на возникающие проблемы социокультурного характера, предлагать обществу эффективные способы их решения.

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ¹

X Международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность». Просим до 1 ноября 2016 года присылать заявки и тезисы доклада. Конференция состоится 8-9 декабря 2016 года в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге.

Всероссийская научно-теоретическая конференция «Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе». Для участия в Конференции необходимо до 1 ноября 2016 г. направить заявку и текст статьи. Конференция состоится 8-10 декабря 2016 года в г. Краснодаре.

LXVII Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история». Проводит 2 ноября 2016 года АНС «СибАК». Публикации РИНЦ.

LVI Международная заочная научно-практическая конференция «Научная дискуссия: инновации в современном мире». Проводится 3 ноября 2016 года в Москве.

Ежегодная международная научно-практическая конференция «Новеллы права и политики 2016». Прием заявок на участие, текстов докладов осуществляется по 10 ноября 2016 г. 23 ноября 2016 г. Конференцию проводит 23 ноября 2016 года Юридический факультет Государственного института экономики, финансов, права и технологий (г. Гатчина).

XXII Международная заочная научно-практическая конференция «Молодой ученый: вызовы и перспективы». Последний день подачи заявки: 14 ноября 2016 г.

XL Международная научно-практическая конференция «Наука вчера, сегодня, завтра». Материалы для участия в конференции принимаются до 14 ноября 2016 года.

¹ Подробности на сайте: <http://www.kon-ferenc.ru>.

LVI Международная заочная научно-практическая конференция «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории». Конференция состоится 21 ноября 2016 года в Москве.

XLII Международная (заочная) научно-практическая конференция гуманитарных и общественных наук «Взаимодействие культуры, науки и искусства в вопросах развития нравственности современного общества». Материалы для участия необходимо отправить до 23 ноября 2016 года (включительно). Конференция проводится 24 ноября 2016 года Обществом Науки и Творчества.

Всероссийская научно-практическая конференция «Репрезентации городской культуры: история и современность». Заявки на участие в конференции и тезисы принимаются к рассмотрению до 1 ноября 2016 г. Конференция будет проводиться 16 ноября 2016 года на базе Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

Вторая международная научно-практическая конференция «Этика и история философии». Для участия в конференции нужно выслать материалы до 1 ноября 2016 г. Пройдет 18 ноября 2016 года на факультете истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

Всероссийская научно-теоретическая конференция «Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе». Для участия в Конференции необходимо до 1 ноября 2016 г. направить заявку и текст статьи. Конференция состоится 8-10 декабря 2016 года в г. Краснодаре.

Международный научный форум «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой». Прием заявок для участия в конгрессе осуществляется до 10 ноября 2016 г. Будет проводиться 16-17 ноября 2016 года в Хабаровске на базе Тихоокеанского государственного университета.

Четвертая научная конференция «Психотехники и измененные состояния сознания». Заявка на участие в конференции должна быть отправлена до 13 ноября 2016 г. Конференция состоится 8–10 декабря 2016 года в Санкт-Петербурге на базе Русской христианской гуманитарной академии.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10–12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски – постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все **знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы размечаются и поясняются на полях рукописи.** Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации встраиваются непосредственно в текст статьи.** Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки – подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее – на иностранном), он дается в конце статьи.

6. К статье прилагается ее **электронная версия.**

По электронной почте статьи принимаются в заархивированном виде.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье обязательно прилагаются:

– **аннотация** (резюме) объемом 15–20 строк на русском и английском языках;

– **список 3–4 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

– **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, **должность, ученая степень, а также** данные для связи с автором – адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются, редакция по поводу отклоненных материалов в переписку с авторами не вступает.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете:

<http://www.журналпоиск.рф>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 5 (58)
Июль-Август 2016 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II»

Издатель

МГУПС (МИИТ)

Издание зарегистрировано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетель-
ство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210
от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

Тел.: +7 (499) 394-30-48

Для простых почтовых отправлений:
127994, г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: info@журналпоиск.рф

Сайт в интернете: www.журналпоиск.рф